Колдовские Миры

Астра

Шустрое Счастье, или Охота на Маленького Дракона

Анна Гаврилова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Счастье бывает разным: огромным и крошечным, хрупким и нерушимым, а бывает золотым, крылатым и с чешуйками. В общем, выбор огромный! Но есть среди них одно – самое, пожалуй, трудное… Это то счастье, которое норовит удрать из твоей жизни при первой же возможности.

Как в этом случае поступать? Вариантов опять-таки много, но герцог Кернский выбрал самый, кажется, логичный – запереть и не отпускать! И всё бы хорошо, да только счастье его тоже не лыком шито и сдаваться на милость человеку точно не собирается.

Причем ни за что! Ни за черешню, ни за тортик, ни за самую вкусную в мире пироженку…

- Анна Гаврилова
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Эпилог

Анна Гаврилова
Астра. Шустрое счастье, или Охота на маленького дракона

© Гаврилова А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

Небо было высоким и синим. Солнце – желтым и круглым. Ветер – лёгким и почти незаметным; он предельно лениво шелестел листочками деревьев и столь же лениво пытался поддеть страницы книги, которую читал развалившийся на скамейке мужчина.

Мужчина – это Дан. Ну то есть Дантос, герцог Кернский. Моё сероглазо-блондинистое наказание. Вреднючее, как все аристократы. Непослушное, как все мужчины. И, к моей огромной грусти, немного раненое.

Арбалетный болт прошил грудь и прошел так близко от сердца, что в первое мгновение подумалось – всё, не выживет. Но Дантос оказался совсем не прост. Он не только выжил, но выздоравливал такими темпами, что лекарь, приставленный императором, не уставал изумляться.

Собственно, если совсем объективной быть, Дан уже выздоровел. Но мы с лекарем посоветовались и решили, что ещё недельки две постельного режима ему не повредят. Дантос подобному вердикту не обрадовался, и вот уже три дня бунтовал.

Конкретно сегодня в сад удрал. Причём по-хитрому, пока сестра милосердия в моём лице, мирно посапывала в подушку.

Проснувшись и обнаружив пропажу, я, разумеется, рассердилась и помчалась на поиски. Нашла. Отругала. Потом, убедившись, что этот упрямец высокого происхождения подчиняться требованиям не намерен, плюнула на всё и отправилась на кухню, к Роззи.

Поела. Плотненько так, но без фанатизма. И вот после этого опять отправилась в сад, к той самой скамейке, на которой их светлость, с подвязанной во избежание лишней подвижности левой рукой, изволили греться на редком в последнее время солнышке и читать авантюрный роман.

Новую порцию нравоучений блондинчик выслушал со снисходительной улыбкой. И даже покивал! А потом сообщил самым миролюбивым тоном:

– Дорогая, я всё понимаю, но этот твой постельный режим мне уже поперёк горла. – Показал книгу и добавил: – Я не бегаю, не фехтую, а просто читаю. Никакой физической нагрузки. Всего лишь роман.

Дантос был расслабленным и весёлым. Настолько весёлым, что хотелось треснуть чем-нибудь тяжёлым. Потом догнать и треснуть ещё раз!

А я… я была как всегда. Маленькой, дерзкой и восхитительно

прекрасной! Изящный изгиб спинки, узкая, увенчанная шипастым гребнем голова, глаза цвета янтаря, крылья – самые настоящие. Ещё острые коготки, чуть толстоватая, но невероятно красивая попа и он – хвост! Ну и чешуйки, куда ж без них. Золотые, с тёмным кантиком.

– Ву-у-у! – сказала я возмущённо.

– Всего лишь роман, – вновь демонстрируя книгу, повторил Дан.

Нет, он всё-таки невыносим! Ведь знает, я не против книги! И я прекрасно понимаю, что ему надоело валяться в постели, но есть такое слово – «режим»!

И вообще, в саду хоть и солнечно, но совсем не жарко – осень на пороге. И земля сырая, потому что дожди последние три дня шли. Вот самое оно простудиться. А нам сейчас только простуды и не хватает.

– Ву-у-у!

– Дорогая, прекрати, – сказал Дан и лениво перевернул страницу. И уже глядя в книгу: – Мы оба знаем, что прогулка моему выздоровлению не помешает. И мы оба понимаем, что сейчас ты просто вредничаешь.

Я не выдержала – плюхнулась на попу и засопела.

Да, вредничаю. Причём не столько я, сколько драконья сущность, у которой собственные представления о заботе. Ведь драконы – животные стайные, и они очень сильно о своих пекутся. И так как драконья сущность признала блондина за своего…

В общем, она действительно беспокоилась. Вернее, мы обе беспокоились, но вот эта сверхзабота исходила именно от неё. Хуже того – это был инстинкт, а противиться инстинктам очень сложно.

Посопев ещё с минуту и поразмыслив над ситуацией, я встала, нервно дёрнула хвостом и отправилась исследовать близлежащую территорию.

Не то чтоб я её не знала, не то чтобы мне было интересно, просто конспирация. Я же, по официальным данным, зверь. А у зверей, как всем известно, свои повадки. И тот факт, что обитатели особняка давно поняли, что я разумна, необходимости притворяться не отменял.

Просто очень не хотелось, чтобы кто-то из челяди заподозрил во мне… не зверя. Достаточно того, что Дантос о моей истинной природе знает.

Остановившись у одного из розовых кустов, я принюхалась и осторожно копнула землю. Вернее, кусочек идеального газона сорвала. Потом обернулась, чтобы взглянуть на Дантоса.

Их светлость, как и ожидалось, не в книгу смотрел, а на меня. Но хитренько так, поверх страничек. И молчаливо ухохатывался! Нет, саму улыбку я не видела, но глаза сказали всё!

Я фыркнула и сообщила:

– Не смешно.

Разумеется, реплика прозвучала как всё то же «ву-у-у» – ну не приспособлен драконий речевой аппарат для сложных звуков, что поделать.

Вот теперь герцог Кернский рассмеялся в голос. А я… нет, я не обиделась. Тоже хихикнула, но только мысленно. Слишком хорошо понимала, как эта ситуация с точки зрения Дана выглядит.

Ведь он видел мой истинный облик… Более того, он этот облик ещё и трогал! Гладил по волосам, целовал в губы и даже ущипнул несколько раз за то место, которое у драконов непропорционально большое, а у меня настоящей очень даже гармоничное и совсем-совсем не толстое. И сейчас, когда я стою у розового куста и порчу газон, ему реально есть над чем смеяться.

– Ты удивительная… – сообщили мне, едва приступ смеха закончился.

Я делано фыркнула. Потом отошла на несколько шагов и молчаливо застонала.

О нет, только не это! Дан, мы же договорились! Мы же всё-всё обсудили!

– Что не так? – тут же откликнулся светлость.

Я устало закатила глаза.

– Астра? – вновь позвал блондин. В голосе послышалось напряжение.

Что-что… Да всё! Мы же с тобой договорились, и я думала, мы друг друга поняли! Никакой любви, Дан. Никаких привязанностей. А вместо этого что? От тебя нежностью за лигу несёт! И не говори, что я не права! Драконья сущность все твои эмоции преотлично чует!

Увы, мой призыв проигнорировали. Хуже того, Дан отложил книгу и встал.

– Астрёныш, ты чего?

Маленькая красивая я нервно дёрнула хвостом и демонстративно отвернулась, уставившись на высокое синее небо и желтое круглое солнце. И только в этот миг сообразила, какой я была глупой. Небо! Ну конечно!

– Астрочка… – Дантос сделал два шага по направлению ко мне. – Девочка…

Я встрепенулась и стрелой метнулась к нему.

Я – дракон! Маленький, красивый, безумно обаятельный и

вообще единственный в своём роде! И ты только взгляни, какие у меня лапки! Какой хвостик! Какие крылышки!

Посмотрел? А теперь гладь! Ну же, светлость! Погладь дракона!

Дабы пояснить свои желания, я привстала на задних лапах и боднула его ладонь. И сообщила нетерпеливо:

– Ву-у-у!

– Что ты задумала? – спросил герцог напряженно.

Я помотала головой, потом ласково потёрлась мордой о его ногу и чуть-чуть штанину прикусила.

Что-что. Раз уж у нас есть возможность попрощаться, то давай-таки попрощаемся. Я, к своему огромному сожалению, буду очень по тебе скучать. По твоим хмурым взглядам и обзывалкам, по твоему безумно притягательному запаху, по твоим удивительным серым глазам и возмутительным поцелуям. И даже по твоей тирании скучать буду, но Дан, я уже всё сказала. Я не могу остаться с тобой. Правда, не могу!

И мне очень жаль, что тебе сейчас придётся понервничать – больному организму нервы не на пользу, но ты это переживёшь. И в погоню за мной не бросишься, потому что ты человек умный, и ты прекрасно знаешь – искать бесполезно. Я – метаморф, я могу принять практически любой облик. Тебе ни за что меня не отыскать, поэтому… ты даже постельный режим не нарушишь.

Но, повторяю, буду скучать! И раз у нас есть такая возможность…

– Актриса, – выдохнул Дантос и, присев на корточки, принялся гладить чешуйчатую голову. На губах светлости вспыхнула тёплая улыбка, в серых глазах вновь появились искорки.

Я же взвизгнула от счастья и крутанулась, подставляя спинку.

Видишь, какая я хорошая? Вот теперь между крылышек почеши. У тебя это так замечательно получается.

Герцог Кернский намёк понял и внял. Он принялся почёсывать, даря маленькому дракону невероятное удовольствие. Мой покрытый золотой чешуёй организм отреагировал привычным образом – у меня лапа задняя задёргалась.

Хорошо! О, Леди Судьба, ты бы знала, как хорошо!

– Придуриваешься, да? – спросил блондин тихо.

Я плыла от кайфа, но всё равно кивнула. Потом опомнилась и активно замотала головой – нет, что ты! Как ты мог такое подумать?

А он усмехнулся.

– Вреднючка. Маленькая, бессовестная девчонка.

Нет, пупсик, не вредная я. И совесть у меня, к сожалению,

имеется. Именно поэтому я делаю то, что делаю. И… Дантос, я желаю тебе счастья. Огромного. Необъятного!

Едва герцог Кернский убрал руку, удовольствие схлынуло. А я бодро отскочила в сторону, втянула ноздрями прохладный воздух, наполненный его неповторимым запахом, оттолкнулась всеми четырьмя лапами и прыгнула в небо.

Я взмахнула крыльями. Ещё раз, и ещё. Ощущение полёта было таким привычным, но таким грустным. Выше, ещё выше. Туда, где только птицы.

– Астра, нет! – воскликнули где-то… ну не так далеко, как хотелось бы. Просто, я не спешила набирать высоту. – Астра, вернись!

А вот второй оклик подстегнул. Я на миг зажмурилась, усилием воли выбросила из головы всю сентиментальную чушь и рванула вверх.

– Астра, назад! – рыкнул Дан. – Астра!

Прости, дорогой, не судьба.

Взмах крыльями. Ещё один. Третий.

Ну здравствуй, небо. Здравствуй, свобода.

Ещё один взмах, рывок, и…

– Осторожно! Купол!

Крик Дантоса и моя встреча с защитным магическим куполом… совпали. Герцог Кернский заголосил, и в тот же миг маленький храбрый дракон со всего маху впечатался в невидимую преграду.

Преграда оказалась не слишком жесткой, да ещё спружинила. Но в голове всё равно зазвенело, и я даже на пару мгновений потеряла координацию и начала падать.

Не упала, разумеется. Но… но…

– Астра! – донеслось снизу. – Астра, вернись!

Я заложила крутой вираж, чтобы бросить взгляд на замершего внизу человека. И тут же снова вверх рванула! Ну не может такого быть! Не может быть никакого купола!

Новый удар о пружинящую невидимую стену доказал – ещё как может. Хуже того, он-таки есть!

– Астра! Астра, там купол, так что ничего не получится! – продолжал голосить герцог. – Вернись немедленно! Расшибёшься!

Кто расшибётся? Я? Да я…

Я сложила крылья и подобная увидавшему добычу ястребу помчалась к земле. А преодолев примерно половину расстояния, снова крылья распахнула, заложила долгий вираж и опять устремилась вверх. Да, я брала разгон!

– Астра!

Третий удар о бесов купол был вообще убийственным. У меня

не только потемнело в глазах – я панораму звёздного неба увидела. Причём в подробностях.

– Астра!

– Ву-у-у!!!

Нет, это не от боли, от досады. Дан, пупсик, вот скажи маленькой красивой мне, откуда здесь эта гадость? И как такое вообще возможно? О защите на окнах я знаю – сталкивалась. Но купол… Да таких же не делают! Их вообще не бывает!

– Астра, спускайся! – крикнул Дантос. Драконье чутьё уловило его тревогу, причём искреннюю. – Сбежать всё равно не получится. Я же предупреждал!

Предупреждал он… Зараза!

Я спустилась, но не совсем. Просто снизилась, чтобы герцогу не приходилось орать на всю округу. Его крики и так уже прислугу взбаламутили. Вон – Роззи и Полли из окна кухни выглядывают, Жакар на внутреннее крыльцо выбежал, да и остальные тоже из своих щелей повылезали.

Но это всё равно ерунда в сравнении с куполом. Откуда он, бес его пожри, тут взялся?!

– Купол установили ещё три недели назад, – сообщил посуровевший Дан. – Он закрывает всё владение.

Что-о-о?!

– На опорные столбы забора посмотри, – продолжила самая вероломная светлость на свете. – Там каркасные кристаллы. На них купол и держится.

Я взмахнула крыльями и рванула к забору. А вслед донеслось:

– Только сами кристаллы не трогай. На них защита от… несносных девчонок.

Я заложила новый вираж, чтобы развернуться и зависнуть в воздухе. От несносных девчонок? То есть выковырять несколько кристаллов, чтобы сделать небольшую дырочку в этом ужасном куполе, у меня не получится?

– Кристаллы защищены, – повторил Дантос. – Если хочешь – проверяй. Но ты же знаешь, я слов на ветер не бросаю.

Маленький дракон мысленно взвыл!

Вот как? Как такое возможно? Почему я про такой способ побега и не вспомнила поначалу, а он даже защиту успел поставить! Причём так, что я про неё ни сном, ни духом?

Ну Дантос, ну… гад продуманный.

– Спускайся, малышка. – Герцог Кернский совсем смурным сделался. – Там, если ничего не путаю, коробку эклеров из кондитерской принесли. И пастилу. И корзиночки с малиновым кремом…

Глава 1

Иду. Иду, стуча когтями по паркету, и соплю. Просто нечестно это всё. А самое нечестное – я даже обидеться не могу, потому что Дантос в своём праве. Я же обещала ему, что новых попыток побега не будет, а тут… вот.

Герцог Кернский тоже идёт. Рядом. Справа. И тоже сопит! Драконья сущность подсказывает – светлость злится. Не сильно, но кое-кто из нас имеет реальный шанс огрести по полной.

Эх…

Лестница. Крутая и роскошная, с красивыми лакированными перилами. Я уже миллион раз по ней поднималась и трудностей никогда не испытывала, а теперь ступеньки кажутся такими высокими, такими неприступными.

Но деваться всё равно некуда, поэтому иду. Сопя и пыхтя, взбираюсь на первую, потом на следующую. Попа, чуя угрозу, которая над ней нависла, отчаянно перевешивает и тянет вниз.

Дантос прекрасно всё видит, но взять маленького дракона на ручки даже не пытается – впрочем, неудивительно, он же у нас раненый, и левая рука на перевязи.

Светлость останавливается, чтобы подождать, когда преодолею очередной участок, и снова бодренько вверх топает. Потом опять останавливается, оборачивается и замирает. Он смотрит с укоризной, поджав губы.

А я такая маленькая, такая несчастненькая…

– Астра, не придуривайся.

– Ву-у-у… – отвечаю я.

И с ужасом понимаю – мне стыдно. Не так, как в прошлый раз, но всё-таки.

А в прошлый раз вообще неудобно получилось, даже при том, что на тот момент я обещаний не сбегать не давала.

Я тогда свой изначальный план осуществить попыталась. Чуть изменённый, ввиду того, что блондин уже в курсе, кто я такая, но вообще тот же.

Дантос в тот вечер очень просил, и я на уговоры поддалась – приняла истинный облик, ласковой кошкой скользнула в его объятия. Я жадно пила поцелуи герцога, таяла от его прикосновений и, не смущаясь, дарила ответные.

Мне было хорошо. Хорошо, как никогда в жизни! И на несколько часов я с головой погрузилась в этот омут, в этот водоворот эмоций и страстей. А когда всё закончилось и обессиливший Дан уснул, крепко прижимая меня к себе, протрезвела.

Я ведь с самого начала не обольщалась. Всё это время прекрасно понимала – я не могу остаться с ним. Я должна уйти. И если бы не его ранение, меня бы уже давно и след простыл.

Но рана заживала, и быстро. А этот вечер в который раз доказал – светлость к числу умирающих точно не относится. Если так, то смысл ждать?

Не знаю, как долго я лежала в объятиях спящего мужчины и вдыхала умопомрачительный запах его тела – увы, я таяла от него, даже находясь в этом, по сути человеческом, теле. Но силы выбраться из кольца рук и выскользнуть из-под одеяла я в себе всё-таки нашла…

На цыпочках, стараясь не издать ни звука, подошла к двери и отперла замок – Дантос в последнее время часто запирался. Из-за меня, разумеется.

Столь же бесшумно выскользнула в кабинет и отправилась в гостиную – внешняя дверь тоже была заперта, и открыть её, будучи человеком, было проще.

Ну и прощальную записку драконьей лапкой не напишешь. А уйти, не сказав ни слова, я всё-таки не могла.

Поэтому, справившись с последней дверью, я вернулась в кабинет и вытащила из ящика стола писчие принадлежности. Лунного света, который лился сквозь незашторенное окно, было вполне достаточно, чтобы не испытывать трудностей при составлении записки.

Сантиментов я не разводила, написала скупо, по существу:

«Прости за всё и не ищи.
С признательностью, А.»

И приписочку сделала:

«Я позаимствовала у тебя один кошель. Сомневаюсь, что у меня будет возможность вернуть этот долг, но если получится, верну обязательно».

Воткнув перо в чернильницу, я подула на лист, дабы высушить чернила, и опять к ящику стола потянулась. Не к тому, где принадлежности для письма хранились, а к тому, где лежали несколько бархатных мешочков, набитых серебром и медью.

Дальше было сложней.

Я прекрасно понимала, что не могу выйти из покоев герцога Кернского в истинном обличье. Дело даже не в наготе – её легко прикрыть, дело в ограниченных возможностях моего тела. Будучи человеком, я не в состоянии предугадать встречу с кем-либо из домочадцев. А риск напороться на кого-нибудь, несмотря на

глубокую ночь, есть. Риск есть всегда!

Поэтому я положила кошель на пол и отступила от стола. Медленно опустилась на четвереньки, закрыла глаза и позволила силе метаморфа пробудиться, потечь по венам.

Мне не пришлось возрождать в памяти образ золотой драконицы – тело слишком хорошо помнило эту форму, форму, в которой я провела долгих семь лет. Мысленный приказ, и… всё. Взрыв!

Красная пелена застилает глаза, боль рвёт на части. Эта боль гораздо сильней и ярче, чем при обычном перевоплощении: у драконов совершенно иное строение скелета, а изменение костей – не шутки. По-хорошему, эту трансформацию невозможно выдержать – уровень боли и доля изменений тела превышают все мыслимые и немыслимые пределы. И да, это одна из причин, по которым анимализм в нашем сообществе находится под запретом. Более того, он фактически равен преступлению.

Но я выдерживаю. Для меня это перевоплощение не в новинку, а боль… ну, бывало и хуже. К тому же, другого варианта всё равно нет. И возможно, это в последний раз.

И ещё… молчу! Ни звука, как бы тяжело ни было! Что угодно, только бы не разбудить спящего в соседней комнате Дантоса. Потому что он не поймёт и не отпустит.

Сознание плавится, мир кружится. В какой-то момент я теряю связь с реальностью, а в себя прихожу уже драконом. И кажется, что до этого момента я была слепа и глуха – на меня обрушивается миллиард звуков и запахов, и очертания комнаты становятся стократ чётче.

Ещё с минуту стою и не шевелюсь. Приходя в себя, прислушиваясь и принюхиваясь. Потом всё-таки не выдерживаю и, вопреки намерениям, иду к двери спальни.

Я нарочно оставила её приоткрытой – чтобы язычок замка не щёлкнул и точно не разбудил Дана. Так что теперь мне остаётся лишь поддеть створку когтями, просунуть в щель морду и плавно протиснуться внутрь. И услышать ровное, мерное дыхание… Спит моя светлость.

Желание приблизиться, чтобы посмотреть на него и в последний раз вдохнуть его аромат, я в себе подавила. Плавно попятилась, чтобы через пару минут осторожно прикрыть эту злосчастную дверь, вернуться к столу, ухватить кошель зубами и потопать в гостиную. Дальше, поддеть когтями опять-таки приоткрытую дверь и выскользнуть в наполненный тьмой коридор.

Ни-ко-го!

Драконья сущность подсказывала – все домочадцы спят. Это

было логично и ожидаемо, но я всё равно испытала облегчение. Всё так же тихо, почти крадучись, добралась до лестницы, спустилась на первый этаж и прошмыгнула в крыло, где располагались комнаты слуг.

Нужную дверь искать не пришлось – несмотря на то, что Люсси не появлялась в особняке очень долго, драконий нос прекрасно распознал её запах. Впрочем, дело не только в запахе – я уже интересовалась расположением этой комнаты.

И да, отлично знала, что она не заперта. А зачем? Это приличный дом, воров тут нет. Ну кроме самой поганки Люсси и… меня.

Привстав на задних лапах, я аккуратно надавила передними на ручку двери и вошла. Помещение оказалось не слишком просторным, но чистым – тут уже прибрались. Не настолько хорошо, чтобы убить запах, но всё-таки. И вещи пойманной на пособничестве злодеям служанки в чемоданы упаковали. Забрать чемоданы возможности у Люсси пока не было – она по-прежнему томилась в застенках, ждала суда.

Жалости к чересчур прыткой девице я не испытывала, и её неудача была сейчас как нельзя кстати. Она давала мне шанс на побег.

Прикрыв дверь, я снова замерла и прислушалась. Драконий слух улавливал малейшие звуки, а драконья сущность преотлично чувствовала людей. И она подсказывала – дом, как и прежде, спит. Преград нет.

Так что я со спокойной душой выплюнула кошелёк и зажмурилась, вновь призывая родную магию. Выдержала все оттенки боли и поднялась с пола уже человеком. Ну почти человеком – внешне наши расы неотличимо похожи, но некоторые биологические моменты настолько различны, что речи о единстве нет.

Ноги после трансформации дрожали, руки тоже, а сердце и вовсе с ума сошло. Но последнее всё-таки от страха.

Да, я боялась. Храбрилась, но осознание того, что именно собираюсь сделать, вгоняло в панику.

Мой расчёт был прост: выбраться из дома Дантоса, найти новое пристанище – какую-нибудь гостиницу на окраине, обзавестись одеждой, в которой не стыдно показаться на люди, и отыскать своих. И уже с их помощью, под их защитой, вернуться в родной город.

Конечно, я могла отправиться в путешествие одна – при наличии денег это не проблема. Но мне не хотелось рисковать. Даже в мелочах.

Ну и ещё кое-что: одно дело – появиться перед старейшинами

в одиночестве, и совсем другое – прийти в сопровождении одного из тех, благодаря кому наш народ живёт и процветает. Вернуться в компании настоящего метаморфа.

Ведь подавляющее большинство моих сородичей – просто носители дара, им перевоплощение недоступно. Такие никогда не покидают город и понятия не имеют, каково это – жить среди чужаков. И ещё они не понимают стремлений тех, по чьим венам течёт настоящая магия нашего народа. Они просто не способны понять!

Мой побег… для них – это преступление. А настоящий метаморф, возможно, поймёт. И, вероятно, встанет на мою защиту.

…Светильники я не зажигала, просто подтащила один из чемоданов к окну и, мысленно возблагодарив Леди Удачу за ясную лунную ночь, а также за то, что у нас с Люсси один рост и примерно одинаковая комплекция, принялась искать подходящее для побега платье.

Нашла. И туфли тоже. И даже чепец в тон платью отыскала. А вот к белью даже не притронулась – чистое оно или нет, а всё равно брезгую. Да и к предметам первой необходимости бельё не относится.

Одевшись и вернув чемодан на место, я подхватила кошель и шагнула к двери.

Я собиралась покинуть особняк в истинном обличье – на случай, если найдутся свидетели моего побега. Ведь мой настоящий облик Дантосу известен, а об образе, который собираюсь принять, он и понятия не имеет. Так зачем демонстрировать другое тело раньше времени?

Тем более, девушка, в которую собираюсь перевоплотиться, очень близка по телосложению, то есть для этой трансформации мне даже раздеваться не нужно. Достаточно найти укромный уголок, и всё.

Глубоко вздохнув и мысленно попросив Леди Судьбу о снисхождении, а Леди Удачу о милости, я открыла дверь и шагнула в коридор. И едва не завизжала от испуга. И с грустью признала – обе леди услышать меня не пожелали. Более того, они сегодня на стороне герцога Кернского играют.

Понятия не имею, как он учуял. И вообще не понимаю, как догадался, где именно меня искать. Но в момент, когда я вышла из комнаты опальной горничной, Дантос был там. Стоял чётко напротив двери, прислонившись спиной к стене, и ждал. И пусть в коридоре было темно, но выражение благородного лица я различила – оно было суровым.

Дантос не сказал ни слова, я тоже промолчала. Шагнула

назад, закрыла дверь… Не торопясь, потому что торопиться уже некуда, разделась, убрала вещи Люсси обратно в чемодан и опустилась на четвереньки.

Боль! Дикая боль в четвёртый раз за сутки. Но теперь она воспринималась как нечто обыденное.

Едва тело вновь обросло золотой чешуёй, едва у меня опять выросли шипы гребня, а руки и ноги превратились в когтистые лапки, подхватила зубами кошель и опять направилась к злополучной двери.

Она открывалась вовнутрь, а для дракона с зажатым в пасти кошелём это проблема. Поэтому заморачиваться не стала, просто поскреблась.

Дантос, как истинный мужчина, дверь для меня открыл. А я… Я вышла и с самым невозмутимым видом потопала к лестнице, ведущей на третий этаж. Обратно в покои светлости.

Сама светлость не отставала. Шла на полшага позади. Причём шла молча! Вот только это молчание – полбеды. Куда страшней было то, что драконья сущность не улавливала ни одной его эмоции.

Именно в этот момент стало безумно стыдно за свой поступок. Так стыдно, что захотелось развернуться, боднуть его, укусить… что угодно, только бы он перестал ощущаться как нечто бездушное!

Но я не развернулась…

Всё такая же, наигранно-невозмутимая, дошла до двери его покоев. Подождала, пока он откроет, вошла внутрь. Потом прошествовала в кабинет, уронила бархатный мешочек подле письменного стола и отправилась в спальню.

Запрыгнув на постель, крутнулась, вытаптывая на одеяле полянку, легла, прикрыла носик хвостиком и закрыла глаза. Всё, маленький дракон спит. Спит и даже не помышляет о побеге!

Дан сбросил домашние туфли, стянул с себя рубашку и штаны и тоже в постель забрался. И тоже глаза закрыл, вот только… никто из нас в эту ночь так и не уснул. А утром, несмотря на то, что я по-прежнему оставалась в драконьем обличье, с меня стребовали обещание – не сбегать. И я пообещала.

А ещё я пообещала, но уже только себе, что истинный облик принимать больше не буду. Не из вредности, а просто… просто потому, что…

– Астра, ну сколько можно? – вырвал из поглотивших меня раздумий голос Дана.

А? Что? Где?

Я встрепенулась и огляделась. И лишь сейчас сообразила, что

мы практически пришли, вот только маленькая красивая я немного зависла – села на последней ступеньке лестницы и сижу. А он стоит рядом и ждёт. Весь такой хмурый, с поджатыми губами и обидой в глазах.

Ву-у-у! Леди Судьба, за что мне это?!

Пришлось встать, запрыгнуть на последнюю ступеньку и продолжить путь к покоям, где меня, безусловно, ждал нагоняй. Заслуженный, но, если рассуждать здраво, не очень справедливый…

– И как это понимать? – спросил герцог Кернский хмуро.

Я не ответила. Молча пересекла кабинет, запрыгнула на кресло. Потом подумала и легла, свернувшись клубком. И пусть зеркала поблизости не было, но я точно знала – выгляжу сейчас до того невинно, что хоть к лику святых причисляй.

Но Дан, увы, не оценил. Он повторил мой маршрут и замер в полушаге. Всё такой же хмурый и строгий, и совсем не желающий сделать вид, будто ничегошеньки не случилось.

– Так как это понимать, Астра? – повторил их светлость.

Я прикрыла глаза и зевнула, как бы намекая, что существуют занятия поинтереснее, чем разговоры, но Дантос отступать не собирался.

– Не прикидывайся, – сказал он. И добавил, не без обиды: – Толстопопик.

Я резко вскинула голову и подарила светлости укоризненный взгляд. Нет, ну а чего он обзывается?

Вот только блондин конкретно рогом упёрся – в смысле, отступать по-прежнему не желал.

– Астра, я понимаю, что у тебя были другие планы на жизнь, но обстоятельства сложились так, как сложились. Мы встретились, и я не готов тебя отпустить. Тем более вот так – без объяснений и навсегда.

Я прищурила глаза и нервно дёрнула хвостом, давая понять, что обсуждать данную тему не желаю. И тут же услышала:

– Ты ведёшь себя глупо. Ты поступаешь как маленькая капризная девчонка.

Спасибо, что просветил, милый. Сама я, конечно, даже не догадывалась!

Несколько долгих минут в кабинете царила тишина. Вернее, как тишина? Я лежала в кресле и сопела, а Дантос – он да, молчал. В смысле, не сопел.

А потом всё-таки не выдержал:

– Астра, давай просто сядем и обсудим. Как серьёзные взрослые люди.

Я мысленно застонала и уже хотела сказать грубость, но в

следующий миг нас прервали.

Дан со своим скудным человеческим слухом, конечно, ничегошеньки не расслышал, а я очень даже. Шаги! В соседней комнате. И тихий перезвон фарфора. А ещё тонкий, но очень даже различимый аромат шоколада учуяла.

Так, если ничего не путаю, это обещанные эклеры прибыли. Надо проверить!

С этими мыслями маленький дракон грациозно поднялся на все четыре лапки, не менее грациозно развернулся и, перемахнув через подлокотник кресла, бодро посеменил в гостиную.

– Астра… – донеслось вслед. В голосе светлости звучал укор. – Астра, не пытайся уйти от разговора!

Не пытаюсь. Просто мы оба знаем, что обсуждать тут, в общем-то, нечего. И пусть тебе недоступны подробности, но ведь смысл не в них.

А я подробности знаю! И в этом свете ситуация не то что простая, а прям-таки примитивная. Я – метаморф, наделённый даром. Здесь, в столице, таких, как я, с дюжину, не меньше. Если кто-нибудь из них разнюхает о нашем с тобой знакомстве, ты труп, Дантос. В том, что твоя прислуга выживет, я тоже не уверена.

Ты ведь понимаешь, что наш народ неспроста считается мифом? Мы не оставляем свидетелей, Дан. Даже тот, кто никогда не встречал, но отчаянно верит в наше существование, выживает редко.

Что прикажешь делать в такой ситуации? Согласиться назваться твоей кузиной и принять твои ухаживания? Прости, милый, но лично я не готова увидеть тебя в гробу. Можешь считать это капризом, но я очень хочу, чтобы ты жил!

И потом, Дан… Я знаю, что ты замечательный, но видишь ли, Ласт когда-то тоже хорошим был, а чем всё закончилось? И где гарантии, что с тобой не выйдет того же?

Меня с детства учили – верить можно только своим. В какой-то момент я в этой простой истине усомнилась, в результате угодила в клетку. Причём не на день или два, а на долгих семь лет.

Думаешь, та ситуация ничему меня не научила? Нет, ты в самом деле так считаешь?

Извини, милый, но урок я действительно усвоила и больше не намерена плыть против течения. Я вернусь к сородичам и буду жить так, как положено. Так, как прикажут старейшины.

– Астра…

Я обернулась, одарила Дантоса строгим взглядом и продолжила путь к пироженке.

Да, в том, кто и зачем пришел в покои светлости, уже не сомневалась. Полли и эклеры! А ещё те самые корзиночки с малиновым кремом и жутко вкусный чай, который маленькой красивой мне, ввиду расовой принадлежности и анатомических особенностей, не в чашку, а в миску наливали.

И пусть чувство эстетизма искренне противилось подобному отношению, я была непоколебима. Слишком хорошо понимала – лучше хлебать из миски и молчать, чем пить из чашки и вести «цивилизованные» разговоры.

Дан и так слишком много обо мне знает. Дать ему возможность для дополнительных расспросов? Увы, ни к чему хорошему это не приведёт. А раз так, то возможности не будет.

Следующие три дня с неба то капало, то лило, поэтому большую часть времени мы с Дантосом провели в постели. Он читал авантюрные романы, а я просто лежала и размышляла о бренности бытия, тщетности всего сущего и скоротечности жизни – короче, о том, что сбежать будет труднее, чем мне думалось.

Отношение герцога Кернского к идее расставания было известно ещё до того, как он увидел меня в истинном облике, так что иллюзий я с самого начала не питала. Но и на столь решительное сопротивление не рассчитывала.

Со второй попыткой всё предельно понятно – с точки зрения Дана, вариант «взять и улететь» самый простой и логичный. Именно поэтому герцог озаботился установкой защитного купола.

Глупый! Знал бы он хоть половину из того, что известно мне, то отмёл бы этот способ сразу.

А расклад, в сущности, прост…

Да, я – метаморф, а в столице с дюжину моих собратьев. Я могу их найти – одарённые чувствуют друг друга, когда оказываются поблизости.

Это умение проявляется чуть позже в способности к непосредственно трансформации. Например, для того, чтобы научиться определять присутствие старейшин, мне потребовалось два месяца. А для того, чтобы старейшины смогли почуять меня, понадобилось ещё столько же – это было связано с процессом созревания моей крови и, соответственно, магии.

Во мне дар сильный, так что почувствовать сородича могу шагов с пятидесяти. То есть достаточно покружить над городом или прогуляться по улицам, чтобы найти. Но…

Анимализм в нашем сообществе запрещён, и заявиться к своим в облике дракона – отличный способ нарваться на ещё большие неприятности, нежели те, которые уже светят. Я не была готова к подобному шагу. Чтобы обратиться к сородичам, мне

требовалось сперва принять человеческую форму и раздобыть одежду.

Но какой одеждой я могу обзавестись без денег? А образ оборванки, особенно в моём случае, не многим лучше, чем форма дракона. Моё возвращение – уже признание в том, что проиграла. Прийти нищенкой – это потерять остатки гордости, растоптать и без того убитую репутацию.

Так что да, улетать не хотелось, но эмоции Дантоса меня подстегнули. Именно из-за той бессмысленной нежности маленький дракон прыгнул в небо.

Впрочем, провал второй попытки – цветочки. Этот вариант действительно просчитывался на раз, и нет ничего удивительного в том, что герцог Кернский меня обставил. Зато тот, самый первый случай… Нет, я решительно не понимаю, как светлости удалось предотвратить первый побег.

Точно знаю – когда уходила, он спал. Допустим, проснулся без причины, но что дальше? Вычислить, в какую именно комнату я отправилась, Дантос не мог – здесь логика не помощник. Выходит, он почуял? Но как?

А ведь это не впервые. Раньше, до всей этой истории с захватом и ранением, я тоже о побеге задумывалась. Тогда герцог Кернский намерения не распознал, но каким-то образом сообразил, что я хочу совершить нечто, что сильно ему не понравится. Именно из-за этого предчувствия плюнул на охоту с императором и примчался домой в самый неподходящий момент, уничтожив мой план на корню.

Так неужели Дан в самом деле чует? С учётом того, что временами блондинчику удаётся безошибочно угадывать мои мысли, подобный расклад более чем реален.

Но тогда картина совсем грустной становится. В этом случае шансы на побег сводятся к такому минимуму, что впору выть в подушку!

Однако выть я, конечно, не собиралась. Просто лежала и пыталась найти выход из сложившейся ситуации. Вот только выход этот находиться отказывался!

Три дня плотных размышлений результатов не дали. В какой-то момент я пришла к выводу, что план побега не складывается из-за близости Дантоса и его гадких флюидов. Поэтому спрыгнула с кровати и гордо удалилась в кабинет.

Но, увы. Пользы этот демарш тоже не принёс. То есть какие-то мысли в голове вертелись, но всё не то.

Единственный мало-мальски реальный способ выглядел так: перевоплотиться и убедить герцога Кернского в том, что всё осознала. Рассказать кучу баек, приласкать и клятвенно заверить,

что даже не помышляю о побеге. В подтверждение своих слов побыть хорошей девочкой пару недель, то есть как следует втереться в доверие, а уже потом…

Да, этот вариант мог сработать с большой долей вероятности, вот только совесть, которая у меня действительно есть, сопротивлялась категорически. Слишком высокий уровень вероломства. Не смогу, не сумею так поступить.

Остальные мысли в том же духе: куда ни кинь – всюду клин и какие-нибудь потери. А отдельным поводом для грусти было то, что Дантос отказался от намерения уехать на зиму в родовой замок. Сперва я не понимала, почему он перестал рассказывать о водопадах и прочих вековых дубах, а после столкновения с куполом догадалась.

Там же простор! И высота башен наверняка такая, что защиту точно не поставишь. Да и вообще… Вообще уследить за пленницей в условиях замка невозможно. Другое дело тут, в столице, в обнесённом высоченным забором особняке.

Но что мне-то во всей этой ситуации делать?

На исходе третьего дня, когда за окном стемнело, а с неба снова полило, думать я устала. А ещё меня такая обида пробрала! Я же не только для себя стараюсь, но и для него, для Дана, а он… Мало того, что флюидами своими воздействует, так ещё и бойкот маленькому дракону объявил.

Где, спрашивается, справедливость?!

И если вначале я ещё могла притвориться, будто мне всё равно, то теперь терпение кончилось. Поэтому, вернувшись в спальню, я запрыгнула на постель, уселась на почтительном расстоянии и принялась гипнотизировать обложку авантюрного романа, за которым Дантос от меня прятался…

Сижу. Сижу и соплю! И уничтожаю взглядом переплёт из тонкой кожи.

От этого взгляда переплёт точно должен скукожиться и начать тлеть, но он, зараза такая, держится. Равно как и блондинчик.

Сижу. Сижу и соплю всё громче. А их светлости, кажется, совершенно плевать. Светлость, видите ли, читать изволит! Невозмутимо переворачивает страницу, пробегает глазами и снова бумагой шелестит. Будто рядом вообще ничего необычного не происходит. Словно никакого дракона поблизости нет.

Ну, ничего. Я потерплю! Я вообще девочка очень терпеливая. Поэтому… сижу. Всё так же смотрю, не мигая. В тишине спальни мой сап звучит до того отчётливо, что не услышать просто невозможно, но…

Нет, какой же он всё-таки гад! Вы только посмотрите! Рядом с ним такая маленькая, такая несчастная я, а этот большой и сильный уткнулся носом в книгу, и привет. И после этого у кого-то ещё хватает наглости взывать к моей совести?

Ползу. Вернее, не ползу, а подползаю. При этом старательно делаю вид, будто никуда не двигаюсь, словно с самого начала прямо тут и сидела. Но светлости всё равно. Он по-прежнему в книге и по-прежнему бойкотирует слабое, невинное, полностью зависимое от него существо. Давит на хрупкую драконью психику тяжёлым прессом своей невозмутимости.

Да это же психологическое насилие в чистом виде! И чем я заслужила такой вид наказания? Нет, ну чем?

Не выдерживаю. Падаю на живот и ползу уже не скрываясь. Аккуратно подсовываю нос под книгу, и… Увы. Попытка выбить авантюрный роман проваливается. Этот бессовестный герцог умудряется убрать одну руку и поудобнее перехватить книгу второй.

Теперь он вроде бы открыт. В смысле, держит книгу в одной руке и отвёл её в сторону так, что обложка обзор уже не загораживает, благодаря чему я могу наблюдать симпатичную аристократическую физиономию и прищуренные серые глаза. Взгляд Дана, как и прежде, скользит по строчкам и обращаться к маленькому дракону не спешит.

Хочу обидеться сильнее, демонстративно подняться и не менее демонстративно уйти, но понимаю – от этого ничего не изменится. Поэтому подползаю ещё ближе и с нарочито тяжким вздохом кладу голову ему на грудь.

Несмотря на то, что мы с самого утра валяемся в постели, Дан одет – на нём белая шелковая рубаха и штаны из лёгкой ткани. Рубаха расстёгнута и распахнута, так что золотые чешуйки касаются не ткани, а пропитанной флюидами кожи, под которой сокрыт чарующий рельеф мышц.

Но… реакции ноль. Блондинчик даже не вздрогнул, даже сердце продолжило стучать в прежнем размеренном ритме!

Тем не менее отступать я не собираюсь. Коварно затаиваюсь на несколько минут, давая этому несносному мужчине возможность одуматься и обратить-таки внимание на красивую ласковую девочку, которая подошла к нему несмотря на бойкот. Вот только светлость мою покладистость не ценит, лишний раз доказывая – он не так умён, как думалось.

Что ж…

Приподнимаю голову и осторожно трусь щекой о твёрдую мужскую грудь. Реакция прежняя, в смысле – нулевая.

Осторожно, чтобы не поранить острым гребнем,

выворачиваюсь и трусь другой щекой. Результат тот же.

Выжидаю ещё с минуту и повторяю процедуру в искренней надежде, что здравый смысл у кое-кого всё-таки проснётся, но… Нам, женщинам, вообще свойственно переоценивать мужчин. Иногда кажется, что нас хлебом не корми, только дай позаблуждаться на их счёт!

Обида, владевшая сердцем маленького дракона, окончательно отступает. А злость, наоборот, усиливается. Что он вообще себе позволяет? Думает, раз у него родословная и титул, то ему всё можно?!

И всё-таки… терплю. Терплю и жду! Приподнимаю голову, дарю светлости до-олгий пристальный взгляд. Смотрю так, что не почувствовать просто невозможно. И Дантос, точно знаю, этот взгляд ощущает, вот только… не отвечает на него.

Блондинчик по-прежнему делает вид, будто авантюрный роман, которой он держит в руке, самое важное в мире, а я…

Нет, я не срываюсь! Я высовываю язык и миролюбиво касаюсь этим самым языком обнаженной кожи.

И что слышу в ответ?

– Отстань.

Это сказано настолько ровно, настолько безэмоционально, что я на пару секунд впадаю в ступор, а потом… замечаю его.

Аккуратный, небольшой, коричневый и такой беззащитный… Подозреваю, что не будь этой ссоры, я бы поступила так же, потому что он откровенно манил, но в данный момент это была именно месть!

Да. Именно из чувства мести я приподнялась на лапах и… нежно куснула герцога Кернского за сосок.

Всё!

В следующий миг книга исчезла, и, несмотря на свои звериные навыки, я не сумела отследить, куда именно она отлетела. Кульбит, совершенный Дантосом, тоже мимо моего сознания прошел – уж слишком стремительно всё случилось. Их светлость в долю секунды оказалась вне кровати и на ногах, а тишину спальни разорвал исполненный негодования вопль:

– Астра!

А? Что? Где?

Дан прикрыл ладонью пострадавшую часть тела и добавил возмущённо:

– Больно!

Я мысленно ухмыльнулась – что, в самом деле? Ой, ну надо же! А я-то думала, что укус дракона это очень даже приятно. Ведь зубов-то у меня всего ничего – несравнимо меньше, чем у той же акулы.

– Астра! – Глаза светлости превратились в две узкие щёлочки, а ноздри, наоборот, раздуваться начали. – Не стыдно?

Ломать комедию я не стала. Вскинула морду, сказала не без усмешки:

– Ву. – Что в данном случае означало «нет, нисколечко».

Блондин посыл понял. Тут же сложил руки на могучей груди, фыркнул и уставился на меня очень строго. Я же переползла на место, где только что лежал укушенный, и раскинула лапки, как бы намекая, что кровать отныне занята, а кое-кому придётся либо отменить бойкот и извиниться, либо перебраться на диван в гостиной. Потому что спать с мужчиной, который меня не ценит, я отказываюсь!

Клянусь собственным хвостом, эти мысли Дантос тоже уловил. Но вместо извинений я услышала:

– Астра, хватит. Превратись, и давай поговорим. Как взрослые, разумные люди.

Я невольно закатила глаза, а потом вообще отвернулась. Его переклинило, да? Или просто ума не хватает понять, что обсуждать нам совершенно нечего?

– Астра…

Нет, я не среагировала. Даже лапой не шевельнула! А герцог Кернский…

– Ладно. – В голосе Дана звучало неприкрытое раздражение. – Ладно, малышка. Хочешь быть драконом – будь. Но ты ведь понимаешь, что каждое решение влечёт за собой определённые последствия?

Вот теперь я обернулась, дабы вглядеться в суровое лицо светлости. Это что, угроза? Нет, он в самом деле мне угрожает?

По всем внешним признакам выходило, что да. Но драконье чутьё угрозы не уловило – оно определяло состояние Дантоса несколько иначе. Однако понять, что именно творится в его душе, я так и не смогла.

И пусть злился он куда меньше, нежели могло показаться, рисковать, настаивая на том, чтобы Дан переселился на диван в гостиной, всё-таки не стала. Существуют моменты, когда гордость лучше поунять – это был один из них.

Ну а через два дня я в полной мере осознала смысл слов про «решения» и «последствия». Знала бы, во что выльется моё упрямство… Впрочем, нет. Я бы всё равно поступила так, как поступила!

Глава 2

– Ага, – протянула Полли. – Кажется, готово.

Горничная поднялась с корточек и отступила, предоставляя мне возможность побыть один на один с зеркалом и полюбоваться отражением. Но я свой внешний вид не оценила – фыркнула, нервно дёрнула хвостом, тут же крутанулась в попытке поймать зубами кончик ленты и развязать этот бант к бесовой маме!

Но Полли оказалась очень хитрой: «хвостики» она спрятала под узел, а сам бант повязала так, что не дотянуться. То есть совсем! Как ни изворачивайся!

После третьего круга погони за неуловимым бантом я не выдержала – плюхнулась на попу и сообщила горестно:

– Ву!

– А как ты хотела? – тут же вмешался в разговор стоящий неподалёку Дантос. – Дружба с принцессами, знаешь ли, обязывает.

Голос блондинчика прозвучал весело, но драконье чутьё подсказывало – чувства, которые испытывает герцог Кернский, крайне неоднозначны. Тут смешалось многое: смех, обида, недовольство и толика озорства.

Именно последнее держало в тонусе, подсказывая – Дан согласился на визит императорской дочки исключительно для того, чтобы объяснить одной крылатой девочке, что быть драконом не всегда выгодно. По этой же причине я не могла, просто не имела права идти на попятную. Ведь это то же самое, что признать поражение!

– Ву! – вновь заявила я и крутанулась, но уже не для того, чтобы поймать гадкий бант, а в намерении продемонстрировать, какая я теперь красивая.

Горничная, пронаблюдав этот фортель, широко улыбнулась, а вот Дантос не удержался, съехидничал:

– А может, всё-таки платье?

Я инстинктивно отпрянула и подарила хозяину дома взгляд исподлобья. А Дан ухмыльнулся и сообщил:

– Ваша встреча пройдёт в жёлтой гостиной.

Ой, а то я не знаю.

Вообще, от одной лишь мысли о предстоящем мероприятии становилось жутковато, но демонстрировать свои страхи я не собиралась. Поэтому вновь кокетливо покрутилась перед зеркалом, дёрнула хвостом и гордо направилась к двери. Прочь! Прочь из покоев этого вероломного мужчины! Туда – к лестнице, которая выводит на первый этаж, в роскошный, но уютный холл.

Я точно знала, что Дантос идёт следом, но останавливаться, чтобы подождать, не собиралась. Смысл проявлять вежливость по отношению к человеку, который устроил тебе столь грандиозную подлянку, как встреча с дитём?

Топая по ступенькам, я убеждала себя в том, что всё будет хорошо. Но увы, едва дошла до холла, эта уверенность развеялась. Просто ровно в тот момент, когда я вошла, Жакар поскакал к дверям в явном намерении впустить уже прибывших гостей.

Глядя, как пузатый дедок хватается за массивную ручку, я испытала острый приступ паники. Жутко захотелось развернуться и удрать – уж слишком хорошо помнила, чем прошлая встреча с императорской кровиночкой закончилась. Но природная храбрость взяла верх над здравым смыслом, так что я сделала несколько шагов в сторону и изящно опустилась на попу.

Вроде как жду. Вся такая культурная и гостеприимная.

Пока Жакар открывал, в сердце успела зародиться надежда на то, что это не Мисси, а кто-нибудь другой – тот же Вернон, к примеру. Но Леди Удача и сегодня благосклонностью не отличалась, на пороге особняка появилась именно она, моя сопливая «подруга».

Пришла Мисси, разумеется, не одна – принцессы вообще поодиночке не ходят, особенно такие мелкие. Девчонку сопровождали три гвардейца элитного гарнизона и четыре няньки.

Но после того как няньки прошмыгнули в дом, а гвардейцы расступились, стало ясно – почётных гостей больше. В свиту принцессы затесались не только слуги и стражники, но и отец с братом.

Увидав их императорское величество Роналкора, я не выдержала и мысленно застонала. Последняя встреча с этим статным полноватым брюнетом тоже не забылась и была не самой однозначной.

А вот принцу я искренне обрадовалась! На фоне своих родственников он крайне приличным мальчиком казался: неоднозначностей, подобно отцу, не говорил, и в платья-парики, как сестра, меня не наряжал.

К тому же, в отличие от прочих, юный Руал помнил о правилах хорошего тона – в его руках имелась перевязанная пёстрой лентой коробка. И хотя нас разделяло шагов двадцать, я сразу определила – конфеты, причём шоколадные!

Но времена, когда меня можно было подманить конфеткой, давно прошли, так что я осталась где была. Более того, я даже не шелохнулась. Что, впрочем, не помешало им меня заметить.

– Астра! – пискнула принцесса Мисси и сделала два торопливых шага вперёд, но тут же вспомнила о воспитании и остановилась.

Принц тоже дёрнулся, но тоже устоял.

А Роналкор широко улыбнулся и сказал своим глубоким, басистым голосом:

– Ну здравствуй, толстопопик.

Я подумала и… обиделась. Нет, ну что за фамильярности? Мы на брудершафт не пили, да и вообще. Вообще я ж его Роником не называю.

Внезапно наступившую тишину нарушил не менее внезапный возглас Дантоса:

– Ваше величество? Какая неожиданность!

Блондин вырулил оттуда же, откуда и я. В его голосе прозвучало искреннее удивление, то есть императора Дантос не ждал. Но прогонять первое лицо государства, конечно, не стал, наоборот – герцог Кернский бодро ринулся навстречу, чтобы пожать протянутую руку и дружески хлопнуть монарха по плечу.

– Мы с Руалом решили составить Мисси компанию, – пояснил Роналкор. – А заодно тебя повидать.

– Очень рад, – отозвался Дан.

Император подарил новую улыбку, но драконье чутьё уловило за ней некоторую напряженность.

Ввиду появления императора и принца, «протокол» встречи немного изменился. В жёлтой гостиной, у окна, подальше от всех, установили ещё один стол – но уже не детский, а вполне себе мужской, с вином и закусками.

Отпрысков Роналкора к этому столу не пригласили, меня, соответственно, тоже. Нам с Мисси и Руалом предстояло пить не вино, а чай. Да-да, с пирожными!

По логике, хозяйкой этого чаепития была я, но принцесса сразу взяла дело в свои цепкие ручки. Отогнала Полли, которая намеревалась прислуживать за столом, важно взглянула на брата и пропищала, подражая тону светских кокеток:

– Руал, поухаживай за дамами.

Наследника престола, как ни странно, подобное предложение не смутило. Спокойно и даже как-то торжественно он поднял чайничек, наполнил посуду и вежливо кивнул. Потом взял серебряные щипцы и переложил на мою тарелку несколько пирожных, на свой выбор. А вот подавать пирожные сестре отказался…

– Сама возьмёшь, – чуть приподняв подбородок, сказал принц. – У тебя семь пятниц на неделе, и я не нанимался.

Мисси тоже нос задрала, фыркнула, но спорить с братом не стала. Вместо этого всё её внимание устремилось ко мне. Маленькому дракону грозила… культурная беседа.

– У тебя очень красивый бант, – заявила сопля королевских кровей. И добавила после паузы: – У меня тоже такой есть, но я его не ношу. Мне розовый цвет не очень нравится, хотя он сейчас в моде. А в следующем сезоне в моде будет цвет фуксии. Тебе нравится цвет фуксии, Астра?

Желание закатить глаза и застонать я в себе подавила, а вот принц скрывать отношение к теме не стал – скривился. За что и получил!

– А тебя вообще не приглашали, – заметила Мисси.

– А тебе десять раз отказали в визите, – парировал Руал.

Мелкая уставилась на свои руки, с полминуты позагибала пальчики, потом ответила:

– Не десять, а девять. – И добавила веско: – Астра была очень занята. Она лечила Дантоса.

Я невольно скосила глаза на сидящего в отдалении Дана. Девять отказов принцессе? Ну надо же. А я и не знала.

– Астра, а я вчера… – вновь подала голос Мисси и принялась рассказывать, как прошел её день.

Потом мне поведали историю про то, как собачка какой-то придворной дамы стащила туфлю у другой дамы. Пожаловались на дворцового повара, который отказывается класть в суп шоколад. Про куклу, у которой вдруг, внезапно, без всякой причины, перестал открываться один глаз, сообщили. И прочее, прочее, прочее…

Я сидела и слушала. Руал тоже сидел и тоже слушал. И, как и я, всё чаще косился на расположившихся у окна Дана и Роналкора.

Эти двое ели, пили и общались. Причём разговор явно был серьёзным и не очень радостным. Мне думалось, что речь о делах, заброшенных Даном ввиду болезни – он же до ранения частенько во дворец мотался, и точно не на танцы. Но я, кажется, ошиблась…

– Сегодня утром отцу доставили послание от одного из вождей драхов, – заметив мой взгляд, сказал Руал. Выглядел при этом очень важно, особенно для восьмилетнего мальчишки. – Не знаю, про что там, но отец не обрадовался. Полагаю, эти дикари всё-таки решили раздуть скандал из той драки.

– Какой драки? – вмешалась позабывшая о куклах и шоколаде Мисси.

Принц подарил сестре снисходительный взгляд, а я навострила ушки. В фигуральном смысле, конечно – ведь у

драконов вместо ушей просто дырочки.

– Ну как это «какой»? – Наследник фыркнул, но в его интонациях прозвучала гордость. – Той. Когда герцог Кернский одному из этих навалял.

Глаза малолетней принцессы округлились, бровки взлетели на середину лба – в общем, о потасовке с драхами Мисси не знала. Но просвещать малявку никто не спешил: я банально не могла – ну не предназначен драконий речевой аппарат для человеческих звуков, а Руал просто не хотел.

Признание принца сперва заставило поморщиться – ну какой скандал? Вожди драхов поступок Дантоса наоборот одобрили! А следом пришла другая мысль – кто их, этих дикарей, знает? Может, действительно подумали-подумали и решили претензии предъявить.

И при том, что наш император имеет какие-то планы по сотрудничеству с горными племенами, а Дантос – друг, повод понервничать у владыки имеется.

Вот только меня саму это сообщение не взволновало, а наоборот успокоило. И заставило обратить всё внимание на настоящую проблему. Вернее, на две проблемы, которые сидели рядом и нехотя уничтожали пирожные.

Аппетита у детей точно не было – а откуда ему взяться, если они сладости каждый день тоннами едят? Меня шоколадная глазурь, заварное тесто и ванильный крем тоже не радовали – за время пребывания в этом особняке я пирожными просто-напросто обожралась.

Но суть, конечно, не в пирожных заключалась. Меня тревожило продолжение нашего маленького банкета – ведь совершенно ясно, что чаепитием и беседой дело не ограничится.

Предчувствие, увы, не обмануло. Едва две чашки и одна миска опустели, Руал выразительно посмотрел на окно, за которым сегодня вовсю сверкало солнце. Следом прозвучал вопрос:

– Во что будем играть?

– В салон красоты! – вмиг нашлась Мисси. И, надув губки, добавила: – Астра моя подруга. Это я в гости пришла. И мы…

– Ву-у! – некультурно перебила я и, спрыгнув с пуфика, на котором сидела, посеменила к Дантосу.

Могла, конечно, отправиться к двери и дальше на улицу – ну чтобы уж точно игры в «салон красоты» избежать, но… я же животное! Маленькое и глупое! Я вроде как не понимаю, чего детишкам от меня нужно. Следовательно, обязана повести себя нелогично.

Ну и дополнительный момент: хотелось ещё раз заглянуть в

серые глаза светлости и найти в них ответ на вопрос – он вообще соображает, на какие неприятности сейчас нарывается? Понимает, что визит императорских детишек даром ему не пройдёт?

– Что? – заметив моё приближение, спросил Дан.

– Ву! – сообщила я и, преодолев остатки разделяющего нас расстояния, тыркнулась носом в подставленную ладонь.

А от детского стола донеслось писклявое:

– Мы будем играть в красоту!

Этот вопль стал поводом подарить блондинчику выразительный взгляд исподлобья. Только попробуй не спасти меня от данного сомнительного развлечения. Покусаю! Причём не только за сосок!

– В мяч! – донёсся второй, но уже не вопль, а просто возглас.

– Астра моя подруга, – продолжила гнуть свою линию Мисси. – И мы…

Дальше я не слышала. Вернее, дальше я слышала только слова Дантоса.

– А ты во что поиграть хочешь? – спросил герцог Кернский, щурясь.

– В спящую красавицу, – мрачно призналась я. Но прозвучало это, разумеется, как всё то же «Ву-у-у».

В глубине серых глаз вспыхнули озорные искорки, а улыбка, которую подарили маленькому дракону, непрозрачно намекала – светлость очень своей выходкой довольна. И, кажется, даже немножко убеждена, что теперь-то я точно на роль кузины соглашусь.

Переубеждать блондинчика не хотелось совершенно. Поэтому я грациозно развернулась и направилась обратно, к детскому столику. А приблизившись, плюхнулась возле Руала и нетерпеливо засопела.

Детишки намёк поняли, причём оба.

– Астра… – протянула Мисси обиженно.

А наследник просиял и вытащил из кармана небольшой мячик.

Я ещё не знала, что их императорское величество и его отпрыски никуда не торопятся. То есть беды, нависшей над покрытой чешуйками попой, не чуяла!

К концу дня я чувствовала себя каторжником, отмахавшим две смены на рудниках. Устала настолько, что даже на кровать лишь с третьего раза запрыгнула.

Сил, чтобы вытоптать полянку и улечься в ногах, притворяясь, будто мне глубоко плевать на комфорт, тоже не

имелось. Так что я всё-таки доползла до изголовья и рухнула, беспомощно уткнувшись головой в подушку.

Леди Судьба, я всё понимаю, но клянусь – если ты ещё раз пошлёшь мне встречу с этой парочкой, то я храбриться не стану! Залезу в кусты и буду сидеть там до тех пор, пока эти «цветочки жизни» не вырастут. Или повешусь. Да-да, на собственном хвосте!

Тишину, по которой я ужасно соскучилась, нарушил голос Дантоса.

– Устала? – участливо спросила светлость. – Утомилась?

Сил по-прежнему не было, но я-таки подняла голову и подарила герцогу Кернскому исполненный возмущения взгляд.

Нет, милый. Отдохнула!

– Я тоже немного утомился, – доверительным тоном сообщил тот и принялся стягивать камзол, а вслед за ним и рубашку.

Раздевался Дантос неспешно, но причина этой медлительности крылась не в ранении. Просто кое-кто хитрый пытался напомнить, что наделён не только смазливой мордашкой, но и очень неплохим телом.

Вот только попадаться на этот крючок я не собиралась – полюбовалась и тут же прикрыла глазки. Потом подумала и вообще морду отвернула, дабы избавить себя от соблазна подглядывания.

Но блондин успокаиваться не желал.

– Могу предложить расслабляющий массаж, – приблизившись к кровати, сказал он. – И бокал вина лишним, безусловно, не будет.

Угу. Знаю. Вот только на дракона вино не подействует, да и массаж твой сквозь чешую не почувствую. Так что прекрасно понимаю, на что ты намекаешь. И говорю в сотый раз – отстань, коварный!

– Астра… – вновь позвал Дан.

Я не ответила.

– Маленькая моя, хорошая, красивая… – продолжил блондин. – Ну не вредничай.

Я фыркнула, но не повернулась.

– Хорошо, вредничай, – после незначительной паузы выдал он. – Но рано или поздно тебе всё-таки придётся принять нормальный облик и поговорить со мной.

В этот раз фыркать я не стала – мысленно скривилась и мысленно же показала светлости язык. Ничего мне не придётся, милый. Хочешь верь, хочешь нет, но я поупрямее тебя буду. Сбегу! Не сегодня, так завтра!

– Нет, малышка, – заявил герцог Кернский. – Сбежать не получится.

А теперь я не выдержала – резко повернула голову и уставилась на него. И прищур моих глаз был красноречивее любых слов.

Нет, и всё-таки как у него это выходит? Как Дантосу удаётся в точности угадывать мои мысли? Пусть не постоянно, но и того, что есть, более чем достаточно.

– Не пущу, – повторил мужчина. – Тем более сейчас, когда…

Дан резко замолчал и нахмурился, а я насторожилась. Эта его оговорка напомнила про послание вождя драхов, о котором упомянул Руал. Ну и ещё один момент в памяти воскресила…

Сегодня, когда мы прощались с дорогими (угу, дороже не бывает) гостями, император наклонился к Дантосу и шепнул напоследок какую-то фразу. Подслушать мне не удалось, но драконий слух уловил два слова – «Астра» и «неприятности». И вот теперь меня очень интересовало – о чём, собственно, речь?

Удивительно, но здесь и сейчас телепатия герцога Кернского вновь сработала. Только удовлетворять любопытство золотой девочки блондин не пожелал.

– Извини, я не могу обсуждать столь важные вопросы с животным, – сказал он и замер, выжидательно глядя на меня.

Намёк был ясен и не нов – мол, стоит тебе, Астрёныш, обернуться человеком, и сразу же обо всём узнаешь. То есть, по факту, меня снова шантажировали!

– Ву-у-у. – Глядя в серые очи, сообщила я. Что в данном случае означало: не больно-то и хотелось.

Прежде чем этот манипулятор успел развить тему, я подсунула голову под подушку. Идите, ваша светлость, лесом. И не смейте играть на моём любопытстве!

Дантос посыл понял и действительно отстал. По крайней мере в том, что касается манипулирования и прочего шантажа.

– Мыться пойдёшь? – Донеслось сквозь толщу гусиного пуха.

Я задумалась на миг и решила – нет, сегодня буду спать грязной, потому что сил, повторюсь, никаких. Вот если бы кто на ручках в ванную отнёс и помыл, тогда – да, но этот «кто» ранен, и я первая его покусаю, если попробует меня поднять, и напряжет тем самым плечо. К тому же, не так уж я и испачкалась, даже с учётом того, что большую часть времени мы с детьми провели в саду.

– Ладно, понял, – после очень долгой паузы сообщил Дан. Но прежде чем удалиться в ванную, усмехнулся и добавил: – Кстати, здорово ты сегодня мёртвой притворялась. Даже я почти поверил.

Я снова фыркнула, на этот раз из-под подушки.

Да, притворялась. Как только осознала, что единственный способ избавиться от внимания императорских чад – это

помереть, так сразу легла и дышать перестала. Кстати, способ оказался действенным. И если бы принцесса Мисси не разревелась, я бы ни за что не ожила. Я ведь даже на попытки Руала оторвать мёртвому дракону крыло не реагировала!

Кстати… Кстати о назойливом внимании. А что, если мне действительно взять и инсценировать свою смерть? Ведь если я умру, то блондинчик непременно от меня отстанет, а я…

– Даже не думай, – сказал Дантос, и голос прозвучал настолько строго, что я аж подпрыгнула. – За такое точно отшлёпаю. И не как в прошлый раз, а по-настоящему, ремнём.

Увы, иронизировать по этому поводу не хотелось. Дан прав, инсценировка смерти – это слишком жестоко. Одно дело жить и знать, что человек, оставивший след в твоём сердце, где-то существует и, возможно, счастлив, и совсем другое – думать, будто он ушел в холодные чертоги, возврата из которых нет. Впрочем, если эта жестокость может спасти жизнь, то почему бы не попробовать?

Так! Минуточку!

Я вытащила голову из-под подушки и хмуро уставилась на Дантоса. В голове вертелся принципиально важный вопрос – мысль об инсценировке смерти блондинчик с помощью логики вычислил, или это в самом деле телепатия была?

– Даже не мечтай, – глядя прямо в глаза, повторил мужчина.

В этот момент я поняла – с предстоящим побегом всё действительно очень печально. Телепатия тут или нет, но Дан вычисляет меня на раз, без всяких усилий. Но выход всё равно есть, верно? Главное, не отчаиваться и не опускать лапки. А ещё… я, кажется, знаю, в каком направлении копать.

Впрочем, нет. Не кажется. Я действительно знаю!

Но прежде чем начинать «раскопки», хорошо бы устроить контрольную проверку – а вдруг это всего лишь совпадения были, а?

Лежу. Лежу на подоконнике в кухне и очень внимательно наблюдаю за Роззи, которая варит малиновый джем и одновременно лепит пирожки с вишней. Мимо то и дело снуют слуги, сама кухарка поглядывает на маленького дракона хитро, но с симпатией.

Ещё бы! Я же самая преданная и искренняя поклонница её кулинарных талантов! И отдельно – поклонница пирожков с вишней.

Более того – я эти пирожки не просто люблю, а вроде как обожаю до дрожи. Вчера Роззи испекла всего полдюжины и сегодня утром их подали к завтраку. Я съела все! И те, что были

отданы мне, и те, которые Дантосу предназначались. А потом удрала на кухню в надежде на добавку.

Причём удирала хитро, в момент, когда Дантос в ванную ушел. И ничуть не удивилась тому, что всего через пять минут светлость тоже во владениях Роззи нарисовалась.

Правда, блондинчик сюда не ради пирожков явился… Он, как нетрудно догадаться, искал меня.

А я что? Я ничего. В смысле, ничего плохого не замышляю! Просто лежу и жду, когда Роззи поставит противень в печку, а потом вытащит его и накормит маленькую, жутко голодную девочку. То бишь меня.

Отличный повод поошиваться на кухне, правда?

Вот и Дантос так решил и придраться не смог, хотя точно хотел. А потом ушел, предоставив мне возможность спокойно продолжить начатое.

Лежу. Лежу и старательно изображаю интерес к процессу готовки. Одновременно прислушиваюсь к окружающим звукам и пытаюсь не думать о том, что пирожки мне совсем не нужны.

Нет-нет, они действительно очень вкусные, но того, что съела за завтраком, вполне хватило. И вообще, два пирожка, отнятые у светлости, даже лишними были, но… мне требовалось создать ажиотаж.

Вот. Создала. А теперь…

Лежу! Лежу и жду возможности проверить, что к чему. И очень надеюсь, что возможность эта представится до того, как «главная причина» моего пребывания на кухне испечётся.

Надежды оправдываются!

В какой-то момент в наполненное ароматом малины помещение вваливается Этен и сообщает, что к нам господин Борен прибыл.

Господина Борена я уже знаю – это торговец, который припасы в особняк привозит. И, собственно, именно на его визит больше всего и рассчитывала.

Роззи, конечно, тут же бросает лепку, вытирает руки и мчится на улицу. А я, словно нехотя, встаю, потягиваюсь и, спрыгнув с подоконника, топаю по следам кухарки.

Дверь уже закрыта, но не заперта. Конечно, я могу справиться с ней без посторонней помощи, но не хочу – замираю поблизости. И когда дверь распахивается, чтобы впустить в дом груженного плетёной корзиной Этена, выскальзываю наружу.

А дальше вопрос ловкости.

Прошмыгнуть мимо Этена, обогнуть толстую Роззи и господина Борена, ускользнуть от взгляда вездесущего Жакара, который здесь каким-то образом очутился, и, пробежав за

телегой, спрятаться за ближайший куст. А дальше мелкими перебежками к далёким запасным воротам и калитке для прислуги.

К счастью, там, у калитки, тоже кустик имеется. Затаившись за этим кустом, можно покараулить, когда господин Борен обратно поедет, и попробовать выбраться с территории поместья.

Но ждать, когда торговец закончит общаться с Роззи и Жакаром, не приходится. Едва успеваю забежать за куст, калитка для прислуги открывается, впуская Полли.

Зачем наша старшая горничная ходила в город, я не знаю. Да и неважно это, если честно. Куда важнее то, что закрывать калитку девушка не спешит и маленькому дракону удаётся прошмыгнуть мимо её юбки и…

А вот тут всё. Затык и засада в одном флаконе. Не успевает дракон переступить невидимый порог, как перед самым его носом возникают высокие, начищенные до блеска сапоги. А порыв лёгкого ветра приносит запах, и… поднимать голову, чтобы узнать, кто перед тобой, совсем не обязательно. Дантос! Герцог Кернский!

Ну почему, прежде чем сунуться к калитке, я к драконьей сущности не обратилась, а? Впрочем, в данном случае это неважно. Я же не собиралась сбегать, всего лишь проверяла. И результаты проверки, увы, неутешительные.

– Что? – донеслось сверху. – Опять?

Я не ответила. Шумно вздохнула, развернулась и направилась обратно к дому.

Выходит, всё правильно. Получается, никаких совпадений. Я действительно в западне, но как выбраться, всё-таки знаю. Главное – запастись терпением и не унывать. И молиться, чтобы Леди Судьба не привела в этот особняк кого-нибудь из моих сородичей…

С того памятного вечера, когда меня посетило озарение, прошло почти две недели. Всё это время я пыталась держаться непринуждённо и мысли о побеге в голову не пускала. Я ела, гуляла, плавала в огромной роскошной ванне герцога Кернского. Валялась на кровати, прыгала по подоконникам, и даже летала по саду.

Я была драконом! Всё таким же маленьким, красивым и послушным. А то, что Роззи пару раз гонялась за мной с половником, Полли подсела на успокоительные пилюли, а старший конюх с некоторых пор чуть-чуть заикается – не в счёт.

Сами нарвались.

Особенно конюх!

Зато светлость, в отличие от прислуги, никаких неудобств не

испытывал. Причины? Ну, скажем так – он вёл себя чуточку умнее и на неприятности не нарывался. Даже когда его к этим самым неприятностям подталкивали.

Осень уже не подкрадывалась, а прямо-таки наступала. Солнечные дни стали редкостью, небо всё чаще хмурилось и плакало. Камины теперь разжигали каждый день, и однажды мне даже удалось выспаться на углях.

О визитах императорских детишек речи не заводили. Других попыток доказать мне, что быть кузиной выгоднее, нежели домашним животным, – тоже не предпринималось. Бойкот, как ни странно, отменили.

Кое-кто сероглазый, вероятно, пришел к выводу, что меня проще взять измором, нежели провокациями. В таком подходе был определённый смысл, но я сдаваться по-прежнему не собиралась. Грустить и впадать в пессимизм тоже отказывалась, хотя поводы были. Я просто ждала и каждый вечер молчаливо молила Леди Судьбу и Леди Удачу о помощи.

И вот, спустя две недели, моё терпение было вознаграждено.

Я не сразу поняла, что это именно то событие, о котором мечталось. Что вот он – тот самый фактор неожиданности, просчитать который невозможно. И когда Жакар ввалился в кабинет, расположенный на третьем этаже, дабы передать Дану записку, внимания, в общем-то, не обратила.

Зато дальше игнорировать ситуацию было невозможно, ибо, прочтя записку, блондин подскочил и стремительно направился в спальню. А буквально через пару минут вышел оттуда совершенно одетым и даже причёсанным.

Судя по наряду, он собирался в какое-то очень приличное место, и тот факт, что на часах уже начало второго ночи, Дана не волновал.

В голову закралось нехорошее подозрение – у него что, новая леди Жанетт завелась?

Эта мысль не то чтобы задела, но заставила подняться, спрыгнуть с кресла и устремиться к письменному столу, где Дан записку бросил. Я успела взобраться на стул, а вот дальше – упс. Герцог Кернский умыкнул бумажку прямо из-под носа.

– Ронал вызывает, – пояснил он. – Срочно.

Драконье чутьё подсказывало – светлость не врёт, но… нестыковочки, знаете ли!

После того нападения отношение Дантоса к магии сильно смягчилось – видимо, понял, что неприятие этого элемента нашей жизни ничего не меняет. С тех пор Дан частенько пользовался разными предметами, в том числе амулетами связи. В частности, с королевской канцелярией он только по амулету общался. А тут

вдруг записка?

И второе – если он к Роналу, то какого беса столько духов на себя вылил? У меня уже в носу свербит от концентрации запаха.

– Ву-у-у, – сказала… ну просто потому, что сказала.

А герцог Кернский внезапно замер, прищурил серые очи. Ещё миг, и на его губах расцвела улыбка.

– Малышка, неужели ты ревнуешь?

Пуф…

Вот он, один из немногих моментов, когда действительно жаль, что у драконов очень скудная мимика. Жутко хотелось скривиться, чтобы показать своё отношение к догадкам некоторых, но я не смогла. Поэтому просто закатила глазки и отвернулась.

Дурак.

Нет, не так: дурак с самомнением!

– Знаешь, а это приятно, – сообщил Дантос тихо. – Значит, я всё-таки тебе небезразличен.

Продолжать разговор не хотелось. Но вовсе не потому, что возразить нечего, просто это лишний повод для бесплодных мечтаний. Не моих, разумеется. Я к подобному вообще не склонна – за семь лет в цирке из меня непробиваемого прагматика сделали.

Так что я спрыгнула со стула и направилась в спальню. Как бы намекая Дантосу – мне глубоко плевать, куда ты сваливаешь.

Тем не менее, он не преминул «отчитаться»:

– Я постараюсь не задерживаться.

Угу.

А в момент, когда я переступила порог спальни, драконье чутьё уловило тревогу. Она была подобна гигантской волне, которая поднялась над берегом и обрушилась на него со всей силой. Ощущения принадлежали, конечно, Дантосу, и я резко обернулась, но… на губах герцога Кернского по-прежнему играла беззаботная улыбка.

Ещё миг, и ощущение бешеной тревоги исчезло – то есть кое-кто пытался прятать свои чувства не только на уровне тела, но и души. И, как ни удивительно, это ему удалось.

Поймав мой слегка ошарашенный взгляд, хозяин особняка подмигнул и добавил:

– Не шали без меня.

Я совершенно бездумно кивнула, а Дан развернулся и направился прочь. Спустя полминуты я услышала стук прикрытой двери и, не выдержав, плюхнулась на попу.

Это что вообще сейчас было?

Впрочем, заморочиться на происходящем маленький дракон

не успел. Просто именно в этот момент сообразила – вот оно! Здесь и сейчас очень кстати совпали сразу два фактора – неожиданность и явная эмоциональная нестабильность Дана. То есть у меня появился нешуточный шанс на… побег.

Больше на инстинкте, нежели повинуясь разуму, я вскочила и поспешила в глубь спальни, чтобы ловко запрыгнуть на один из подоконников и вглядеться в очертания подъездной дорожки. Зажмуриться, пытаясь сопоставить все «за» и «против» и окончательно убедиться – да, оно!

Мысленно поблагодарив герцога Кернского за то, что на окнах второго и третьего этажей магической защиты нет, я приподнялась на задних лапах и поддела когтем верхнюю щеколду. С третьей попытки мне удалось её отодвинуть, а справиться с нижней было легче лёгкого. Дальше – совсем просто. Опять приподняться на лапах и, ухватив зубами ручку, потянуть створку на себя.

Едва я справилась с окном, в заполненную теплом спальню ворвался порыв холодного воздуха, но маленький дракон даже не поморщился. И запоздало порадовался тому, что, уходя, Дан светильники погасил, так что все эти манёвры с улицы не слишком заметны.

Без лишней осторожности я высунулась наружу. Конюшню с этого ракурса видно не было, но тонкий драконий слух уловил приглушенный стук копыт и шелест гравия под колёсами – то есть карета уже выехала. Ещё минута, и она подрулит к парадному крыльцу, чтобы забрать герцога.

Сообразив, что времени ещё прорва, я попятилась, дабы тут же спрыгнуть на пол и помчаться в кабинет.

Угрызения совести? Нет, не знаю таких. Вернее, не желаю знать!

Ну да, я собиралась воспользоваться тем, что мысли Дана заняты какими-то срочными государственными вопросами, но что теперь? Это для его же блага. Для его же безопасности!

В конце концов, ничего смертельного. Блондин погрустит и забудет. Зато останется жив, а я… Я поступаю так, как должна, а дальше – будь что будет.

Очень быстро и настолько легко, будто сама Леди Удача рядом стояла, я открыла дверцу стола и выдвинула один из ящиков. На тот факт, что встреча с драконьими зубами плохо сказалась на латунной ручке, внимания, конечно, не обратила – просто ухватила один из кошелей и побежала обратно в спальню.

Прыжок, и я на подоконнике. Ещё шаг, и уже на карнизе. Взмах крыльями, и я лечу – лёгкая, быстрая и ужасно целеустремлённая. И искренне радуюсь тому, что успела, что

карета уже отъехала, но к воротам ещё не подкатила.

Я смогу её догнать. Точно смогу!

Единственное, что раздражает, это… нет, не совесть, а внешняя подсветка дома, фонарики вдоль подъездной дорожки и заднее окно кареты, через которое меня легко увидеть. Но кто не рискует, тот не живёт. Поэтому я лечу.

А когда карета притормаживает у ворот, умудряюсь плавно опуститься на полку для багажа.

Замираю. Крепче сжимаю зубами украденный кошель и втягиваю голову в плечи. Точно знаю – вот теперь у пассажира нет никаких шансов меня заметить, и он слишком занят, чтобы почувствовать присутствие той, которую пытался удержать.

Но! В случае Дантоса возможно всякое, поэтому радоваться рано. И я не радуюсь, а скукоживаюсь в глупой попытке стать меньше горошинки.

Карета ускоряется… Я не вижу, но знаю – именно сейчас мы проезжаем ворота. Перестаю дышать, предчувствуя подвох в виде какого-нибудь нового, особо извращённого защитного экрана, который пропускает всех, кроме девочек с чешуйками и спинными шипами, но… Ничего. Чисто. Прошли!

Экипаж поворачивает. Гулкий стук копыт сменяется звонким цокотом – улица-то не гравием посыпана, а вымощена брусчаткой. Свист кучера, свист кнута, и лошади переходят на рысь.

А я, шумно втянув ноздрями воздух, расправляю крылья и прыгаю в небо.

Всё. Свобода!

Глава 3

Лечу! Купаюсь в чёрном, затянутом тучами небе, как в океане. Вспарываю носом воздух, ловлю крыльями порывы ветра, позволяю себе кувыркаться, закладывать виражи и парить.

Там, внизу, столица нашей империи. Центр города освещён множеством огней, и если подняться выше, то может показаться, будто перед тобой вовсе не город, а россыпь магических кристаллов всех мастей.

Но мне эти кристаллы не нужны. Наоборот! При взгляде на сверкающее великолепие становится жутковато. Просто тут, в столице, с дюжину таких, как я, и мне доподлинно известно – нищих среди них не водится. То есть они не на окраинах живут, а здесь, в центре.

Сбегая от циркачей, я об этом не думала и только позже поняла, как мне повезло, что на своих не нарвалась. Но тот побег был спонтанным, а этот всё-таки спланированный, и теперь я точно знаю, что делать.

Лечу! Прочь от магических огней. К окраине. Туда, где нет особняков, летних резиденций и торговых лавок с подсвеченными магией витринами. Где лишь уличные фонари, одинокие и редкие.

В прошлый раз, когда я прыгнула в небо и напоролась на защитный купол, я была готова показаться своим в облике дракона, сейчас – нет. Просто теперь у меня есть деньги и, следовательно, выбор.

Мне нужна одежда. Мне нужна гостиница. А вот потом встретимся и поговорим.

Лечу…

Заложив очередной вираж, снижаю скорость и снижаюсь сама. Начинаю вглядываться… Нет, меня не вывески интересуют и даже не окна. В данный момент я обращаю внимание на дворы и дворики.

У драконов прекрасное зрение, и в темноте мы видим преотлично, так что трудностей никаких. А драконья сущность не только людей, но и собак чует.

Именно наличие сторожевых псов заставляет меня пронестись мимо двух дворов, где очень много белья сушится, где очень велика вероятность найти что-то подходящее. Зато в третьем охраны точно нет, и я спускаюсь, чтобы врезаться лапами в твёрдую, но мокрую от последних дождей землю и выплюнуть кошелёк.

И тишина…

Впрочем, кое-какие звуки тонкий драконий слух всё-таки различает, но они настолько далёкие и тусклые, что это не в счёт.

Сделав несколько шагов вперёд, придирчиво осматриваю ближайшую из многочисленного ряда верёвок. Количество белья намекает – накануне в доме, к которому примыкает двор, был постирочный день. А также на то, что тут живёт не только габаритный мужчина и три малолетних сорванца, но ещё и женщина – ведь кому, как не женщине, могут принадлежать три передника, которые сушатся с краю?

Последнее воодушевляет. Раз есть передники, следовательно, должны найтись и платья. Ну хотя бы одно! И даже размер сейчас не важен.

Повинуясь этим мыслям, подхожу и подныриваю под простыню, чтобы очутиться в следующем ряду. Потом перехожу в третий, и тут оно – чудо! В смысле платье. Простенькое, но более чем пристойное. Цвет тоже хороший – голубой. А самое занятное, это мой размер. Точно мой!

Я на подобное везенье вообще не рассчитывала, но, увидав искомое, не растерялась. Вновь обратилась к драконьей сущности и, убедившись, что людей и собак поблизости нет, застыла, взывая к родовой магии.

Боль! Да, опять. Собственно, как и всегда. Но сейчас она приносит какое-то странное облегчение. Я переношу трансформацию очень легко, мне даже не приходится стискивать зубы, чтобы сдержать крик.

А вот дальше трудней. Драконья шкура спасала от ночного холода, а теперь я ощущаю его более чем отчётливо. Холод обжигает! А ещё я слепа и глуха, потому что «человеческие» возможности бесконечно далеки от звериных.

Ну и ещё кое-что. Я стою на четвереньках, на мокрой земле и понимаю – перепачкалась страшно. Это ужасно неприятно, но… а что делать? Угу, вот и мне ясно, что ничего.

Когда дурнота, сопровождающая процесс трансформации, отступает, поднимаюсь на ноги и вытираю ладони о бёдра. Аккуратно снимаю с верёвки платье и устремляюсь туда, где оставила кошелёк. Я не готова воровать у тех, кто живёт в столь скромном доме, я хочу заплатить.

Вокруг очень темно. Луна спряталась за облаками ещё в тот миг, когда я отпирала окно герцогской спальни, и проявиться с тех пор не соизволила. На небе только звёзды, их света категорически мало, но что-то я всё-таки вижу. В частности, замечаю у стены грубо сколоченный ящик, на который можно положить платье. Собственно, это и делаю. После подхватываю бархатный мешочек и спешно развязываю стягивающий его

шнурок.

И едва успеваю прикусить губу, чтобы не застонать в голос!

Освещения по-прежнему не хватает, но содержимое кошелька я различаю. Из глубин души тут же поднимается волна раздражения.

Ну Дантос! Ну… светлость! Чтоб ему… жену хорошую и дюжину здоровых умненьких детишек! И расположение императорского семейства! И всего того, чего сам себе желает!

С шипением, достойным разбуженной посреди спячки гадюки, вынимаю полновесный золотой и, сжав в другой руке кошель, устремляюсь к внутренней двери дома – хочу оставить монету на пороге, чтобы точно заметили.

А тут, у лестницы из трёх ступеней, опять удача! На невысокой приставной скамеечке стоят несколько пар башмаков и одни туфли. Чинили эту обувь или просто вымыли и оставили снаружи, дабы проветрилась, – понятия не имею. Но сразу же вынимаю из кошеля ещё один золотой как плату за туфли.

Обувь далеко не новая и таких денег, конечно, не стоит, но сейчас не время жадничать. Аккуратно положив монеты на нижнюю ступеньку, я хватаю обувку и спешу обратно – к ящику, на котором оставила платье.

Уже не с шипением, а с рыком, сворачиваю платье в узел, впихнув обувь и кошелёк в самую середину, и опускаюсь на четвереньки. Родная магия пенится молодым вином, и тело почти мгновенно охватывает боль трансформации.

Несколько секунд забытья – и я снова дракон!

Дракон, хватающий зубами узел и взмывающий в небо.

Ну Дантос, ну погоди! Если мои подозрения подтвердятся, то я тебя… то я тебе… нет, я ещё не знаю, что с тобой сделаю, но тебе точно не понравится!

С места преступления я улетала более чем поспешно. И хотя смелые и отважные в таком не признаются, лично я сказать могу: пока улепётывала, не только злость чувствовала, но и кое-что ещё…

Беспокойство. Оно было необычным – очень сильным и чем-то похожим на чесотку. Причём принадлежало ощущение не мне, а драконьей сущности, и исчезло сразу после того, как я опустилась на одну из крыш и сменила ипостась.

Я могла задуматься, принять это беспокойство за некий знак свыше, но времени на рефлексию не имелось. К тому же, как только я натянула украденное платье, случилось другое, куда более любопытное с точки зрения знаковости событие – тучи разошлись, и на небе появилась луна.

Её свет был очень ярким и развеял не только ночной мрак, но и последние сомнения – да, сегодня Леди Удача точно на моей стороне играет. А раз так – всё получится. Всё непременно будет по-моему!

С этими мыслями я опять развязала злосчастный кошелёк и высыпала его содержимое в собственный подол. И зарычала громче прежнего!

Причины? Ну, во-первых, в этом кошеле должны были находиться серебро и медь – я знаю, я проверяла! А бархатный мешочек оказался набит по большей части золотом, что означало – Дантос вариант ограбления рассматривал и поменял монеты, дабы увеличить мои шансы на выживание. Ведь чем больше денег, тем проще жизнь.

Ну а во-вторых, кроме монет, в мой подол записка упала. И записку эту я, разумеется, прочла…

«Дорогая, если ты читаешь эти строки, значит, ты всё-таки сбежала.

Очень тебя прошу – вернись. Лучше прямо сейчас.

Не заставляй меня идти на крайние меры.

С любовью, Д.»

Послание вызвало смешанные чувства. С одной стороны, тут звучало нежелательное, но всё-таки сладкое слово «любовь», с другой – в тексте содержалась открытая угроза. Последнее можно было принять за блеф, но я слишком хорошо знала Дантоса. А ещё, в силу своего прошлого, понимала, на что именно следует обратить внимание.

Поэтому, отбросив записку, я подхватила бархатный мешочек и принялась ощупывать швы. Через полминуты подозрения подтвердились, а тишину спящего города вновь нарушило предельно злое шипение.

Да, всё верно – в один из швов был зашит крошечный поисковый кристалл. То есть меня могли обнаружить в любую секунду!

Ужасно захотелось вскочить и попинать… ну хотя бы печную трубу. Но я вовремя вспомнила о высыпанных в подол монетах и от опрометчивого шага удержалась. Вздохнула, пытаясь вернуть себе способность мыслить здраво, и начала собирать деньги в намерении переложить их в карманы. Записку тоже в карман пихнула, сама не знаю зачем.

Менять форму и лететь на другой конец города я не собиралась – желание оказаться как можно дальше от места, где брошен кошелёк, слишком предсказуемо. Но и сидеть на крыше в

обнимку с поисковым кристаллом тоже не могла. Так что, покончив с вопросом передислокации финансов, отбросила пустой мешочек в сторону и отправилась искать спуск с этой дурацкой крыши.

Мне оставалась малость – спуститься, отойти на безопасное расстояние и сменить облик. Отдельным, особенно приятным моментом являлось то, что вместе с физическим телом изменится и запах. То есть ещё чуть-чуть, и найти меня станет действительно невозможно.

Стою. Стою и… злюсь невероятно! До сжатых кулаков и зубного скрежета.

Ужасно хочется закричать, впечатать кулак в бочку для дождевой воды, а потом развернуться и, покинув этот узенький переулок, отправиться… в центр города. К знакомому забору, за которым скрыт особняк новой постройки.

Хочется подойти, вцепиться в решётку ворот и… дёрнуть как следует. Чтобы увидели, чтобы заметили, чтобы вызвали хозяина, который…

Нет, если мы встретимся, я точно попытаюсь расцарапать холёную аристократическую физиономию. И даже осознание того, что он сильнее и, безусловно, мою атаку погасит, не остановит.

Просто… просто это нечестно. Несправедливо. И совершенно неправильно! Он не может, он не должен выигрывать каждый последующий раунд, но… у него, бес меня пожри, получается.

Как, спрашивается? Почему?!

Если посмотреть на ситуацию со стороны, если взглянуть на происходящее рационально, то герцог Кернский, конечно, ни при чём, но… Опять это «но». Кажется, оно преследует меня с самого первого дня. С того самого момента, как я покинула родной город.

Время, проведённое с Ластом, – не в счёт. Я готова согласиться с тем, что тот период моей жизни был подчинён воле и знаниям корыстного мага. Готова признать – именно он, Ласт, спасал меня от встреч с одарёнными, и именно его смекалка уберегла от возвращения к народу метаморфов. Но всё, что происходило после…

Труппа Шеша посещала все города империи. За семь лет, проведённых на арене, меня видело множество аристократов всех мастей. Охотники за редкостями среди наших зрителей тоже встречались. А ещё бандиты, коллекционеры и прочие сомнительные личности.

Но никто и никогда не обращался к главе труппы с предложением выкупить единственную в своём роде зверушку. Попыток выкрасть карликового дракона тоже не

предпринималось, хотя их и ждали.

Меня воспринимали как нечто… обыденное. Словно кто-то глаза отводил. Будто какая-то высшая сила не давала возможности сосредоточиться и осознать всю выгоду от обладания уникумом.

Именно благодаря этой откровенно странной невнимательности людей я оказалась в столице и познакомилась с Даном.

А что теперь?

Я не могла трансформироваться. Я стояла в узком проулке, возле огромной бочки, куда стекала дождевая вода с крыши ближайшего дома и просто не чувствовала родовую магию.

Вернее как – стоило вызвать перед мысленным взором образ золотого дракона, и кровь тут же вскипала, а тело наполнялось силой метаморфа. Зато остальные образы никакого отклика не вызывали. Я не могла измениться. Я не имела возможности превратиться в другого человека. Только в дракона. Это ли не подлость?

Сперва не верилось. Вначале думалось, что виной всему страх перед грядущим наказанием и подсознательное нежелание возвращаться к своим. Но спустя пару часов размышлений и попыток стало совершенно ясно, что проблема в другом.

Мне о таком не говорили, но логика подсказывала: семь лет в запрещающем ошейнике не могли пройти бесследно. Тело настолько привыкло к форме карликового дракона, что другие трансформации стали попросту невозможны.

И всё бы ничего, но… Дантос! Герцог Кернский видел меня в истинном обличье. Он сможет узнать, если встретит. А если пустит по следу собак, то… я пропала.

Нет, я действительно пропала!

Я снова в западне, а он выиграл этот раунд. Причём, что самое обидное, выиграл случайно. Ведь Дантос не мог знать, чем обернётся для меня общение с «подарочком» Ласта. Этого не знал никто!

Значит, остаётся надеяться на Роналкора и важное дело, по которому он герцога Кернского вызвал, – вдруг это дело до самого утра Дана задержит? А ещё на… чудо. Ведь как бы там ни было, но сегодня Леди Удача точно на моей стороне. И она слишком много для меня сделала, чтобы просто взять и вернуть в руки блондинчика.

Мысль о Леди Удаче заставила встрепенуться, собраться и осторожно выглянуть из переулка, в котором я пыталась сменить облик, и заодно от ночных напастей в виде пьяниц, воров и прочих сомнительных личностей пряталась. А обнаружив, что

улица пуста, выскользнуть из укрытия и поспешить прочь – помнится, пролетая над кварталами, я видела нечто похожее на здание храма.

Может, и ошибаюсь, но почему не поискать? Тем более ночь отнюдь не тёплая, а украденное платье от холода совершенно не спасает. К тому же, в храме точно безопаснее, чем на улице. Ну и ещё кое-что: помощь высших сил сейчас нужна позарез, так почему бы не потратиться на пару свечей?

Впрочем, нет. Пары в моём случае мало. Если найду храм, то на пару дюжин свечек раскошелюсь!

Леди Удача в самом деле была милостива – храм я отыскала быстро, буквально за четверть часа. Массивная дверь, конечно, оказалась не заперта – это только в маленьких городах и в сёлах храмы на ночь закрывают, а тут ситуация другая.

У двери дежурил послушник в мешковатой синей рясе. Он больше походил на вышибалу какого-нибудь очень злачного кабака, и я внутренне сжалась, когда этот детина приподнялся со стула в явном намерении заступить дорогу.

Но неприятности не случилось – разглядев меня, послушник кивнул и вновь рухнул на стул. Я же устремилась к небольшому прилавку, расположенному здесь же, на входе.

Когда запустила руку в карман платья, в намерении достать монету, в сердце снова вспыхнула притихшая было злость. Дантос! Насколько всё-таки продумана и коварна эта аристократическая зараза!

Будь он менее смекалист, то мне бы достался кошель, наполненный исключительно золотыми. А золотые это что? Правильно! Это всегда проблемы, потому что денюшка слишком крупная.

Но блондинчик всё рассчитал. Он добавил в кошель и серебра, и меди, избавив меня от части проблем.

Вот как сейчас – просто нащупала в кармане серебрушку, которая толще и менее рельефная, и купила… нет, не две, а четыре дюжины самых хороших, белых свечек. В обнимку с которыми и направилась в глубь довольно скромного, особенно по меркам храмов, помещения.

Прогулявшись между двумя рядами скамеек, оказалась у алтарного возвышения и свернула влево. Именно там, в одной из многочисленных ниш, пряталась интересовавшая меня статуя.

Леди Удача была, как и всегда, улыбчива и чуточку лукава, а из-под пышной юбки дорогого платья, в которое одел богиню неведомый мне скульптор, выглядывала голая ступня.

Вообще, эта ступня была непременным атрибутом – этакий

символ обманчивости. И я всегда воспринимала данный знак спокойно, но только не теперь. Здесь и сейчас я видела в обязательном символе подвох – ведь это не Леди Удача, а я, Астрид! Только не настоящая, а так… Астрид в роли кузины герцога Кернского. Самозванка в особняке и жизни высокородного аристократа.

Нет, такой доли мне, определённо, не хочется. Пусть рядом с ним будет другая – по-настоящему достойная и титула, и дорогих платьев, и любви этого удивительного человека.

Зажигая и расставляя свечи, я просила Леди Удачу о милости и помощи для себя. А когда стало ясно, что все свечи в маленькой нише не поместятся – вздохнула и направилась в противоположную часть храма, к статуе Леди Судьбы.

Образ этой дамы дышал строгостью, но глаза, раскрашенные разноцветной эмалью, смеялись. Глядя на изваяние, я тоже невольно улыбнулась и принялась… просить за Дантоса. Пусть уже найдёт своё счастье и успокоится. Он это, безусловно, заслужил.

Когда ночная мгла начала сменяться предрассветной серостью, стало ясно – решение укрыться в храме было более чем верным. А тот факт, что Леди Удача действительно на моей стороне, нашел самое явное подтверждение.

Дело в том, что под утро небо затянуло тучами и заморосил дождь. Медленно, но верно вода смывала запахи, уничтожая незримый след, по которому можно пустить ищеек.

Но не это главное! Куда занятнее то, что когда я вышла на улицу в намерении подышать свежим воздухом, заметила на противоположной стороне лавку готового платья. Собственно то, что мне сейчас больше всего нужно.

Захотелось подпрыгнуть от счастья, а потом вернуться в храм и скупить все оставшиеся свечи, но я сдержалась. Просто места в нише, где стояла статуя моей ветреной покровительницы, уже не было – я и так перестаралась. В итоге пришлось ограничиться обещанием, что отблагодарю Леди Удачу позже, и спустя ещё час, когда окончательно рассвело, вновь выйти на улицу.

В миг, когда я покинула храм, к дверям лавки подошла ничем не примечательная девица. Я видела, как она вытащила из кармана ключ, чтобы вскоре толкнуть тяжелую створку и войти внутрь. Это был очередной знак, очередной виток везения, которым я и поспешила воспользоваться…

Вообще со стороны всё выглядело довольно неприглядно и даже странно. Да, я раздобыла и платье, и обувь, и даже волосы в косу заплела, но всё равно казалась сущей оборванкой.

Подозреваю, что будь на месте девушки хозяйка или хозяин, они бы выгнали такую посетительницу взашей. Или, чего доброго, вызвали стражу.

Но помощница, открывшая лавку, на подобное не решилась. А когда я вздёрнула подбородок и строго заявила, что заплачу золотом, сделала книксен и помчалась доставать из закромов лучшие наряды.

Через полчаса из примерочной вышла уже не нищенка, а зажиточная горожанка, которая, впрочем, задерживаться в столице не собиралась. Дорожное платье из тонкого тёмно-зелёного сукна село настолько хорошо, что даже подшивать не пришлось. С бельём, шарфиком и плащом проблем также не возникло. А вот шляпки и перчаток в лавке не нашлось. Сапог, разумеется, тоже.

Но расстраиваться я не спешила – по-прежнему верила в Леди Удачу, и та, как ни странно, не подвела.

Стоило мне заикнуться об обуви, дверь лавки распахнулась, впуская в тесноватое помещение рослую пышнотелую женщину. Увидав меня, она сперва растерялась, после расплылась в любезной улыбке. А когда Зосси – именно так звали помощницу, подбиравшую мне наряд – приветливо кивнула женщине и сообщила, что «леди желает расплатиться золотом», улыбка стала подобострастной.

Да, нас посетила хозяйка! И пока она поила меня чаем и пересчитывала монеты, Зосси сбегала на соседнюю улицу и, принесла мне сапоги, шляпку, перчатки и… саквояж!

Услыхав цену на эти предметы, я мысленно поморщилась, но торговаться не стала. И к моменту, когда солнце поднялось выше крыш, уже шагала к почтовой станции.

В небольшом саквояже уместились все мои вещички – то есть краденое платье и туфли, часть монет и три пары сменного белья. Туда же отправилась расчёска, которую умудрилась купить по дороге к почте. А также глиняная фляга с водой.

А вот бумажный пакет с булочками я несла в руках и медленно сходила с ума от пьянящего аромата. Лишь сейчас поняла, как сильно проголодалась. Усталость тоже только теперь накатила, но времени мечтать о тёплой постели, увы, не было.

И да, планы менялись! Я больше не могла позволить себе такую роскошь, как поиск сородичей.

За несколько часов, проведённых в храме, раз сто пыталась воззвать к родовой магии, но отклика так и не получила – то есть смена облика по-прежнему была невозможна. А это означало, что в случае встречи с герцогом Кернским буду узнана. Чем не повод лететь из столицы быстрее ветра?

Нет, если бы речь шла о ком-нибудь другом, я бы, не задумываясь, осталась! Ведь шанс встретиться в столь большом городе крайне мал, но… Но Дантос – это Дантос. У него чутьё и какая-то невероятная продуманность. И я определённо не готова играть в прятки с этим человеком. С кем угодно, только не с ним.

Именно поэтому я спешила к почтовой станции, путь к которой указал один из прохожих, и молчаливо молила Леди Удачу об ещё одной услуге – о карете на Фагор или Вонаркс. Причём такой, которая бы отправлялась сию секунду.

Как ни смешно, Леди Удача опять услышала. Более того, я оказалась единственной пассажиркой!

Через полчаса карета уже подъезжала к западным воротам, а невероятно довольная жизнью беглянка, развалившись на сиденье, жевала свежие булочки и пила воду из фляги. Сердце полнилось теплом, а душа пела! И именно в тот момент, когда я победно ухмыльнулась и мысленно помахала герцогу Кернскому рукой, экипаж резко затормозил и… остановился.

О том, что остановка не рядовая, я догадалась сразу. Нет, никаких особых признаков – просто почувствовала. Спустя ещё миг в сердце опять вспыхнула злость, а с губ сорвалось тихое шипение.

Дантос!

Повода обвинять блондинчика в принципе не было, но я точно знала – это из-за него. И неосознанно сжала в кулаке ни в чём не повинную булочку.

Тёмное сукно дорожного платья тут же усеяли многочисленные крошки, но я внимания не обратила. Нервно швырнула булочку обратно в бумажный пакет, заткнула флягу и, отодвинув засаленную шторку, выглянула в окно.

И вот теперь подозрения о том, что всё сложно, подтвердились – судя по всему, на выезде из города настоящий затор образовался. Причём стояли то ли в два, то ли в три ряда, невзирая на чины и звания.

Пронаблюдав ряд экипажей, телег и всадников, я метнулась к противоположному окну. С той стороны очереди не наблюдалось, зато был виден тротуар и шныряющие мимо горожане. Выражения их лиц подсказывали – ситуация необычная, и я решилась спросить.

Открыв дверцу кареты, высунулась наполовину и окликнула бегущего со стороны ворот мальчишку.

– Эй!

Пацан резко притормозил и подарил вопросительный взгляд. Будто в самом деле не понял, что именно меня интересует.

Пришлось озвучить:

– Что там случилось?

– Стражники, – важно пояснил мальчишка. – По личному приказу императора досматривают всех, кто выезжает.

– А зачем?

– Преступника ловят, – пожав плечами, ответил информатор.

– Не преступника, а преступницу, – поправил кто-то, и я повернула голову, чтобы обнаружить поблизости ещё одного паренька.

А тот глянул пристально, с нескрываемым подозрением, и добавил:

– Они ищут леди. По описанию очень похожую на вас.

Удивление? Нет, не было такого! Страха тоже не возникло. А вот злость, владевшая моим сердцем, значительно усилилась. Правда, виду я не подала – на лице отразилось искреннее удивление и только.

После чего мальчишкам досталось по медяку, а я захлопнула дверь кареты и вновь развалилась на диванчике. И пусть видеть себя со стороны не могла, но точно знала – глаза мечут молнии.

Вот, значит, как! Значит, преступница! Ладно, дорогой, я тебя услышала. И поверь – если нам вновь доведётся встретиться, ты за этот беспредел ответишь.

Желания подхватить саквояж и выскочить из кареты, чтобы затеряться в лабиринте улиц, не возникло. Во-первых, ночь была слишком утомительной, во-вторых, меня могли заметить и поймать если не стражники, то горожане. В-третьих, было совершенно ясно, что проверяют не только западные, но вообще все ворота, то есть выбор у меня невелик: либо пытаться прорваться здесь, либо остаться в столице на неопределённый срок и ждать прекращения проверок.

Учитывая настырность одного блондинчика, последнее не менее рискованно, нежели первое. Значит, нужно пробовать прорваться!

А вообще… Дан, зараза такая, везунчик. Ему прекрасно известно, что я метаморф, и тот факт, что стражники ищут леди «по описанию очень похожую на вас», то есть на меня в истинном обличье, – это тычок пальцем в небо. Почти то же самое, что с защитным куполом над поместьем. Вероятности, объективно говоря, ноль, а Дан пробует и угадывает. Вот как у него это получается, а?

Окружающую тишину вновь нарушило тихое, раздраженное шипение. Но через пару минут, когда карета дёрнулась и несильно, но всё-таки продвинулась вперёд, я шипеть перестала. Просто появилась идея, которая вполне могла сработать. И я

поспешила воплотить её в жизнь…

В миг, когда дверца кареты распахнулась, а передо мной возник тощий стражник с какой-то бумагой в руке, я была готова. А ещё спокойна, доброжелательна и, как и положено молодой женщине, немного любопытна.

– Офицер? – осторожно, но с улыбкой окликнула я.

А тот мазнул взглядом по моему лицу, отвернулся, но тут же дёрнулся и вновь уставился на меня. Потом глянул на бумагу и крикнул в сторону:

– Тоди!

Ещё мгновение, и рядом с каретой нарисовался второй страж, помоложе.

Я, конечно, сообразила, к чему все эти телодвижения, но виду не подала. Спросила с прежней беспечной улыбкой:

– Что-то не в порядке?

Стражники переглянулись. Первый кивнул на зажатый в руке лист и сказал второму:

– Подходит.

А тот выпрямился и, одарив меня суровым взглядом, заявил:

– Будьте добры покинуть экипаж. Вы задержаны.

– А по какому поводу? – поинтересовалась я.

Вместо ответа мне зачитали «список примет»!

– Кожа белая, глаза зелёные, волосы чёрные длиной до пояса. Рост средний, фигура тонкая. Умопомрачительно красива. – А потом добавили: – Как видите, всё сходится. Поэтому будьте добры…

Притворное недоумение сменилось настоящим, и я невольно вытаращилась на облачённых в бордовые кители мужчин. Но быстро опомнилась – заулыбалась и кокетливо стрельнула глазками. А ещё поспешила уточнить:

– Вы поведёте меня в тюрьму?

– Нет, – буркнул первый стражник. – Вам надлежит пройти на пост и ждать.

– Чего ждать? – полюбопытствовала я.

Мужчины снова переглянулись и дружно, пусть и на мгновение, закатили глаза. Я же слегка напряглась…

– Вы принимаете меня за какую-то преступницу? – спросила невинно.

Ответом стало раздраженное:

– У нас приказ императора. Будьте добры покинуть экипаж и следовать за нами.

Любопытство никуда не делось, но продолжать разговор было опасно. А смысла упираться не имелось вовсе – ну какая женщина откажется проследовать с теми, кто признал её

«умопомрачительно красивой»? Особенно с учётом того, что поведут не в тюрьму, а на пост?

Вот я и подчинилась! Подсунула одну руку под живот, привстала и с улыбкой сделала полшага к дверце.

И тут же услышала:

– Та-ак… Подождите!

Садиться на место не хотелось, но пришлось. Просто у меня не было возможности закрепить свой «большой срок беременности» под платьем, и едва я встала, он начал сползать.

Но стражники этот казус не заметили! Они обратили внимание лишь на пузо! И тут же, уже вместе, уставились в бумагу с приметами то ли преступницы, то ли невинной жертвы императорского произвола.

Потом не менее дружно вперили взгляды в саквояж, который стоял на сиденье и всё это время подло загораживал мой живот.

– Про беременность тут нет, – наконец, сказал первый.

– Но беременность очень яркая примета, – хмуро добавил второй. – И раз о ней не упомянуто…

В сердце вспыхнула искорка торжества, но радоваться я не спешила. Наоборот! Состроила обиженную мордашку, выдохнула:

– А глаза? А… – Я сдёрнула шляпку, хотя с цветом и длиной волос всё и без того ясно было. – А… а кожа?

По логике спектакля, вот тут должна была упасть слеза! Но на слёзы моего актёрского таланта не хватило, поэтому пришлось поступить проще: я скуксилась и приготовилась закапризничать. Но вот беда – стражи явно были знакомы с причудами беременных женщин, и дверца кареты захлопнулась раньше, чем я успела свой замечательный план осуществить.

А там, снаружи, прозвучало громкое и предельно раздраженное:

– Почта, трогай!

И карета действительно покатила. Медленно, но очень уверенно.

Если бы кому-то из стражников удалось в этот миг заглянуть внутрь и увидеть мою улыбку, то меня бы непременно задержали. Но они не могли, а я… Да, теперь я действительно торжествовала! И чуть-чуть удивлялась тому, как легко всё прошло.

Леди Удача? Вряд ли. Вероятно, дело в статусе беглянки.

Мальчишки или ошиблись, или не поняли, но стражи не преступницу искали. Иначе они бы не купились на столь простой трюк, да ещё так быстро.

Но если не преступница, тогда кто?

Увы, додумать эту мысль не получилось… Когда карета

нырнула под арку городских ворот, меня охватило острое чувство тревоги. А за ним пришло другое – давно забытое, но настолько сильное, что я невольно выпрямилась и сжала кулаки.

Метаморф! Он был далеко, но двигался навстречу, причём стремительно. И хотя всего несколько часов назад я была готова исходить полгорода в поисках своих, сейчас жутко захотелось разминуться с внезапно обнаруженным сородичем.

Но возможности такой, конечно, не было.

Желания подвинуться к окошку и попробовать увидеть воочию – тоже, в общем-то, не имелось, но я всё-таки подвинулась и посмотрела.

И… ничего. В смысле, просто всадник, который промчался мимо.

Он точно почувствовал, что рядом кто-то свой, и даже коня придержал, но дальше этого дело не пошло. Всадник спешил и задерживаться, чтобы выяснить, кто именно покидает столицу, не собирался.

Это вызвало двойственные чувства. С одной стороны, радостно стало, а с другой… это же я! И я здесь! Впервые за последние девять лет встретилась с кем-то, кто наделён таким же даром, а он… Мимо проехал. Ну что за отношение?

Скривившись, я снова откинулась на спинку диванчика. А потом тряхнула головой, изгоняя глупые мысли, и сосредоточилась на своём «большом сроке». Вернее, на его ликвидации.

Вытащила из-под юбки узел, в который сложила всё, вплоть до фляги с водой и пакета с булочками, и принялась разбирать эти пожитки и укладывать обратно в саквояж. Попутно радовалась тому, что стражники не попытались помочь «задержанной» управиться с багажом. Ведь стоило кому-то из них взять саквояж, сразу бы догадались, что тот пуст. А это крайне подозрительно.

Выходит, Леди Удача по-прежнему со мной? Что ж, лишний повод улыбнуться и поверить в то, что всё сложится хорошо. По крайней мере в том, что касается первой части моего плана.

Ну а когда доберусь до родного города… увы, тут даже высшие силы не помогут. Впрочем, неважно. Я готова ответить за свои ошибки. И я за них отвечу.

Несмотря на бессонную и безумно утомительную ночь, глаз я не сомкнула до самого Жанора – небольшого городка, где планировалась единственная остановка. Пока на станции меняли лошадей, я успела посетить дамскую комнату, а также наведаться в трактир, в результате чего в карету вернулась расслабленной и

немного сонной.

Когда экипаж тронулся, усталость накатила с новой силой. Чувство сытости, а также понимание того, что самая сложная часть миссии позади, тоже свою роль сыграли. И в какой-то момент я поняла, что совершенно не хочу сопротивляться дрёме.

Я сняла шляпку, откинулась на спинку потёртого и местами засаленного диванчика и закрыла глаза. Ещё миг, и сознание заволокло туманной дымкой, а я провалилась в благословенную тьму.

Вот только насладиться этой тьмой как следует было не суждено. Очень скоро умиротворённая чернота сменилась цветной картинкой, и меня, как ни упиралась, затянуло в предельно реалистичное сновидение…

…Я уже говорила, что терпеть не могу сны? А про то, что сны отвечают мне взаимностью, рассказывала? Так вот, выяснилось, что всё, что было прежде – лишь цветочки. Маленькие и совершенно безобидные.

Это было неприятно, но с прошлым в лице Ласта, старейшины Ждана, правил и обычаев своего народа, я смирилась. А с прошлым, которое решило наведаться в гости теперь, свыкнуться попросту не успела.

У меня не было времени осознать, что всё закончилось. Не было возможности поверить – мы действительно расстались и никогда не увидимся… Поэтому, когда столкнулась нос к носу с Даном, внутренне съёжилась и застонала.

Более того! Я дёрнулась в отчаянной попытке вырваться из сна, но сон оказался сильнее. Подобный хищнику, настигшему добычу, вцепился в меня и заставил вновь пережить всё то, от чего так хотелось отгородиться.

Дан лежал в ванной… Вернее, сидел на скамейке в массажной зоне, вальяжно закинув руки на бортик. Он был без повязки, и я прекрасно видела рубец, который остался от попадания арбалетного болта.

Рубец походил то ли на звёздочку, то ли на паука. И пусть рана уже затянулась, но цвет кожи ещё не поменялся, так что выглядело всё довольно зловеще. Но я не волновалась. Единственным, что меня заботило, было – как бы Дан не намочил рану. Ведь это только спереди рубец, а сзади ситуация похуже. Но герцог Кернский всем своим видом уверял, что не нарушит предписаний врача и сестру милосердия в моём лице не расстроит.

Такая покорность была поводом перестать фырчать. А ещё слезть с противоположной скамейки и подплыть к бортику, отделяющему массажную зону от бассейна.

Прежде чем перевалить через бортик, я оглянулась, даря светлости строгий взгляд, мол – я начеку! Но мужчина подобную бдительность не оценил, усмехнулся и только. Я тоже усмехнулась и, молчаливо наворчав на блондинчика, нырнула в бассейн.

Вода оказалась сказочно прекрасной – горячей и ласковой. Я поплыла, рассекая воду носом, где-то на середине нырнула аж до самого дна. А вынырнула уже у противоположного бортика и, оттолкнувшись от украшенной сложной мозаикой стенки, поплыла обратно.

В какой-то момент вскинула голову и заметила выражение лица светлости – губы поджаты, глаза сужены, между бровей суровая складка…

– Вспомнилось, как кое-кто тонул, – пояснил Дантос. В голосе прозвучали суровые нотки.

Я подобный тон не оценила и ускорилась. Заложила вираж, перевернулась на спинку, сделала круг по бассейну и снова к бортику, за которым располагалось мелководье в виде массажной зоны, вернулась.

– Вреднючка, – прокомментировал герцог Кернский.

Спорить с этим несправедливым обвинением я не стала. Просто перебралась обратно в массажную зону, подгребла к скамейке, на которой сидел Дан, и тыркнулась мордой в щетинистую щёку.

Мой!

Не в смысле «ты теперь принадлежишь мне», а в смысле – «помой дракона, светлость! А то грязная я».

– У меня вообще-то ранение, – разгадав посыл, сообщил Дан. И посмотрел так, что кто-то из нас двоих смутился.

Блондинчик не озвучил, но я поняла: мне предлагали принять человеческую форму и помыть не только себя, но и ограниченного в движениях герцога…

Оскомину предложение превратиться ещё не набило, и обещания сидеть в драконьем теле я пока не давала, но сменить облик всё равно не могла – ведь день на дворе, и мало ли кто в ванную вломится.

– Я запер все двери и приказал не беспокоить, – вновь сыграл в телепата Дан.

Но я на провокацию не повелась – помотала головой, схватила с бортика мочалку и выплюнула её аккурат перед светлостью. Дантос притворно застонал, но через полминуты подхватил норовившую утонуть мочалку и потянулся за флаконочиком с жидким мылом. Ещё пара минут, и маленькая красивая девочка уже стояла на скамейке и тянула шею, позволяя

Дантосу размазывать по золотой чешуе пену и дарить укоризненно-восхищённые взгляды.

Наблюдать за тем, как светлость моет самого себя, я не стала. Просто для того, чтобы намылиться, ему пришлось подняться со скамейки, в результате чего бóльшая часть герцогского тела оказалась над водой. И пусть я уже не раз всё это видела, но густые блондинистые кудряшки внизу живота порядком смущали.

Всё, что к этим кудряшкам прилагалось, смущало ещё больше, так что стратегия светлости была очевидна…

В общем, пока Дан мылся, я сидела на бортике и смотрела на входную дверь. Изредка скашивая взгляд на зеркало, которое занимало всю противоположную стену. И на тихие смешки, слетавшие с губ светлости, не реагировала!

А потом было пушистое полотенце, всё те же смешки и настойчивые уговоры:

– Малышка, ну превратись. Пожалуйста…

– Терпи, – строго отвечала я. Хотя звучал ответ, ясное дело, как всё то же «Ву».

Ещё через четверть часа, когда мы – чистые и безмерно довольные жизнью, вышли из ванной и зарулили в кабинет, где стоял поднос с остывшим чаем, стало понятно – не зря маленький дракон упирался. Просто, несмотря на приказ не беспокоить, раздался стук в дверь…

Дантос открывать не хотел, но визитёр был настойчив. Пришлось светлости сходить в спальню, сменить полотенце, обмотанное вокруг бёдер, на приличный моменту халат и отправиться в гостиную.

Мне одежда, само собой, не требовалась, так что я в спальню не ходила. А природное любопытство после горячей ванны разомлело и задремало, в результате чего в гостиную я тоже не стремилась. Но когда драконий нюх уловил запах кухни, а слух различил голос Роззи, я всё-таки спрыгнула с кресла, в которое успела забраться, и устремилась туда, где… судя по интонациям, скандал намечался.

Интонации эти принадлежали не Дану, а толстой кухарке. И пришла она, как выяснилось, не одна, а в компании любимого половника.

Вообще, этот половник был легендой – все знали, если Роззи его взяла, значит, настроение у повелительницы кухни прескверное. А ещё, в случае чего, именно эта поварёшка превращалась в оружие, которого даже Жакар опасался.

Тот факт, что Роззи явилась в таком виде в покои хозяина, да ещё столь настырно ломилась в двери, заинтриговал. Неудивительно, что речь Роззи я слушала очень внимательно…

– Ваша светлость, я знаю вас ещё с пятилетнего возраста, – заявила толстуха. – Вы всегда были хорошим, примерным мальчиком. Даже после того, как… – Вот тут кухарка запнулась и на миг отвела глаза. Но всё-таки продолжила: – Даже после того, как вас начали таскать по этим ужасным учебным заведениям, вы не изменились. Вы остались человеком, который вызывает уважение.

– И?.. – не выдержав, подтолкнул Дан.

Роззи приосанилась. А ещё сверкнула глазами, бросив взгляд сперва на светлость, потом на замершую на пороге гостиной меня. После задрала подбородок и, шлёпнув по раскрытой ладони половником, вернулась к разговору.

– И меня всегда восхищал ваш характер! Я всегда ставила вас в пример и челяди, и просто знакомым. Ваше детство отличается от детства большинства аристократов, но вы не озлобились. И дружба с их императорским величеством, все эти балы, охоты и прочие сомнительные развлечения вас не испортили. И переезд в столицу мало повлиял на ваш нрав, и…

– Роззи, говори яснее, – вновь не выдержал Дантос.

Интонации толстухи по-прежнему были далеки от дружелюбных. А ещё она заметно смущалась, и тем любопытнее было узнать, к чему клонит.

– Ваша светлость, я всё понимаю, – выдохнула кухарка. – Понимаю, что люди вашего круга имеют вкусы, отличные от вкусов всех остальных, и могут позволить себе практически всё, но… но это перебор. Если Астра это терпит, то это не значит, что ей нравится. Животные, они… – Роззи снова запнулась и опять отвела взгляд, но очень быстро собралась и, шарахнув половником по раскрытой ладони, продолжила: – Животные бессловесны! Привязываясь к человеку, они часто готовы на многое, лишь бы не прогнали, но пользоваться неразумностью, беззащитностью…

– Извини, я не понимаю! – рыкнул Дан.

Да, блондинчик начал злиться. Даже руки на могучей груди сложил. А моё разомлевшее после горячей ванны любопытство окончательно проснулось, так что маленький дракон покинул наблюдательный пост и приблизился, встав так, чтобы можно было видеть и Дана, и Роззи.

Вот только пояснить толстуха не удосужилась. Она бросила быстрый взгляд на меня, поудобнее перехватила поварёшку и прошипела:

– Ваша светлость, если вы немедленно не прекратите это дело, то я за себя не отвечаю. Я не посмотрю на ваш статус и возраст! Если… если вы, то я…

Взмах половника был красноречивее любых слов! А сам половник в этот миг был страшнее стенобитного оружия. Маленький дракон невольно втянул голову в плечи и взглянул на Дана, а тот…

– Роззи, ты на что намекаешь?

– Догадайтесь!!! – выпалила толстуха.

И герцог Кернский… догадался.

В следующий миг я имела счастье наблюдать удивительную картину! Щёки светлости вспыхнули алым. Всего миг, и румянец залил всё лицо, чтобы тут же переползти на шею и даже грудь.

Впрочем, что той груди! У светлости даже кисти рук покраснели!

А Роззи застыла на секунду и тут же потупилась. Злость, которую улавливала драконья сущность, резко испарилась, её место заняло смятение. Дело в том, что реакция Дантоса простора для домыслов не оставляла, равно как и для иллюзий.

– Как ты могла такое подумать? – выдохнул блондинчик ошарашенно. – Как только в голову пришло?

– А что? – поспешила промямлить кухарка. И добавила неохотно: – Вы порой смотрите на нашу девочку такими глазами, что выводы… они сами напрашиваются.

Ещё мгновение, и до «нашей девочки» тоже дошло. Она замерла, превратившись в красивую золотую статуэтку, но не выдержала – хрюкнула. И, развернувшись, поспешила обратно в кабинет. Гаденько подхихикивая!

Зоофил! Извращенец! О да-а! Дантос, милый, можешь отпираться сколько угодно, но это действительно про тебя. Уж я-то знаю!

– Ас-стра! – донеслось вслед, и я ускорилась.

Стрелой пролетела кабинет и ввалилась в спальню. Именно там меня настиг жутко смущённый, но точно взбешенный блондинчик.

– Превратись! – приказал он.

А маленький дракон снова хрюкнул и попробовал ринуться к кровати. Но Дан оказался проворнее. Он метнулся наперерез и, как ни странно, успел. А перегородив путь, повторил требование:

– Превратись! Немедленно.

Было смешно. До колик и новой порции мурашек, но… драконья сущность подсказывала – мы опять одни, и это стало поводом крутануться и устремиться в ванную комнату.

Несколько бесконечных секунд боли, подхваченное с вешалки полотенце, и в герцогскую спальню вывалилась хохочущая в голос девушка.

Я понимала, как Дантос себя чувствует. Сознавала, что

смеяться грешно, но остановиться не могла. Просто, в отличие от той же Роззи, точно знала – герцог Кернский отнюдь не извращенец. Его мужские желания спят и не шевелятся, когда я дракон. Зато стоит принять истинный облик…

– Совести у тебя нет, – сообщил герцог Кернский, подскакивая и заключая в объятия. – Ни капли, ни…

Дальше я не услышала. Но не потому что, а… просто Дан не сказал. Вместо этого впился в мои губы, лишая не только возможности, но даже желания сопротивляться. А ещё прижал очень крепко. Настолько, что я ощутила изменение его физиологии. И вот глупость: в случае с Ластом меня такие признаки совершенно не трогали – внутренне я всегда оставалась равнодушна, а с герцогом Кернским я вспыхивала, как высушенный на солнце стог сена. Я мгновенно начинала гореть и плавиться! И это пугало.

Вот и теперь, когда сон рассыпался миллиардом осколков, а я осознала себя в почтовой карете, за много лиг от столицы, стало жутко. Просто внизу живота бушевал пожар, дыхание напоминало рваную ленту, сердце билось как в агонии.

Это было страшно. Но куда больший страх вызывало понимание – подобного не повторится. Ни один мужчина никогда не вызовет во мне желания такой силы. Дан не был первым, но, кажется, умудрился стать единственным.

Подлая, вероломная светлость!

Впрочем… плевать. Если меня простят, если разрешат остаться в городе и назначат мужа, то в моменты близости буду представлять, будто в постели со мной он – Дантос, герцог Кернский. Я терпеливая, мне и иллюзии хватит, а Дан… пусть живёт. Пусть будет здоров и счастлив! С кем-нибудь, кто ему по-настоящему подходит. С кем-нибудь, кто лучше и честнее меня.

Глава 4

Когда мы въехали в Фагор, солнце уже падало за горизонт, а ветер гнал с запада огромную чёрную тучу. То есть ночь обещала быть холодной и дождливой, но меня этот факт не расстроил. Куда большей печалью стало то, что почтовая карета на Донтокс отправлялась лишь послезавтра.

Я, конечно, могла нанять личный экипаж, но мысль эту всё-таки отмела. Просто почта – это надёжно, туда лишь проверенных людей принимают, а наёмный возница – жутковато. Особенно, если ты слабая девушка при деньгах.

А чуть позже, оказавшись на постоялом дворе и отведав горячего супа, я задержке даже порадовалась. Фагор – город крупный, тут множество мастерских и лавок, следовательно, есть возможность прикупить чемоданы и одежду.

Нет, лично мне багаж не нужен, но возвращаться домой с одним саквояжем нельзя. Лучше без кошелька, но с тряпками. Будто всё это время жила человеком, а вовсе не карликовым драконом, которому платья и башмаки совершенно без надобности.

К тому же девушка, которая путешествует без багажа, вызывает больше подозрений. Вот как здесь, на постоялом дворе Фагора – об меня вся прислуга уже глаза сломала, пока я в комнату поднималась. А так как лишнее внимание мне ни к чему, значит, докупить одежды действительно стоит.

Тем я и успокоилась.

А когда оказалась в номере и вошла в примыкающую ванную комнату, вообще обо всём на свете забыла. Просто тут обнаружились и вода, и нагревающие кристаллы, и чистые полотенца, – в общем, всё то, что мне обещали при заселении.

В итоге, вечер я провела не только с пользой, но и с удовольствием. Потом высушила волосы, надела чистый комплект нижнего белья и забралась в постель. И лишь когда подтянула к подбородку одеяло, испытала лёгкий приступ грусти – как он там без меня?

Ну а вслед за грустью пришел страх – что, если снова приснится? Нет, видеть во снах воспоминания о жизни с Даном гораздо приятнее, нежели любоваться физиономией Ласта или наблюдать картинки из своего детства, но, бес меня пожри, я не железная. И решение моё обжалованию не подлежит, причём по объективным причинам. Так зачем бередить душу?

В общем, засыпала я, загадав одно-единственное желание, – ночь без снов! И, как ни удивительно, желание это исполнилось.

Только всё равно отдохнула неважно. Почему? Не знаю. То ли матрас был слишком жестким, то ли подушка недостаточно пухлой, то ли одеяло не таким тёплым, как хотелось бы…

Но жаловаться или капризничать я не собиралась. Проснувшись и обнаружив, что за окнами уже день и распогодилось, посетила ванную комнату. Затем подхватила носовой платок, в который завязала большую часть монет, и отправилась вниз, добывать себе завтрак.

А дальше выведанным у подавальщицы маршрутом: до конца улицы, потом налево к площади с фонтаном – именно там начинался торговый квартал. И там же меня ждали платья, туфли, шарфики и шляпки. Ещё – новенький кошелёк взамен носового платка. Ну и ленты с подвязками, а также неприятное понимание, что за семь лет в шкуре дракона я безнадёжно отстала от моды.

Зато торговаться не разучилась! Ведь очень сложно утратить навык, которого у тебя никогда не было…

Последнее ужасно злило меня, но, несомненно, радовало торговцев. Они, как один, сияли и сыпали комплиментами. Я же мысленно благодарила герцога Кернского за подмену монет и тихонечко рычала на ушлых лавочников.

Тот факт, что путница, скупающая платья и чемоданы, выглядит более чем странно, наоборот, совершенно не заботил.

Да, странная! Да, неплохая примета для преследователей! И что теперь? Первое – переживу. Второе… найти меня всё равно не поможет. Это здесь, в Фагоре, я запомнюсь чудаковатостью, а в следующем городе уже потеряюсь. Главное, чтобы стражу такое поведение не заинтересовало. Впрочем, с чего бы местным охранникам порядка обращать на меня внимание? Ведь ничего противозаконного не совершаю.

На подбор гардероба я потратила добрых полдня. Ещё пара часов ушла на общение с сапожником и шляпницей. У первого были заготовки, и он обещал пошить три пары туфель и одну пару сапог уже к вечеру. В том, что касается второй – мне требовалось немного изменить декор двух готовых шляпок и добавить к ним вуали.

Этот забег по лавкам был непривычным и ужасно вымотал. Ещё больше утомили разговоры – я же, считай, целых семь лет молчала, а тут слова-слова-слова… Даже перерыв на обед, увы, не помог, так что от шляпницы я вышла с гудящей головой и единственным желанием – вернуться на постоялый двор и забиться под одеяло.

Собственно, к постоялому двору и направилась, но, заметив книжную лавку, не могла не остановиться. Просто путешествие предстояло довольно долгое, и чем развлечься, если не книгой?

Именно с такими мыслями я шагнула к выносному столику, на котором лежали романы в ярких обложках, и замерла, рассматривая товар.

– Вам помочь? – тут же окликнула вышедшая из лавки женщина.

Я пожала плечами. Хотела попросить показать романы про любовь, но подумала, что в моей ситуации это не лучший выбор. В итоге сказала:

– Что-нибудь про приключения.

– Да, конечно. – Женщина улыбнулась и принялась демонстрировать новинки.

Я выбрала и отложила две книги, прежде чем нас прервали – мальчишка лет пяти прошмыгнул мимо меня и вцепился в юбку лавочницы.

– Мама! – радостно воскликнул он. – Астра приехала!

Покупательница в моём лице вздрогнула и побледнела, но этого, к счастью, никто не заметил. Зато ошарашенный взгляд от внимания не укрылся, и я удостоилась пояснения:

– Дракон, – сказала лавочница с улыбкой. – Он в цирке выступает. Знаете, такой забавный, такой маленький…

– Она! – поправил мальчишка. И добавил с толикой досады: – Астра девчонка.

Нет, легче от этих пояснений не стало. Более того, пришлось схватиться за прилавок, потому что меня накрыла лавина нежданных эмоций.

Астра? В цирке? Что за бред? Какой дракон, если я… тут?

– Мама, мы же пойдём на представление? – вырывая из объятий шока, пропищал мальчишка. И мгновенно сорвался на плаксивый тон: – Ну пожа-алуйста!

– Пойдём, – успокоила сына лавочница. – Обязательно.

Лишь теперь мне удалось проглотить застрявший в горле ком. Ещё я смогла выпрямиться и принять какое-то подобие беззаботного вида.

– А я слышала, что Астра больше не выступает, – сказала тихо.

Мальчишка посмотрел как на дурочку. Тут же оторвался от материной юбки и достал из кармана вдрызг перепачканных штанов свёрнутый вчетверо листок. Листок этот был храбро передан незнакомой тёте.

Оказалось – реклама, причём до боли знакомая. На ней действительно была изображена я. Ну то есть дракон в интерпретации одного не слишком талантливого провинциального художника – этакая страхолюдинка с крыльями и коварным выражением морды.

Глядя на эту картинку, я непроизвольно скривилась. Спросила, не скрывая скепсиса:

– И в котором часу начало?

– В семь, – отозвался мальчишка. Потом махнул рукой и добавил: – Цирк за северными воротами встал.

На том и разошлись.

Я выкупила две книги, зато листовку не вернула. Сын лавочницы мой поступок не оценил и даже попытался возмутиться, но схлопотал лёгкий подзатыльник от матери, в результате чего ограничился сердитым взглядом и не менее сердитым сапом.

Ребёнок был искренен, но приличную с виду тётю всё равно не проняло. Я была слишком удивлена новостями. И хотя семь лет на арене сформировали острую неприязнь к цирку, точно знала, что на представление пойду…

Сижу. На лавке, в первом ряду, в окружении зажиточных горожан и их детишек. И понятия не имею, как относиться к действу, которое разворачивается перед глазами.

С одной стороны, это по-настоящему красиво. С другой… я столько раз видела Фейри, жонглирующего зажженными мячиками. Столько раз наблюдала, как Фил выделывает кренделя на высоченных ходулях. Выкрутасы Рины с лентой тоже давным-давно приелись, но когда смотришь на это из зрительного зала, а не из-за кулис, сидя в ошейнике и на поводке, ощущения совсем другие.

Когда ты зритель, цирк – праздник! А все номера кажутся просто забавой. Мол, вышли, покрасовались и ушли, хотя на самом деле это огромный труд. Но…

Но по-настоящему оценить труд тех, кто долгих семь лет держал тебя в клетке, очень тяжело. Испытывать симпатию к людям, чьими стараниями ты столько мучилась, – ещё тяжелее. Пищать от восторга, хлопать, топать… Мм-м, нет. Это не для меня.

Хотя, повторюсь: красиво!

И я… сижу. Жую жаренные в меду орешки, смотрю и пытаюсь нащупать в глубинах своей души ностальгические настроения. Но ностальгии нет. Впрочем, злости тоже не ощущаю.

Весь этот усыпанный блёстками мир кажется таким далёким, таким чужим… В какой-то момент начинает чудиться, будто это не я жила в труппе долгих семь лет. Словно это не меня пороли плёткой в случае непослушания и временами держали на воде и жиденькой каше.

Будто это не меня периодически забывали выгулять, и вовсе

не мне приходилось отчаянно ёрзать на подстилке из соломы в надежде не описаться и вопить во всё драконье горло, дабы привлечь внимание гадких людей.

Словно… не со мной.

Поэтому сижу. Смотрю, жую, честно пытаюсь проникнуться духом праздника.

Народу, который набился в зрительный зал, искренне нравится. Не только детвора, но и взрослые смотрят широко распахнутыми глазами, с восторгом. Эти эмоции оказываются довольно заразительными, и я не замечаю, как тоже начинаю улыбаться. Впрочем, нет. Это скорее ухмылка.

А потом… арена пустеет. И из кулис выходит Шеш в парадном костюме.

За те несколько недель, что мы не виделись, глава труппы совсем не изменился – всё такой же толстый, с чуть опухшим от чрезмерных возлияний лицом, но очень важный.

Моё сердце пропускает удар, дыхание сбивается, а бумажный пакетик с орешками внезапно оказывается смят, да с такой силой, что орехи, кажется, обращаются в труху.

Но этого никто не замечает. На меня вообще внимания не обращают, ведь я всего лишь зрительница. Обычная горожанка в красивом платье, перчатках и с модным шарфиком на шее. Тот факт, что под шарфом круглые шрамы от шипов ошейника – тайна даже для торговцев одёжных лавок. Я очень постаралась, чтобы они ничегошеньки не узнали.

Увидав Шеша, народ замолкает. Под куполом воцаряется торжественная тишина. А глава труппы гордо задирает подбородок, и я слышу до боли знакомые слова, от которых непроизвольно ёжусь.

– Дамы и господа, встречайте! Звезда нашего цирка! Единственная и неповторимая… Ас-стра!

Шеш бодро отскакивает в сторону, а на арену вылетает… нечто.

Я быстро сообразила, что именно предлагают нынче зрителю, но глазам не поверила. Реакция остальных была схожей, поэтому восторженный визг толпы, который посвящался… ну, собственно, мне, сошел на нет далеко не сразу.

Зато когда нечто, представляющее собой дуэт утрамбованных в костюм дракона людей, посеменило вдоль бортика, приветствуя зрителя, толпа пришла в себя. И в наступившей тишине прозвучал первый возмущённый возглас:

– Это что? – воскликнул какой-то басовитый мужчина. – Это как?

– Где Астра? – поддержала неизвестная и невидимая мне

женщина.

– У-у-у… – протянул кто-то.

Следом громко захныкал ребёнок. За ним ещё один. И третий. И даже четвёртый!

Ещё миг, и зал прорвало. В ряженых прилетели яблочные огрызки, смятые бумажные пакеты из-под орешков и прочий мусор. А зрители начали вставать. И свистеть. И негодующе топать!

– Где Астра?! – послышался очередной гневный голос. – Где дракон?!

– У-у-у! – поддержала толпа. – У-у-у!

Дуэт ряженых проворно отбежал на середину арены и принялся просяще поднимать переднюю «лапку», как это временами делала я, но…

– Жулики! – донеслось с верхних рядов. – Мошенники!

Всё. Мир окончательно сошел с ума, а я «тронулась» вместе с ним. Но, в отличие от всех, не злилась. Я хохотала! Причём в голос и до слёз. Всегда знала, что Шеш – прохвост, но даже вообразить не могла, каких масштабов может достигнуть его наглость!

Ладно бы собаку в костюм дракона нарядили. Ладно бы купили какой-нибудь амулет, способный наводить хотя бы плохонькую иллюзию. Но столь откровенный подлог…

Если бы Шеш не принялся махать руками и молить зал о тишине, я бы точно вскочила и зааплодировала. Но глава труппы стоял под градом огрызков и просил так жалобно, что предельно возмущённый зритель начал умолкать, а я сдержалась.

Полной тишины, конечно, не получилось, но перекричать публику толстяк всё-таки смог.

– Дамы и господа! Дорогие зрители! – возопил он. – Позвольте, я объясню! Позвольте…

Очередной огрызок угодил Шешу прямо в лоб, но бледный глава труппы даже не поморщился. Мне же пришлось закрыть рот ладонью в попытке унять смех, а вот справиться с брызнувшими из глаз слезами я не сумела.

Просто вспомнился случай, безмерно похожий на этот. В тот раз Шеш тоже в лоб получил, и тоже огрызком, и тоже из-за меня. Не помню, в каком городе это случилось, зато всё остальное – так, будто это было вчера.

Я тогда бунт устроила. Вышла, тяжело запрыгнула на бортик и побежала. Где-то на середине замедлилась, а конец пути преодолевала уже шагом. Когда же вернулась на арену и подошла к флейтистке, которой должна была «подпевать», не выдержала и упала на брюхо.

Зритель сперва оцепенел, потом заулюлюкал, а я вроде как из последних сил поднялась и принялась выводить ноты. Жалобным таким голоском. А чуть позже, когда настала пора прыгать через обруч, наглухо проигнорировала щелчки кнута и распласталась на арене в позе солнышка. Мол, сил никаких. Помираю…

И зритель понял! И пришел к желанному выводу, что маленького дракона в цирке обижают и совсем не кормят! И поднял бунт, призванный привлечь администрацию труппы к ответственности.

Когда Шеш вышел, чтобы успокоить публику и заставить несчастную хвостато-крылатую животинку шевелиться, его освистали и забросали всякой всячиной. Вот тогда-то толстяку огрызком в лоб и прилетело…

Мне тоже потом, уже после представления, досталось. Но я была настолько счастлива, что удары кнутом почти не воспринимала. Позор Шеша стоил этого, заслуженного с какой-то точки зрения, наказания. Более того – он грел душу!

Теперешний позор главы труппы воспринимался проще, что, впрочем, не мешало давиться смешками. Нет, ну неужели толстый всерьёз рассчитывал на то, что публика примет эту пародию?

– Дамы и господа, позвольте объяснить! – продолжал вещать Шеш. – Дело в том, что Астра… она же совсем старушкой была! Вы не смотрите, что маленькая – маленькие собаки, поверьте, стареют ничуть не хуже больших. И наша Астра…

– У-у-у! – донеслось из зала.

Потом был дружный решительный топот множества ног, но Шеш с мысли не сбился.

– Наша Астра уже не справлялась! – воскликнул он. – После представлений ей становилось плохо! А мы тратили уйму времени и денег на лекарей!

Последнее заявление было ещё большим абсурдом, нежели предыдущие, но я всё равно смеялась. Боги, какая наглость! Какое воющее нахальство!

– Мы были вынуждены отдать Астру в хорошие руки… – выпалил оправдание толстяк. – Но зная, как публика любит и ждёт…

Ответом циркачу стала новая порция огрызков, скомканных бумажных пакетов, и прочей всячины. Кого другого такое отношение давно бы заставило повернуться и пуститься в бегство, но с Шешем было сложней.

До момента, как в труппе появилась я, возглавляемый толстым коллектив был на последних ролях и частенько терпел подобное унижение. Так что ситуация оказалась знакома и

привычна. И никого не смутила.

– Мы попытались подготовить альтернативный номер! – выкрикнул толстяк. – Пожалуйста, прошу вас, дайте шанс показать…

Ответом стало всё то же дружное «У-у-у!» и тот же топот. Ну и мой смех, который, впрочем, никак на общую картину не влиял. И пусть я не обладала каким-либо авторитетом в этом городе, пусть у меня не было повода жалеть труппу, но я всё-таки поднялась со скамьи и, повернувшись к залу, воскликнула:

– Хватит!

Меня, как это ни печально, не услышали.

Пожалуй, тут следовало остановиться, но я не смогла. Круто развернувшись на каблуках, подобрала подол и ринулась через бортик, чтобы очень скоро встать рядом с обескураженным такой выходкой Шешем.

– Господа, подождите! Давайте предоставим этим жуликам шанс!

Мой вопль потонул в возмущённом гомоне. Более того, я почувствовала себя настолько глупо, что захотелось отступить! Но…

Я давно смекнула, что долгое пребывание в шкуре дракона не пройдёт бесследно. Оно непременно наложит свой отпечаток, оставит след в характере и личности. Правда, мне думалось, что всё ограничится склонностью к оптимизму. Тем не менее, Леди Судьба рассудила иначе.

Не могу сказать, что прежде, до заточения, была трусихой. Но бес меня пожри, я никогда не уподоблялась тарану! Зато драконья сущность данную тактику всегда уважала, и, будучи Астрой, я не стеснялась переть напролом. Это было так естественно, так правильно. Почти как дышать!

Здесь и сейчас это было не менее естественно, но вместе с тем неожиданно, причём не для окружающих, а для меня самой. Вот только одёргивать себя не хотелось совершенно.

– Господа! – вновь воскликнула я и подняла руку, чтобы заметили. Потом вообще подпрыгнула и повторила в который раз: – Прекратите, умоляю!

В следующую секунду я поймала удивлённый взгляд давешней торговки книгами. Она дёрнула за рукав сидящего рядом с ней мужчину и, кивнув на меня, что-то этому мужчине сказала. Тот нахмурился и одёрнул следующего, который стоял и свистел.

Потом я разглядела в толпе хозяина одёжной лавки, где оставила очень крупную сумму, – он тоже начал призывать народ к тишине.

Шляпница, заработавшая на приезжей странноватой девице меньше всех, тоже к делу наведения тишины приобщилась, равно как её ученица.

Через пару минут под куполом стало намного тише, и я всё-таки смогла донести до горожан мысль!

– Дамы и господа! Я не здешняя, но выступления этой труппы видела, и не раз. И тоже очень люблю Астру! И безмерно возмущена подменой! Но я предлагаю дать этим жуликам шанс. Пусть покажут, что приготовили.

Верхние ряды, где традиционно сидел народ победнее, протестующе засвистели. Но я с мысли не сбилась. Выпалила:

– А если нам не понравится, то они вернут деньги за билеты!

На Шеша я в этот момент не смотрела, но точно знаю – вздрогнул. Зато зрителю предложение понравилось, и свист сменился одобрительным гулом. Спустя ещё минуту сквозь гул донеслось:

– А что? Леди дело говорит.

– Пусть вернут деньги, – поддержал кто-то. – Если не понравится!

– Вернём! – поспешил заверить Шеш. И даже ноток недовольства в голосе не прозвучало. – Всё, до последней монетки! Я и сам хотел предложить, но…

Опять гул. Опять топот. И возгласы, которые сливаются в нечто неразличимое. Но по лицам ясно – зритель, в общем-то, согласен.

Такая реакция стала поводом улыбнуться и устремиться на своё место. Едва я успела сесть и поправить складки платья, представление продолжилось… Вернее, номер начался сначала.

Ряженое нечто поклонилось публике и метнулось к бортику. Пробежало круг, потом вышло на середину арены и подняло переднюю лапу. И тут же начало крутиться, неплохо подражая повадкам золотой девочки. Мол, смотрите, какая я красивая! Смотрите, какая замечательная!

И народ смотрел… правда, с неприкрытым скепсисом. Зато освистывать пока не пытался, позволяя продолжить номер.

Когда демонстрация красоты закончилась, на арену выпрыгнули два клоуна, в которых я без труда узнала Сэмми и Карину. Вот тут-то и началось основное действо.

Сэмми, как выяснилось, изображал моего хозяина, а Карина была возлюбленной. Ей предстояло познакомиться и поладить с хвостатым питомцем.

– Карина, это Астра! – представил «дракона» Сэмми. – Астра, это…

«Астра» демонстративно отвернула морду. Потом и вовсе

отошла от Карины и уставилась в зрительный зал.

Сэмми подобное поведение, конечно, не понравилось, и он укоризненно покачал головой. Зато возлюбленная клоунесса была полна оптимизма. Она вытащила из кармана юбки огромную бутафорскую конфету и шагнула к «дракону».

– Астра, девочка, хочешь?

«Девочка» повернула морду, скосив взгляд на предложенное угощение. А выдержав долгую, приличную моменту паузу, подскочила и разинула пасть. Голова дракона, в виду некоторых особенностей конструкции, была непропорционально большой, равно как и пасть. Это позволило моему подобию сделать то, на что я настоящая физически неспособна – заглотить руку с конфетой по локоть.

Карина, конечно, взвизгнула и начала выдираться. Но «Астра» добычу, разумеется, не выпускала. Это вызвало первые смешки в зале, кто-то даже похлопал.

Через минуту «дракон» клоунессу всё-таки отпустил, но будто внезапно. И та по инерции сделала шаг назад и упала на попу. Миг, и Карина горько взвыла, а «из глаз» вырвались два фонтана слёз.

Теперь смешков было больше, а «Астра» получила небольшой, но всё-таки нагоняй от Сэмми.

Ну а когда Карина «успокоилась», прозвучало логичное:

– Ты что, совсем её не кормишь?

Сэмми хотел возмутиться, но потом вытащил из-за пазухи песочные часы, посмотрел на них и заявил:

– Ой! Её и правда пора кормить!

С этими словами клоун метнулся к кулисам, и…

Вот тут зритель снова хихикать начал. Дело в том, что миска, которую нёс Сэмми, была не просто большой, а огромной. Половина бочки, не меньше! Сам клоун старательно делал вид, будто вот-вот надорвётся, а «Астра» радостно виляла хвостом и подпрыгивала на месте.

Изумление Карины было сильным и вполне себе смешным – народ опять захихикал и зааплодировал. Когда же миска «опустела», а «дракон» потребовал добавки, зритель, что называется, лёг.

Я тоже смеялась, хотя ничего выдающегося в этой сцене не нашла. А ещё она была совершенно недостоверной – уж где-где, а в цирке меня так плотно никогда не кормили. Речи о добавке вообще не шло – за все годы в труппе я получила её лишь трижды. Так что повторный вынос «полной» миски меня не впечатлил.

Зато жителям Фагора такой ход понравился, и когда «Астра» доела и опять потребовала повторить, зал снова лёг.

– Она всегда столько ест? – воскликнула Карина изумлённо.

– О да! – отозвался Сэмми.

Клоунесса часто захлопала накладными ресницами, нарисованные брови залезли куда-то под парик. Следующий вопрос «возлюбленной хозяина» был вполне закономерен:

– А она не лопнет?

Сэмми не ответил, но по выражению загримированного лица стало ясно – лучше б лопнула, чем столько жрать! И зал вновь взорвался хохотом, а я… ограничилась сдержанной улыбкой.

Дальше было хуже. В смысле, народу точно нравилось, я же сидела, сложив руки на груди, и пыталась найти ответ на вопрос: зачем вступилась за этих гадов?

– Сэмми, но если она будет так объедаться, то ей непременно станет плохо!

– Поверь, Карина, если не покормить, то плохо станет нам!

В подтверждение последней фразы «Астра» хищно щёлкнула пастью. Правда, ещё одной порции не добилась, вместо этого люди продолжили диалог…

– Но, Сэмми, она действительно ест слишком много!

Клоун пожал плечами, мол, всегда так было, ничего поделать не могу. А Карина задумалась. Через полминуты, которые требовались публике, чтобы проникнуться липовым драматизмом момента, поганка в ярком гриме выдала:

– Сэмми, а может быть, у неё глисты? – И после короткой паузы добавила: – Мне один лекарь говорил, что те, у кого глисты, едят намного больше остальных.

По залу покатилась очередная волна пусть тихого, но смеха. Ну а «дракон», услыхавший предположение клоунессы, нахохлился и протестующе рыкнул.

Через миг Сэмми пришел на выручку своей питомице.

– Нет! – решительно воскликнул он. – Не может такого быть!

– Но почему? – пропищала Карина.

Новая псевдодраматическая пауза длилась недолго. А потом Сэмми сказал:

– Ты слишком плохо знаешь Астру, дорогая. У неё настолько скверный характер, что с ней даже глисты не уживутся.

Стало обидно. Вот прямо очень! Я даже огляделась в поисках бумажного пакета с орешками, который выронила в миг, когда ряженые только-только на арену вышли. Но пакет уже затоптали, и поднимать его, чтобы швырнуть в клоуна, я не стала.

Зато зрителям шутка понравилась – зал в очередной раз взорвался смехом, кто-то бурно аплодировал. А когда «Астра» дёрнула головой и демонстративно повернулась к миру хвостатой попой, смех сменился хохотом.

– Обиделась, – пихнув Карину локтем и кивнув на «дракона», пояснил Сэмми.

Клоунесса вмиг вошла в образ сердобольной селянки и принялась с «драконом» мириться…

– Астрочка, не обижайся! – взвизгнула она. – Астрочка!

Следующие минут пять Карина гонялась за ряженым «четвероногим». Потом была ещё одна миска еды, перешагивания через обруч и прочие глупости. Я же сидела и молчаливо негодовала.

Сволочи! Гадкие, бессовестные лгуны!

Это у меня-то характер скверный? Ха! Да много ли вы понимаете! У меня очень покладистый, самый-самый лучший характер в мире! И вообще, я не такая! Я маленькая и хорошая! А вся ваша клоунада – чистая клевета!

Я не заметила, как начала шипеть и постукивать каблуком. Безумно хотелось вскочить, гордо вздёрнуть подбородок и не менее гордо покинуть цирковой шатёр. Однако вместо этого пришлось взять себя в руки и вообще нацепить улыбку – просто напоролась взглядом на замершего у кулис Шеша, который… наблюдал за залом.

Толстяк, разумеется, видел мою реакцию. Вероятно, эта реакция показалась ему странной. Но я решила не переживать на этот счёт. Да, я чудачка! И что теперь?

Остаток представления прошел куда более сносно. Зритель уже не возмущался, а труппа старалась изо всех сил. Акробатический номер, выступление фокусника и ещё одна клоунада, правда уже без «Астры», были приняты отлично.

Жители Фагора точно остались довольны. Они покидали цирк с улыбками и шумно обсуждали номера. Я сперва хотела слиться с толпой, но любопытство оказалось сильней, и чудаковатая леди в моём лице задержалась, чтобы столкнуться с Шешем.

– Я искренне благодарен, – сказал толстяк, отвешивая учтивый поклон. – Если бы ни ваше вмешательство, то всё бы закончилось печально.

– Не нужно, – отмахнулась я. И задала вопрос, который мучил с момента появления нелепого двойника: – Лучше объясните, зачем вы сделали эту пародию?

Глава труппы опустил глаза и приобрёл вид самого несчастного человека в мире.

– Астра покинула нас несколько недель назад, – сказал он. – В самый разгар сезона. Мы исключили её номер из программы, но понимаете… – Толстяк горестно вздохнул и сделался ещё несчастнее. Но продолжил: – Понимаете, зритель хочет именно

Астру. Вот мы и придумали, и решили попробовать в Фагоре…

– То есть мы имели счастье наблюдать премьеру? – некультурно перебила я.

– Да, – признался Шеш.

– Но почему вы не предупредили публику, что дракон не настоящий?

Глава труппы замялся и не ответил. Впрочем, оно и понятно – вопрос-то риторический! Циркачи надеялись зазвать таким образом больше людей и, соответственно, заработать получше. Жадность, помноженная на глупость, – страшная сила.

– А вам номер не понравился? – спросил, в свою очередь, Шеш.

Я скривилась и отрицательно качнула головой.

– А почему? – не постеснялся уточнить глава труппы.

В этот миг в сердце вспыхнуло странное, плохо объяснимое чувство. Я лишь сейчас осознала, что стою и разговариваю с одним из тех, кто держал меня в клетке. Более того, именно Шеш порол меня за провинности. А ещё он был единственным, кто упрямо верил в разумность маленького дракона, чем ужасно раздражал.

Вероятно, мне следовало обозлиться на толстяка, но злости всё-таки не было. Ведь это он, Шеш, упустил меня в столице. Он же согласился продать диковинную зверушку герцогу Кернскому, чем невероятно облегчил мою жизнь.

Кстати… Помнится, выкуп, отданный Дантосом, был огромен. И где же деньги?

Я украдкой огляделась. Канаты были новыми, трапеции, которые как раз спустили вниз, тоже. И костюм на прошмыгнувшей в отдалении Лие – звезде воздушной акробатики – также с иголочки. То есть какие-то деньги до труппы всё-таки дошли. Или вообще все?

– Так что же вам не понравилось в номере? – попытался вернуть моё внимание Шеш.

– Всё, – беззастенчиво призналась я. – Он смешной, но совершенно недостоверный. Астра не такая, она… милая и добрая. У вас же получился монстр.

Шеш подарил скупую улыбку, покачал головой. И тут же задал вопрос, которого я никак не ожидала:

– Скажите, мы с вами раньше не встречались?

Я ответила удивлённым взглядом, а толстяк поспешил пояснить:

– В вас есть нечто знакомое. Не могу понять, что именно, но такое чувство…

Пришлось рассмеяться и, обогнув главу труппы, направиться

к выходу. Потом обернуться и бросить на ходу:

– Нет, господин Шеш, не встречались.

Брови циркача резко подскочили на середину лба, но удивление сразу исчезло. Имя главы труппы известно всем, его даже на листовках пишут. Так что, в моём знании нет ничего особенного.

– А вас? – прилетело вслед. – Как зовут вас?

Я вновь обернулась, но не ответила. Сказала мысленно: «Прощай, Шеш!», и поспешила дальше.

Этот короткий разговор подарил чувство лёгкости и значительно улучшил подпорченное было настроение. Так что цирковой шатёр я покидала с искренней улыбкой на губах и неприятностей никак не ожидала.

Но Леди Судьба уже приготовила новый сомнительный подарок – стоило отойти от шатра на три шага, как меня охватило чувство тревоги. За ним пришло ощущение, которое чётко свидетельствовало – поблизости кто-то из «наших». Рядом… метаморф.

Я отлично помнила, куда и зачем еду. Да и встреча на выезде из столицы не забылась, так что ощущение было уже не в новинку. Тем не менее, стало жутковато и, как и в прошлый раз, захотелось исчезнуть. Я даже сделала шаг назад, но тут же опомнилась – отсрочка не спасёт. К тому же, деваться всё равно некуда. Ночевать в поле я не готова, а значит, придётся вернуться в Фагор и, как следствие, встретиться с собратом.

В том, что метаморф именно там, за городской стеной, сомневаться не приходилось. Надеяться на то, что меня не почуют или проигнорируют – тоже. Встреча была неизбежна, как закат солнца, и я медленно двинулась по протоптанной дорожке. Вперёд, к северным воротам.

Когда заходила в шатёр циркачей, было совсем светло. Сейчас вокруг стремительно сгущались сумерки, а стража на городских воротах зажигала факелы. Давешние зрители шли неторопливо, процессия сильно растянулась, в итоге мне удалось не только догнать горожан, но и слиться с толпой.

Последнее позволило избежать внимания стражи, зато от пристального взгляда всадника, поджидавшего сразу за воротами, не уберегло. И пусть я уже сто раз всё решила и тысячу раз смирилась со своей участью, но при взгляде на этого мужчину сердце ушло в пятки.

Нет, в его облике и выражении лица не было ничего пугающего. Всего лишь аристократ – не слишком богатый, если судить по одежде, и не очень молодой. Но всё равно жутко. До

желудочных колик и дрожи в коленках!

Завидев меня, мужчина проворно спешился. Мне же не оставалось ничего иного, как вздохнуть и устремиться к нему.

Пока преодолевала разделяющее нас расстояние, смогла собраться с духом и придать лицу доброжелательное выражение. Ну а оказавшись в паре шагов от сородича, сделала книксен и сказала кротко:

– Добрый вечер, милорд.

– Сартос, граф Бонор, – представился мужчина и прищурил глаза в явной попытке понять, кто же стоит перед ним.

Тот факт, что он не узнал в истинном обличье, подсказывал – мы незнакомы. По крайней мере, он не знаком со мной. Что ж, сейчас мы эту оплошность исправим.

– Астрид, дочь Трима, – призналась тихо.

В отличие от визави, я назвала настоящее имя. И невольно улыбнулась, когда увидела отразившийся на лице собеседника шок. То есть узнать не узнал, но про дочь Трима всё-таки слышал. Впрочем, неудивительно. Неподчинение старейшинам – всегда скандал, а побег – нечто небывалое. Полагаю, теперь моё имя каждой собаке известно.

– Где ты остановилась? – выдохнул одолевший эмоции «Сартос».

– Постоялый двор «Разудалое копытце», – ответила я.

Мужчина кивнул, взял свою лошадь под уздцы и скомандовал строго:

– Пойдём.

Мы устроились в углу, за маленьким столиком. «Сартос» намекал, что хочет поужинать и поговорить в комнате, но я эти намёки проигнорировала. К счастью, настаивать сородич не стал, и вот…

Сидим! Он уплетает рагу с крольчатиной, я же ковыряю салат из капустных листьев и часто прикладываюсь к кружке с морсом. При том, что хочется сейчас вовсе не морса, а вина, и покрепче. Но позволить себе такую роскошь, увы, не могу – обстоятельства и компания совсем не те.

Челядь и хозяин постоялого двора снова ломают об меня глаза, как бы намекая – в Фагоре странную путешественницу запомнят надолго. И сыщикам, если понадобится, тысячу подробностей выдадут, но… это не беспокоит.

Куда больше тревожит сидящий напротив мужчина.

Сейчас он выглядит как шатен с длинными, чуть вьющимися волосами. А каков он в действительности я, увы, не знаю. И как-то… не уверена, что хочу знать. Но метаморфы редко

интересуются чужими желаниями.

– Гертон, – внезапно оторвавшись от рагу, сообщает мой сотрапезник.

А я невольно давлюсь капустным листом и начинаю кашлять.

О нет! Только этого не хватало! Будто мне и так неприятностей мало!

– Что не так? – спрашивает липовый граф.

Дарю мужчине сердитый взгляд. Что не так? Будто не знает!

– Ты внук старейшины Нила, – справившись с кашлем, поясняю я.

Ответом становится сдержанная, но всё-таки усмешка.

Гертона помню, хоть и смутно. Он старше лет на пять, и мы никогда не общались – что общего может быть у пятнадцатилетнего парня и десятилетней девчонки? Причём живущих на разных концах города.

То есть он о моём существовании, до определённого момента, вообще не знал. Зато я Гертона видела – любой, в ком просыпается дар, становится объектом общего любопытства. Мы с Юдиссой не раз бегали смотреть на настоящего метаморфа. Кажется, он в ту пору брюнетом был, худым, немного сутулым и совершенно несуразным. Каков он сейчас? Увы, не знаю. Но граф Бонор, которым притворяется сородич, определённо неплох.

Но это всё мелочи в сравнении с тем, что Гертон – внук Нила, самого гадкого и строгого из наших старейшин.

Размышляя о возвращении домой, я трусливо надеялась на то, что Нил уже отошел от дел, ну или… просто отошел. А что? Все однажды там будем.

Вот только, судя по спокойствию Гертона, Нил очень даже жив и должность старейшины никому не уступил.

– Твой дед меня убьёт, – не выдержав, выдохнула я.

Тут же поймала ещё одну усмешку и услышала совсем не то, чего хотелось…

– Скорее всего.

Гертон вернулся к уничтожению рагу, а я спрятала глаза в кружке с морсом. По спине побежали мурашки страха, сердце застучало мелко и часто. И хотя состояние моё было более чем заметно, успокоить никто не попытался.

В конечном итоге я не выдержала и попробовала успокоить себя сама, посредством беседы.

– Ты в Фагоре проездом? – спросила тихо. – Куда отправишься потом?

«Граф Бонор» оторвался от тарелки и, подарив очередную, уже явную, усмешку, сказал:

– Не строй из себя дурочку, Астрид.

Если я и смутилась, то виду не подала.

Да, я прекрасно понимаю, что если у Гертона и были какие-либо планы, то теперь они отменены. Ведь что может быть важнее, чем вернуть под крыло старейшин наделённую даром беглянку?

– Я здесь не случайно, – сказал тем временем Гертон. – Я прибыл в Фагор в поиске одарённого, которого почуял на въезде в столицу.

– Так значит там, у ворот… это был ты?

Гертон кивнул. После приложился к своей кружке, отодвинул тарелку и продолжил:

– Я почуял сородича и решил, что это кто-то из наших. В смысле, из тех, кто постоянно проживает в столице. Но когда разобрал срочные дела и начал выяснять, кто именно уехал, стало понятно – все на месте, и в гости никто из своих не заглядывал. Разумеется, я сорвался и помчался в Фагор. Ведь именно сюда ведёт та дорога. Хотел выяснить, кто и по какому поводу наведался в город. Ну вот и выяснил.

Вспомнились ощущения от той встречи, и я невольно опустила глаза. Наивная! Я же искренне поверила в то, что мной не заинтересовались. А они… вернее он…

– Признаться, я ожидал чего угодно, – добавил Гертон, – но только не этого.

Я осмелилась поднять глаза на сидящего напротив мужчину. Его, в отличие от старика Нила, не боялась, но во всём происходящем была какая-то ужасная неловкость и даже несуразность. Я понятия не имела, что думать и как реагировать.

Гертон моё состояние точно понял – таких, как он, учат различать чужие эмоции. Думаю, именно поэтому он обернулся и жестом подозвал подавальщицу. Через две минуты перед нами появилась тарелка с лёгкими закусками, а кувшин с морсом сменился стеклянным графином…

Угу, бойтесь своих желаний.

– Мы думали, что тебя уже нет в живых, – разлив вино по маленьким керамическим стаканчикам, сказал Гертон. – Тем удивительней, что ты нашлась.

Я подхватила стаканчик, пригубила и поморщилась. Нет, сам напиток был замечательным, особенно по меркам такого заведения, как «Разудалое копытце», и вина действительно хотелось, но Гертон заказал его в явном намерении расслабить беглянку. Это настораживало.

Метаморф и теперь всё понял, однако сделал вид, будто ничего особенного не происходит, словно никакого умысла нет. Тоже выпил, потом окинул пространство внимательным взглядом,

наклонился вперёд и заговорил снова!

– Тебя искали на протяжении трёх лет. После твоего побега половину наших сорвали с мест и заставили колесить по империи. Но поиски ничего не дали. Объясни, где ты была?

Объяснять не хотелось. Причём совсем! И я решительно помотала головой.

– Но старейшинам сказать всё-таки придётся, – прошептал Гертон убеждённо.

Я пожала плечами – а что ещё ответить? Да, старики будут настаивать, но некоторые эпизоды жизни среди людей я и под пытками не выдам. И пошли они все лесом со своим любопытством!

– Астрид… – позвал сородич. – Не сердись. Злость ничего не изменит.

– А я разве сержусь?

Гертон красноречиво сощурил глаза, а я фыркнула. Потом хлебнула вина и попыталась внести в ситуацию необходимую ясность:

– Не думай, что ты меня поймал. Я возвращаюсь добровольно. Это трезвое, взвешенное решение и, если что, в попутчиках не нуждаюсь. В конвоирах – тем более.

– Верю. – Собеседник кивнул. – Но ты же понимаешь, что отпустить тебя одну не могу. Я обязан проконтролировать.

В голосе метаморфа не было ни осуждения, ни превосходства. Мимика тоже никаких неприятных эмоций не выдавала. И пусть я точно знала, что это спокойствие – результат уроков по актёрскому мастерству, которые дают всем одарённым, решила Гертону поверить.

А почему нет? В конце концов, у меня лишь один путь – домой. И смысла искать какую-то правду, кому-то что-то доказывать, уже нет. Я уже проиграла.

– Как думаешь, что меня ждёт? – придвинувшись, прошептала я.

Фальшивый граф пожал плечами, сказал после паузы:

– Твой поступок равносилен предательству, и принимать решение будут после тщательного допроса. Если ты не совершила ничего, что может навредить народу, то смертной казни точно избежишь.

– Не совершила, – поспешила заверить я.

Собеседник улыбнулся уголками губ и кивнул.

– Верю. Если бы ты что-то сделала, мы бы уже знали. Но за годы твоего отсутствия ничего не изменилось, значит ты, вероятнее всего, была осторожна и благоразумна.

Подавить нервный смешок, вызванный последними словами,

удалось лишь чудом. А Гертон продолжал…

– Публичную порку тоже вряд ли назначат – уж слишком давно всё случилось. Думаю, тебя просто посадят под замок, а потом отдадут мужчине, который сможет держать столь строптивую женщину в узде.

Предположения Гертона полностью совпадали с моими собственными выводами, но я всё равно поёжилась.

– В прошлый раз мне предлагали список из…

Договорить я не смогла, запнулась под насмешливым взглядом сидящего напротив метаморфа. И немного смутилась, потому что осознала: список был девять лет назад, а теперь надеяться на право выбора – невероятная наглость.

Мужа назначат старейшины, и муж этот точно будет из одарённых – так больше вероятность передать родовую магию детям. А учитывая тот факт, что одарённые в городе не живут, присматривать за «строптивой женщиной» будет вовсе не супруг, а его родня.

Мне не требовалось даже воображать эту ситуацию, чтобы ощутить холодок и отчаянное желание плюнуть на всё и сбежать снова. Причём немедленно. Прямо из-за стола. Но я, разумеется, осталась.

– И кто же нынче свободен? – Мой голос прозвучал ровно и даже равнодушно. – Кому глазки строить? Кого очаровывать?

– Ну, например, меня, – сказал Гертон. И добавил, как для тупых: – Я не женат.

Удивление? Нет, ни капли. Зато чувство неловкости, которое сидело внутри с момента встречи, усилилось.

– А почему ты не женат?

Метаморф пожал плечами, подарил долгий взгляд, но всё-таки пояснил:

– Очень много работы. Некогда было о таких вещах думать.

Вот это «было» я подметила… Но, как ни странно, никакого возмущения или внутреннего протеста не почувствовала. Я восприняла слова сородича очень спокойно. Потом улыбнулась и ответила:

– Я даже лица твоего не видела.

– Я покажу, – сказал Гертон и кивнул на лестницу, ведущую к комнатам.

Всё. Остатки моей репутации рассыпались в прах, а прислуга и хозяин постоялого двора, сделав выводы, потеряли всякий интерес к моей персоне. Но я не могла поступить иначе. И дело не только в любопытстве, просто… Гертон один из кандидатов в мужья, мой конвоир и внук старейшины Нила. Мне совершенно незачем с ним ссориться. Лучше попытаться наладить отношения

– это единственный разумный вариант.

Так что да… Мы поднялись по лестнице и вошли в мою комнату, которая в данный момент напоминала выпотрошенную гардеробную – ну не успела я упаковать чемоданы, что поделать?

Гертон не обратил на бардак никакого внимания. Тут же запер дверь на щеколду и, прикрыв глаза, расслабился. Зато я глядела в оба… Внутренне съежившись, наблюдала, как меняются черты лица, как вытягиваются руки, сужаются плечи и увеличивается рост. Как стильная дорогая одежда превращается в очень несуразный костюм – слишком широкий и короткий для этого «человека».

Настоящий Гертон оказался угловатым брюнетом, почти таким же, каким я его помнила. А глаза светло-голубые, точь-в-точь как у старейшины Нила. Гертон был намного стройнее графа Бонора, и в какой-то момент я испугалась, что в результате трансформации с него спадут штаны.

Но казуса не случилось. Допроса на тему «и как я тебе?» тоже не произошло. Вместо этого меня уведомили:

– Выезжаем на рассвете.

Я кивнула.

– Почтовая карета на Донтокс… – начала было я, но осеклась. Просто кое-кто недвусмысленно разулыбался.

Ну да, ну да… Это я нищенка и трусиха, а Гертон вполне может позволить себе наёмный экипаж. Вот только… сам он тоже в экипаже поедет? Или всё-таки верхом на том чистокровном жеребце?

Я хотела спросить, но подумав, промолчала. Вдруг конвоир даже не предполагал составить мне компанию в тесном пространстве кареты? Что, если подам ему идею? Нет-нет, мне такого счастья не нужно! И если выбирать, то я выбираю поездку в одиночестве!

Пока я терзалась сомнениями, Гертон провёл обратную трансформацию, вновь превратившись в Сартоса, графа Бонора. На меня опять глядел шатен с вьющимися волосами, симпатичный и благородный. Но в данный момент я оценила не внешность, а мастерство сородича. Сразу ясно – очень много перевоплощался, и уровень самоконтроля имеет бешеный.

– Астрид, только давай без глупостей, – вырвал из раздумий Гертон. – Договорились?

Возмущаться или прикидываться, будто не поняла, о чём речь, было бесполезно. Поэтому я кивнула и сказала прямо:

– Если с твоей стороны, – и этот момент я подчеркнула, – глупостей не будет, то клянусь быть самой послушной девочкой в мире.

Мужчина подарил сдержанную улыбку и покинул комнату. А мне не оставалось ничего другого как заняться багажом. Платья, бельё, обувь, шляпки… бес меня пожри, зачем я столько всего накупила?

Ах да… Я должна скрыть, что жила драконом. Анимализм – тоже преступление, и в моей ситуации он может стать последней каплей. Я и без всякого анимализма виноватая.

Глава 5

Утро я встретила в самом скверном расположении духа и, усаживаясь в нанятый Гертоном экипаж, едва ли не рычала. Сегодня всё было не так. То есть вообще всё!

Поданный нам завтрак был пресным и почти безвкусным. Погода стояла убийственная – настоящий осенний холод, да ещё и мелкая колючая морось с неба. Слуги, грузившие и крепившие мои чемоданы, двигались медленнее мёртвых мух. Ну а конвоир всё-таки не пожелал трястись в седле, мне предстояло разделить с ним карету.

От всего этого действительно хотелось рычать! А события, предшествовавшие завтраку и отъезду из Фагора, вызывали желание взвыть и разбить пару сервизов. Ну или заплакать, причём горько-горько. И… покусать кого-нибудь, желательно насмерть.

Да, ночь была ужаснее утра. Вечер тоже, мягко говоря, не удался. И очутившись на обитом красным бархатом диванчике, я прикрыла глаза и принялась перебирать в памяти последние события. Будто от этого что-то изменится. Будто что-то исправится!

Итак, вечер.

Я потратила добрых два часа на то, чтобы упаковать приобретённый багаж. Устала, как ездовая собака, и отправилась в ванную. Пока мылась, слышала какой-то странный стук, но желания выскочить из воды, чтобы выяснить, в чём дело, не возникло.

Зато по окончании гигиенических процедур любопытство всё-таки проявила. Вернее, попыталась проявить, но выйти из комнаты не смогла. То есть я отодвинула щеколду, дёрнула за ручку, и… ничего. Дверь не поддалась. Вообще. Никак!

Не сразу, но до меня дошло – слышанный стук тесно связан с этим событием. Что именно сделали с дверью, я не знала, зато личность инициатора данной диверсии секретом не являлась. Уже утром, когда Гертон соизволил зайти, чтобы сообщить о прибытии экипажа, выяснилось – снаружи приколотили дополнительный засов.

Но вечером я подробностей не ведала. Впрочем, технические детали были неважны. Сам факт того, что меня заперли, вот что взбесило!

Умом я понимала: поступок Гертона обоснован, и ничего особенного в нём нет. Более того – если бы сама оказалась на месте конвоира, то поступила бы так же. Однако на настроение

эти доводы не влияли, и на некоторое время я впала в откровенную ярость.

Правда, стучать и требовать, чтобы выпустили, не стала – смысл? Но поступок этот к сведению приняла.

Когда волна ярости схлынула, я разделась донага и забралась под одеяло.

Весть о выступлении Астры и последующая встреча с сородичем отвлекли от очень важной вещи. От догадки, которая посетила ещё утром и занимала меня бóльшую половину дня. И вот теперь, перебесившись, я к этому вопросу вернулась…

Это касалось трансформации.

Я предположила: что, если всё не так страшно? Что, если проблема не в магии, а кое в чём другом?

Ведь как обычно происходит изменение тела? Метаморф вызывает в памяти образ объекта, потом обращается к родовой магии, и всё, трансформация пошла. Причём «образ» не с потолка берётся! В том смысле, что его нужно сперва добыть, как говорил старейшина Ждан – прочитать.

Одарённый читает образ при помощи прикосновения к обнаженному участку тела. В момент касания тоже задействуется магия, но для объекта она незаметна. Зато метаморф ощущает много разного и именно благодаря такому контакту обретает способность превратиться, переняв не только внешность, но саму суть!

У каждого одарённого есть целая коллекция образов, личины на все случаи жизни. Но старейшина Ждан, обучавший меня пользоваться даром, как-то обмолвился, что со временем образы могут стираться или выцветать – как узор на выброшенном на солнце ковре.

Так что, если проблема именно в этом? Что, если дело в моей большой, но устаревшей коллекции?

Бури энтузиазма данная догадка не вызвала, но искорку надежды всё-таки зажгла. И транжиря золото герцога Кернского, я умудрилась прикоснуться к трём женщинам.

Магический отклик, который сопровождает прочтение образа, был! Причём во всех трёх случаях. То есть мне оставалась малость – попробовать совершить трансформацию.

И вот теперь, лёжа на узкой кровати, я попробовала… Но ничего не вышло.

Я потратила не меньше часа, вызвала каждый из новых образов, но увы. Моё тело не желало меняться. Ни в какую.

Даже в Дантоса, которого тоже трогала, причём не единожды и очень качественно, превратиться попыталась. Вот только результат остался прежним – ни-че-го!

Убедившись, что всё бесполезно, я сползла с кровати, натянула новенькую ночную сорочку и вновь под одеяло вернулась. Теперь лежала и размышляла о том, чем вся эта ситуация грозит.

Дома мне способность к трансформации не нужна. Более того, есть вероятность, что старейшины не станут просить поменять облик даже «на пробу» – просто смысла в такой просьбе нет. Следовательно, я вполне могу скрыть своё «увечье». Но Гертон…

Он же наверняка рассчитывает на моё умение перевоплощаться. Мы же, по уму, не можем просто взять и приехать. Нам следует замести следы! А изменение внешности в таких случаях лучший способ.

И что мне делать? Признаться конвоиру или устроить небольшой, но неприятный сюрприз? А потом, по возвращении, Гертон сдаст с потрохами старейшинам, и… это засада.

Второй момент – шрамы на шее. Их спрятать точно не получится – не смогу же я каждый день, независимо от погоды и обстоятельств, ходить в шарфике. А даже если смогу, то уж кто, а муж этот шарфик с меня точно снимет. Снимет и всё увидит…

Тут всплывает тот же вопрос – что делать? О чём врать?

Эти мысли искренне огорчили, а выхода из ситуации я, увы, не видела. В итоге заснула, свернувшись калачиком, в обнимку с лёгкой мигренью.

Но на этом неприятности не закончились. Просто перешли в другую плоскость – в плоскость сновидений.

Да, да, и ещё раз да! Я ненавижу сны! А они терпеть не могут меня, и в этот раз их нелюбовь перешла всякие границы! Вместо вполне реальных воспоминаний и чётких образов мне снился настоящий, всамделишный кошмар.

Снилось, будто я опять дракон. И я мечусь, причём спящая, по огромной постели герцога Кернского в попытке отыскать этого тёплого, наделённого умопомрачительным запахом, человека. А его нет! И от этого так грустно, так нестерпимо горько становится, что хочется выть.

Но выть я не могу. Потому что сплю. Сплю и продолжаю искать, искренне мечтая прижаться и ощутить умиротворение, которое только Дантос подарить способен.

И вновь не нахожу. Герцога Кернского в постели нет, а я… потерялась.

Просто потерялась, и всё.

Этот сон длился всю ночь и, несмотря на яростные попытки сбросить дурман, не отпускал. Зато когда я всё-таки проснулась… Оказалось, что всё гораздо хуже – здесь и сейчас я была

драконом. Маленьким, одиноким и бесконечно несчастным.

Ну вот, утро.

Понятия не имею, как такое могло случиться. Ума не приложу, как могла совершить трансформацию. И почему боль, способствующая перевоплощению, не разбудила – тоже не знаю. Но факт оставался фактом – я засыпала человеком, а проснулась в окружении бесчисленного количества звуков и запахов; с хвостом, крыльями и прочими шипами.

Новенькая ночная сорочка была порвана, но сбросить её я не могла, поэтому присутствовало ощущение пут, которое бесило. Ещё больше раздражал внутренний зуд! Я вся чесалась, причём изнутри. Третьим и самым гадким являлось ощущение присутствия другого метаморфа…

Нет-нет! Гертон находился вне комнаты, но в пределах моего восприятия. Он был где-то здесь, на этаже, в паре, а может, в тройке номеров от меня.

Я точно помнила, что заперла дверь изнутри – то есть сородич не войдёт и врасплох не застанет. Но сердце всё равно охватила паника, а реальность дрогнула, превратившись в нечто зыбкое.

Следом пришло осознание собственного бессилия. Оно было подкреплено странными ощущениями драконьей сущности – тем самым внутренним зудом, смысла которого я не понимала и понимать не хотела.

Так что да! Паника! Которая подстегнула желание выбраться из порванной ночной сорочки, в которой я, ко всему прочему, окончательно запуталась.

Освобождение заняло не меньше четверти часа и потребовало множества усилий. Причём в процессе я умудрилась свалиться с кровати и больно удариться попой, что придало моей панике ещё один оттенок – оттенок боли.

Но я всё равно справилась. А избавившись от шелковых лоскутков, застыла и закрыла глаза, призывая родовую магию.

Пока реальность сходила с ума, а тело корёжило и выгибало, молчаливо благодарила Леди Судьбу за то, что трансформацию невозможно почувствовать. Что Гертон не узнает о смене формы и вопросов, соответственно, не задаст.

А потом была попытка замести следы – спрятать изорванную ночную сорочку поглубже в чемодан. Встреча с Гертоном. Весть о том, что к моей двери приколотили дополнительный засов – как сородич убедил хозяина постоялого двора пойти на такую гадость, я выяснять не стала. Затем завтрак, и вот… экипаж! А ещё холод, мерзкая морось и не менее мерзкий метаморф на соседнем диванчике.

– Астрид? Всё в порядке? – когда выезжали из городских ворот, спросил он.

Я попытку завязать разговор не оценила. Просто кивнула и вновь прикрыла глаза в желании абстрагироваться. Вот только Гертона такой вариант развития событий не устроил…

Несколько минут мы действительно ехали молча, потом конвоир новый вопрос задал:

– Обиделась?

Хотелось скривиться и кивнуть, но я сдержалась. Ещё заставила себя распахнуть глаза и подарить сородичу сдержанную улыбку.

– Нет. – Мой голос прозвучал совершенно равнодушно. – Я понимаю твой мотив.

Гертон, вновь пребывавший в образе графа Бонора, красноречиво заломил бровь. Пришлось пояснить:

– У тебя нет поводов доверять мне, Гертон. Твоё желание подстраховаться более чем разумно.

Я рассчитывала на удивлённое молчание и, как следствие, возможность снова отмежеваться от всей этой ситуации. Но Гертон удивиться не пожелал. Вместо этого новый вопрос задал:

– То есть ты действительно в Рестрич направлялась?

Я невольно передёрнула плечами. Слышать это название из уст сородича было странно. Для нас, метаморфов, Рестрич всегда был просто «городом», без всяких уточнений.

– Да, – выдержав паузу, выдохнула я. И добавила, чтобы отмести остатки заблуждений: – Сбегать от тебя также не собиралась.

Губы собеседника тронула лёгкая улыбка, а потом прозвучал самый нежелательный из вопросов:

– Почему ты решила вернуться, Астрид?

Я хотела промолчать или отшутиться, но быстро вспомнила, что передо мной не абы кто, а внук старейшины. К тому же Гертон одарённый, то есть один из тех, кто обеспечивает безопасность и благополучие народа. По уму, с этим метаморфом лучше дружить, чем враждовать.

Именно эта мысль заставила погасить вспыхнувшее раздражение и внутренне собраться. Когда я заговорила, мой голос звучал ровно и доброжелательно, а во взгляде, точно знаю, читалась пусть не абсолютная, но покорность.

– Я устала жить одна, Гертон. Устала прятаться. Давно поняла, что совершила глупость, но сил признаться в этом публично не было. А теперь я готова.

Вопреки ожиданиям, понимания я не встретила. Губы собеседника снова скривились в лёгкой улыбке, больше похожей

на усмешку.

– То есть охота на зеленоглазую брюнетку, устроенная в столице, с тобой не связана? – спросил Гертон.

Всё. Вопрос с признанием во всех грехах был решен! А я, невзирая на нехватку актёрского таланта, превратилась в самую беззаботную девушку в империи.

– Зеленоглазая брюнетка? – спросила, подавив смешок. И тут же добавила: – Гертон, ты забыл, кто я? – Метаморф точно хотел ответить, но не успел – я продолжила: – Сегодня брюнетка, завтра блондинка, а послезавтра…

Не выдержав, я пожала плечами и замолчала, отвернувшись к окошку. Но мой конвоир верить не спешил…

– Охота на женщину совпала с твоим появлением, – бесцветно констатировал он. – Согласись, это подозрительно. – Я равнодушно усмехнулась, а в ответ услышала настойчивое: – Астрид…

Врать или не врать – вот в чём вопрос? В смысле, продолжать врать, или…

– Ну, может быть, и задела кого-то из высокопоставленных… – с прежним равнодушием сказала я.

– Кого? – Голос сородича прозвучал холодно и крайне неприятно.

– Понятия не имею.

Гертон хищно сверкнул глазами, я подарила столь же «ласковый» взгляд. Но смягчающий аргумент всё-таки нашла:

– Не кипятись. Я не жила в столице, я была там проездом, так что весь этот переполох…

– Всё равно из-за тебя, – вновь перебил сородич.

Пришлось скривиться и замолчать.

К счастью, продолжения расспросов не последовало. Всё стало… хорошо. И это «хорошо» длилось до самого обеда, который мы провели в одном из придорожных кабаков, а вот дальше…

Полный желудок, да вкупе с погодой, которая не намекает, а прямо-таки кричит, стал причиной накатывающей дрёмы. Однако, памятуя последнюю ночь, позволить себе такую роскошь, как сон, я не могла. Поэтому встрепенулась и попыталась сосредоточиться на том, что творится здесь и сейчас. А ещё разговор завязать попыталась.

– Старейшина Ждан, должно быть, поседел… – пробормотала я.

А в ответ услышала:

– Да. Поседел.

– А что с остальными?

Мой конвоир раздумывал недолго. Сказал, меряя снисходительным взглядом:

– За время твоего отсутствия ничего, по большому счёту, не изменилось. В Рестриче всё по-прежнему, Астрид. Те же дома, те же мостовые. Те же нравы и взгляды.

Я невольно прикусила язык и опустила глаза. Но через пару минут всё-таки решилась задать новый вопрос:

– А мама с папой?

– Переживали, – сказал Гертон.

Я вновь потупила взор. Сердце, вопреки всему, наполнилось щемящей болью. До этого момента не хотелось признавать, но в том, что касается моего возвращения, реакции родителей я боялась куда больше, нежели встречи со старейшинами.

– Вазур женился, – внезапно сказал фальшивый граф Бонор. – А Юдисса вышла замуж и родила.

Признаться, весть о судьбе одарённого, с которым водила шапочное знакомство, не тронула, а имя лучшей подруги зажгло в сердце очередной непонятный огонёк. Мне стало и больно и сладко одновременно.

– При чём здесь Юдисса? – спросила я. – И откуда ты про неё знаешь?

– После твоего побега было много допросов, – пояснил конвоир. И добавил: – Много допросов и много новых знакомств.

Нет. Происходящее было выше моих сил! Я откинулась на спинку диванчика и прикрыла глаза. Там, в цирке, слушая щелчки кнута и прыгая с тумбы на тумбу, я знала, что проиграла, но теперь… это было что-то сверх. Какой-то особенный удар, какая-то невероятная стадия поражения.

– Астрид… – попытался окликнуть собеседник, но я не далась.

Я мотнула головой и скривилась, чётко понимая: жизнь кончена, я – неудачница.

Ну почему не согласилась с приговором старейшин? Зачем взбунтовалась? Для чего сбежала? Чтобы оказаться там же, в том же статусе, да ещё с позором на плечах?

Впрочем, о статусе – это мечты. Сначала нужно пройти проверку и доказать, что не так уж плоха. А вот дальше станет ясно. Дальше меня или простят, или…

Следующие три дня с неба всё так же сыпался дождь. Нанятый Гертоном экипаж сменился другим, более комфортным, зато дороги не улучшились, их вообще развезло. Поэтому казалось – не едем, а катимся к бесам.

Мой конвоир, безропотно оплачивавший и обеды с ужинами,

и ночлег на постоялых дворах, по большей части отмалчивался, а я размышляла о возвращении домой. И чем дольше думала, тем чаще казалось – пора впадать в отчаяние. Но… не получалось.

В чём причина – не знаю. То ли где-то в глубине души возвращение не казалось чем-то настолько ужасным, то ли длительное слияние с драконьей сущностью повлияло, но факт был налицо: никакого отчаяния, только странное предвкушение. Чего именно? Чуда или беды? Нет, не знаю. Но что-то намечалось, это точно.

Гертон, всё так же деливший со мной тесное пространство кареты, это состояние точно заметил. Я наблюдала за конвоиром столь же внимательно, как и он за мной, и не могла не сообразить – сородич недоумевает.

Это его недоумение стало поводом для нескольких улыбок, но на четвёртый день, когда прибыли в Кенстрич, улыбаться расхотелось…

Постоялые дворы всегда выбирал Гертон, что неудивительно – кто платит, тому и карты в руки. И он предпочитал заведения подороже и получше.

Вот и в Кенстриче, одном из торговых узлов нашей империи, Гертон теми же вкусами руководствовался. Но в этот раз конвоир переборщил. В смысле, привёз в гостиницу самого высшего класса. С огромными номерами, широченными кроватями и высокими окнами.

Я, конечно, удивилась – да, сородич отыгрывал роль графа, но род Бонор не настолько богат, чтобы так шиковать. Но большого значения поступку всё-таки не придала.

После того как служанка проводила в отведённый мне номер, а двое плечистых парней втащили в комнату чемоданы, я избавилась от шляпки и отправилась умываться. Дальше привычно поправила причёску, шарфик, проверила, всё ли в порядке с платьем, и отправилась вниз, в ресторанный зал.

И вот тут стало ясно – всё не просто так, всё сделано с умыслом!

С каким именно? Ну… если учесть, что меня проводили в один из отдельных кабинетов, где, кроме прочего, царил интимный полумрак, ход мыслей Гертона был предельно ясен.

Но нужно отдать метаморфу должное – бросаться в атаку сразу же он не стал. Сперва галантно отодвинул для меня стул, потом налил вина и позволил насладиться изысканным салатом с морепродуктами. И лишь когда перешли к горячему, а бокалы были наполнены по второму кругу, заговорил о деле.

– Астрид, ты ведь знаешь, чем кончится твоё возвращение, – тихо сказал он.

Вопрос был риторическим – я не только знала, мы с Гертоном ситуацию давно обсудили. Именно поэтому я не ответила, вздёрнула бровь и только.

А сородич и конвоир в одном флаконе хлебнул вина и озвучил мысль, которая витала в воздухе всё это время…

– Вариантов у тебя совсем немного, и я – один из них. Думаю, мы можем решить вопрос без старейшин. Мы можем договориться.

Слова были ожидаемы, и я восприняла их совершенно спокойно. И столь же спокойно ответила:

– Благодарю, Гертон. Я подумаю.

А теперь он бровь вздёрнул! И удивление, вспыхнувшее в глазах, было отнюдь не шуточным.

Конечно. Кто я и кто он? В моём положении есть лишь один разумный вариант ответа – радостно согласиться.

Но соглашаться не хотелось. Понимала, что придётся, но…

– Астрид, не дури, – сказал собеседник. – Мы идеально подходим друг другу. К тому же ты мне действительно нравишься.

И опять: сознавала, что нужно радоваться, ведь симпатия в браке это важно, но вместо этого чуть не подавилась кусочком жареного мяса.

Гертон, разумеется, заметил, и такая реакция его ничуточки не вдохновила. Тем не менее сородич не постеснялся поймать мою руку, которая метнулась к бокалу, и крепко сжать затянутые в тонкую перчатку пальчики. Пришлось собраться и обратить всё своё внимание на мужчину.

Минуты две мы смотрели глаза в глаза. Взгляд Гертона убеждал и одновременно требовал ответа, а мой… хочется верить, что не выражал ничего.

На этом и разошлись.

В том смысле, что метаморф-таки отпустил руку и позволил вернуться к остывающему ужину. Сам тоже на еде сосредоточился. И хотя выглядел он спокойным и даже безмятежным, было ясно – данный эпизод лишь начало.

Всё. Попалась, Астрид. Как есть попалась!

Угу, мне действительно следовало радоваться. И когда я вернулась в комнату, разум с прагматизмом начали дружно шептать о том, что нужно прямо сейчас пойти к Гертону и сказать «да».

Возможно, я бы даже смогла пересилить себя и сделать это, но вот незадача – каждый раз, начиная с той памятной ночёвки в «Разудалом копытце», меня запирали.

Правда, теперь всё было проще. Гертону уже не требовалось скрывать свои планы, поэтому он банально отбирал у меня ключ. Я, как и прежде, прекрасно понимала, зачем это делается, и претензий не предъявляла.

Но и позволять конвоиру проникать в мою комнату, когда ему вздумается, также не могла. Поэтому тоже дверь запирала, но уже изнутри, на щеколду.

В этот раз фальшивый граф Бонор действовал по обычной схеме, и возможности увидеться с ним у меня уже не было. Это стало поводом послать разум с прагматизмом подальше и отправиться в ванную.

Ну а чуть позже, лёжа в огромной постели, я позволила себе то, что последние три дня категорически запрещала, – вспомнила о герцоге Кернском.

Интересно, как он там? Уже успокоился или всё ещё надеется поймать беглянку? Грустит или, наоборот, радуется, что избавился от такого сомнительного счастья, как я?

А как его ранение? Фурих уже разрешил этому несносному блондинчику нагружать руку, или они по-прежнему спорят на данную тему?

Эх… а без сестры милосердия в моём лице лекарю точно нелегко. Ведь теперь присмотреть за Даном и заставить выполнять рекомендации совершенно некому.

Последняя мысль, вопреки логике, вызвала улыбку. В следующую секунду я перевернулась на живот, крепко обняла подушку и закрыла глаза. Образ растрёпанного блондина в белой рубашке, вспыхнувший перед внутренним взором, был до того ярким, что почудилось – стоит лишь протянуть руку и тут же окажусь рядом с ним.

Ещё я точно знала – это воспоминание не пройдёт даром. После такого герцог Кернский непременно приснится. Вот только отмахиваться от сновидения не было ни малейшего желания. И туманную дымку, которая вскоре застелила сознание, я приняла как великое благо…

Лежу… Расслабленно лежу на кровати светлости и одним глазком наблюдаю за Полли, которая проводит плановую уборку.

Сам блондинчик ещё не выздоровел, но постельный режим по-прежнему нарушает, невзирая на протесты. Поэтому светлости в комнате нет. Он в кабинете, в том, который на первом этаже расположен.

Чем там занимается, в общем-то, неизвестно, но, включив логику, несложно догадаться, что фигнёй! Правда, желания пойти и проверить или… заняться фигнёй вместе с ним, у маленького

дракона нет. Поэтому…

Лежу! Лежу и вроде как контролирую Полли.

А горничная на меня даже не смотрит, напоминая тем самым, что времена, когда вся челядь относилась к маленькому дракону с опаской и уважением, прошли.

Это не то чтоб обидно, но слегка коробит. И, глядя на такой беспредел, я невольно начинаю размышлять о мести.

Хочется придумать план! Да такой, чтобы «ух»! Чтобы все поняли, оценили и впредь вели себя рядом с драконом соответственно, но… план придумываться не желает. Мы слишком сыты сегодня. Сыты и расслаблены!

Вообще, особняк светлости, сама светлость и обстановка очень дурно на меня влияют. Теряю квалификацию по пакостям. И это тоже обидно. Гораздо обиднее, чем наблюдать спокойствие Полли.

Чувствую себя маленькой и… никчёмной.

Страдаю.

Ей-ей страдаю!

А потом вижу, как горничная открывает дверь крошечной гардеробной комнаты и уходит в гостиную, дабы взять что-то из своего помывочного инвентаря. И лично мне пофиг, но драконья сущность сразу приободряется. Ей интересно, ей хочется разведать, что там и как.

Я спорить с драконьей сущностью не люблю. Поэтому тут же переворачиваюсь на брюхо и поднимаюсь на лапки. Замираю и, осознав, что Полли возвращаться не спешит, спрыгиваю с кровати и бодро семеню туда, к распахнутой двери гардеробной.

Замираю на пороге и шумно втягиваю ноздрями воздух. В тесном пространстве витает умопомрачительный запах Дана – это становится поводом проскользнуть внутрь и оглядеться.

Вешалка с камзолами и рубашками меня не интересует. Полки с обувью тоже. А вот полки, где… нет, там не только рубашки и бельё, там всё вместе и много чего разного!

Я выбираю ту, что расположена под вешалкой с камзолами. Сосредотачиваюсь, чувствуя, как задние лапы наполняются энергией, примериваюсь и совершаю прыжок. В процессе невольно вспоминаю о том, что драконья анатомия довольно своеобразна. Что попа у драконов непропорционально большая и всегда перевешивает, но в этот раз всё получается.

Я не падаю, цепляясь лапами и стягивая вниз всё, что лежит на полке, а красиво приземляюсь на стопку чистых вещей. Какая я молодец! Прям чудо, а не дракон!

Выдавать своё присутствие не хочется, поэтому гнездо устраиваю аккуратно. Потом ложусь, укрываю носик хвостиком и

закрываю глазки.

Слышу деловитые шаги Полли и тихий стук, с которым закрывается дверь в гардеробную. И мысленно улыбаюсь – всё, нет меня. Спряталась!

Полли уходит, а я остаюсь. Думаю – а не перевернуться ли на спину, чтобы поудобнее, но лень оказывается сильней стремления к комфорту. Поэтому просто зеваю, растягивая пасть до предела, и собираюсь заснуть, но…

– Астра? – слышится из-за двери. – Астра, ты куда подевалась?

Ага…

Нет, не так. Правильнее будет – ага-ага!

– Астра! – повторяет горничная громким шепотом. В её интонациях слышится неподдельное беспокойство. – Девочка, ты где?

Здесь. В гардеробной. Но знаешь, Полли, я тебе про это не скажу.

Молчу.

Лежу и молчу!

И мысленно подхихикиваю, отлично сознавая, что сейчас начнётся.

Ведь после моей попытки улететь Дантос всех насчёт маленького дракона предупредил. Мол, смотрите в оба, и чтобы ни-ни! А Полли, дурёха этакая, золотую девочку потеряла. И что, если я всё-таки сбежала? Что, если исчезла навсегда?

– Астра! – Вот теперь в голосе горничной звучит настоящая паника, но я выдавать своё убежище по-прежнему не собираюсь.

А нечего было меня игнорировать! Нечего было притворяться, будто моё присутствие в спальне тебя ничуточки не заботит!

Сонливость, которая наваливалась каменной плитой, с меня сдуло. Я перестала и зевать, и потягиваться. Вместо этого навострила ушки и заодно обратила пристальное внимание на драконью сущность, которая не просто слышит, а чует!

Примерно через четверть часа в особняке начался настоящий переполох.

Я слышала далеко не всё, но чуяла многое. И видела, как в яви: повинуясь кличу Полли, вся прислуга с насиженных мест вспорхнула и теперь носится по дому и саду в надежде найти и вернуть маленькую красивую меня.

И, опять-таки, не видела, но точно знала – герцог Кернский не в курсе. Он, как и прежде, сидит в кабинете на первом этаже и в ус не дует. И сообщать светлости о пропаже, конечно, не спешат, ибо это верный способ получить таких тумаков, что и во сне не привидится.

Мимо кабинета ходят на цыпочках! И голосить под окнами тоже не решаются! Снуют, мечутся, зовут почти шепотом и умоляют, но… маленького дракона нет. Пропал он. Исчез!

Не знаю, как долго это длится. Но в какой-то момент веселье уходит на задний план, а меня вновь окутывает дрёма. Я начинаю отчаянно зевать и, повинуясь желаниям тела, прикрываю глазки в намерении провалиться в сон, но…

Шаги! Тихие, но до того уверенные, что сразу ясно – в покои вернулся хозяин. И пусть я не виновата, но попа отчего-то начинает чесаться, а в сердце вспыхивает желание закопаться в чистое бельё по самый гребень.

И я бы закопалась, но слишком хорошо понимаю – не успею! Поэтому сильней зажмуриваю глазки и начинаю дышать часто и размеренно. Вроде как сплю.

Сплю и никакого отношения к переполоху не имею!

А услышав, как открывается дверь гардеробной, и почуяв над собой грозу по имени Дан, начинаю спать ещё усерднее.

Нет, ну а что? Я животная бессловесная. Со своими непонятными человеку инстинктами и прихотями. И забралась сюда совсем не для того, чтобы измотать нервы прислуге и заодно Дану.

Я вообще ни при чём. Честно-честно!

– Ах вот ты где… – звучит над головой.

Но я не реагирую! Мне эти ваши страсти до звёздочки. Я всего лишь маленькая красивая девочка, которая…

– Астрёныш, у тебя совесть есть? – перебивает ход моих мыслей Дан.

И хотя я не отвечаю и дышу всё так же ровно, но…

– А если найду? – добавляет блондинчик не без ехидства.

Вообще, воображение у меня довольно бедное, но тема «светлость ищет совесть у маленького дракона» отклик в душе всё-таки вызывает. И образы при этом посещают до того возмутительные, что невольно распахиваю глаза, и…

– Ага! – говорит Дан. В голосе звучат изобличающие нотки.

Приходится включить весь актёрский талант – сонно похлопать несуществующими ресничками, потом зевнуть, потянуться…

– Не верю! – сообщает светлость вероломно.

Вот теперь у меня два пути: или сдаться, или продолжить пантомиму, но убедить.

Будь я потрусливей, непременно бы выбрала первое и начала ластиться, дабы загладить неловкость. Но! Но драконы просто так не сдаются! А золотые толстопопики не сдаются тем более.

– Ву! – говорю «сонно». Мол, что случилось, милый?

– А то ты не знаешь, – прищурив глаза, отвечает Дан.

Приходится сменить тактику и воспользоваться природной красотой и обаянием. Потянуться, перевернуться на спинку, демонстрируя такое круглое, такое роскошное пузико…

– Ас-стра, – звучит в ответ.

Драконья сущность подсказывает – в действительности герцогу Кернскому смешно. Но угроза в голосе до того натуральная, что я пугаюсь и вздрагиваю. А в следующий миг происходит то, чего я предвидеть не могла…

Раздаётся тихий, едва различимый хруст, и, прежде чем успеваю среагировать, полка рушится. Ну не выдержала она веса золотого толстопопика, что поделать?

Грохот!

Грохот не сильный, но по ушам бьёт.

И я оказываюсь как бы на следующей полке этого небольшого напольного стеллажа.

А потом снова грохот! И опять! И четвёртая полка тоже не выдерживает!

При том, что меня и так попрекают аппетитом, становится жутко обидно. Ужасно хочется воскликнуть: «Я не толстая!», но… сказать не могу.

Да даже если бы и могла, всё равно бы не успела – светлость реагирует быстрей. Глядя на моё падение, эта… этот… Короче, он хохотать начинает.

А я лежу!

Лежу всё так же, пузиком кверху. Маленькая, красивая, беззащитная и по-прежнему нетолстая. А он… Ну не сволочь ли?

Этот смех – настоящий повод обидеться! Жаль только, что обидеться тоже не успеваю…

– Люблю тебя, – сквозь смех, сообщает Дан. И добавляет: – Безумно.

Я слегка теряюсь. Потом резко переворачиваюсь, встаю на лапки, но убежать не получается, потому что блондинчик ловит. Крепко сжимает в объятиях и повторяет:

– Люблю тебя.

Ну что с этим делать, а?

Нахохливаюсь. Пытаюсь вывернуться из кольца рук и отступить, но не могу. И слова Дана, вопреки всем решениям, действуют как наркотик.

Он любит меня даже в моменты, когда я в шкурке с золотыми чешуйками. Даже когда ломаю полки в его гардеробной и откровенно выдираюсь из объятий, царапая гребнем. Любит, наплевав на то, что мы относимся к разным расам, и… Пусть он не говорит, но я точно знаю – понадобится, он пойдёт на брак с

вымышленной кузиной.

От этого осознания и горько и сладко одновременно. Хочется и ругаться, и ласткться, и… что-нибудь ещё.

Хочется найти слова, с помощью которых можно объяснить, что всё без толку. Что это иллюзии! Что я его ничуточки не люблю! Но… слова вместе с желанием застревают в горле.

Точно знаю – если бы я сейчас была человеком, то промолчала. Я бы не стала разрушать эту пусть маленькую, пусть бессмысленную, но всё-таки идиллию.

– Люблю тебя, – вновь шепчет Дантос, и я…

Вопреки желанию, я просыпаюсь.

Мне глубоко плевать, что во время сна опять произошла непроизвольная трансформация. Мне совершенно безразлично, что вторая из трёх купленных мною ночных сорочек в процессе этого превращения порвалась, и я снова запуталась в лоскутках. Мне пофиг! Пофиг на всё, кроме одного – мужчины, которого ничуточки не люблю, рядом нет.

Более того, его уже никогда не будет.

А мне… нужно собраться и выбросить герцога Кернского из мыслей раз и навсегда. Мне следует вспомнить о том, кто я и зачем. Я должна взять себя в руки и начать действовать на благо своего народа и… собственной судьбы.

Мне следует забыть о лишнем и принять ухаживания Гертона, потому что союз с Гертоном – это правильно, а всё остальное – просто фантазии. Мечты, которые не имеют права на существование по причине абсурдности.

Роман с герцогом Кернским закончен, это очевидно! Если хочу жить долго и счастливо, нужно смириться с этой истиной прямо сейчас. Нужно обратить внимание на Гертона. Потому что Гертон, повторюсь, это правильно. Это разумно. К тому же внук старейшины Нила не так уж плох.

А если вдуматься и рассмотреть его пристально, с точки зрения дочери своего народа, он идеальная партия. Лучший из лучших! А ещё он действительно может спасти от гнева старейшин. Это ли не повод стать ласковей?

Это ли не повод…

Следующие три дня нашего, кажется, бесконечного путешествия, я являла собой воплощённое благоразумие.

Я внимательно слушала рассказы Гертона о его жизни, кивала, задавала уточняющие вопросы и благосклонно улыбалась. Смеялась над его шутками, шутила в ответ и даже кокетничала – в меру сил и скудного, но всё-таки опыта.

Я старалась. Искренне! По-настоящему!

Конвоир тоже старался. Он держался очень дружелюбно и спокойно, а его рассказы не были попыткой заговорить зубы или заполнить гнетущую тишину. Сородич честно пытался построить мост над пропастью, которая между нами лежала. Наладить общение. Объяснить, кто он такой и с чем его едят.

Я… ценила. А ещё больше ценила то, что ответной откровенности от меня не требовали. Более того – Гертон даже не намекал! И это очень подкупало. В какой-то момент я даже начала чувствовать всамделишную, а не притворную расслабленность. Да и улыбки мои стали на порядок искренней.

Мы оба знали, к чему все эти любезности. Отлично понимали, для чего затеяна игра и куда именно она ведёт. Мы поступали как разумные люди. Он и я. Мужчина и женщина. Одарённые…

На четвёртый день, после обеда в очередном придорожном кабаке, Гертон решился на новый шаг. Едва оказались в карете, он сел не напротив, а рядом. Я возражать не стала и даже не напряглась. Ещё… позволила мужчине взять себя за руку.

– Когда я проходил обучение, мне казалось, что всё будет веселей, – продолжая тему, начатую ещё за обедом, сказал Гертон. – Но в действительности наша работа довольно скучна. Знаешь, ведь большую часть времени мы ничего не делаем. Просто живём, как обычные люди.

– Не обычные, – возразила я мягко. – Вы же, чаще всего, аристократов и богачей изображаете. У вас есть прислуга, возможность ездить куда вздумается, общаться с новыми людьми. Для наших это уже приключения.

– Знаю. – В голосе Гертона прозвучала улыбка. – Когда мне было пятнадцать, я тоже думал, что это всё очень здорово и весело. Но со временем все эти поездки и общение приедаются. Начинаешь жить от задания к заданию и мечтать о простом семейном счастье.

Я вежливо улыбнулась, но собеседник реакцию не оценил.

– Астрид, это не смешно, – с мягким укором сказал он. – Иногда вообще кажется, что вся жизнь мимо проходит. Временами начинаешь жалеть о том, что у тебя есть дар.

Да, мы говорили о его, Гертона, работе. Той самой, для которой меня в своё время посчитали негодной. Метаморф рассказывал, а я слушала и честно пыталась проникнуться интересом.

Но… не получалось.

Поверить в страдания собеседника тоже как-то не могла.

Ну да, они живут вне города и сообщества, сами по себе. Да, притворяются теми, кем в действительности не являются. Те,

кому, как Гертону, выпало жить в шкуре аристократов, купаются в роскоши и имеют возможность влиять на политику. Другие, те, кто отыгрывает зажиточных лавочников или каких-нибудь домовладельцев, живут попроще, но это всё равно не тот уровень горя, которому можно сочувствовать.

– А каким было твоё последнее задание? – полюбопытствовала я. И добавила, хлопнув ресницами: – Если не секрет, конечно.

– Конечно, секрет, – отозвался Гертон. – Но тебе, разумеется, скажу.

Он замолчал на миг, подарил тёплый взгляд и действительно признался…

– Я ездил в Керн. Нужно было собрать «образы» прислуги и приближенных герцога. Увы, его влияние на императора Роналкора усиливается с каждым годом, нам нужно быть готовыми. Возможно, придётся установить за герцогом Кернским наблюдение. И, если всё будет продолжаться в том же духе, мы будем вынуждены его…

– Что-что? – перебила я ошарашенно.

Метаморф замолчал.

Минуты две мы внимательно смотрели друг на друга. Во взгляде липового графа Бонора читалось подозрение, а я… К сожалению, в моих глазах застыл ужас.

Я беззвучно проклинала себя за такую реакцию, но возможности вернуться в прошлое и среагировать на слова сородича иначе, конечно, не было. И я понятия не имела, как буду выкручиваться.

– Что тебя так задело? – наконец, нарушил тишину Гертон. – Ты знакома с Дантосом?

– Нет, – не моргнув, солгала я. – Зато весьма наслышана о его отношениях с Роналкором. Они дружат с юности. Они по-настоящему близки! А вы…

Собеседник слегка расслабился. Такая реакция воодушевила, и я закончила мысль:

– Вы имеете шанс нарваться на огромные неприятности.

– Не говори ерунды, – отмахнулся метаморф. – Да, герцог Кернский друг, но если сделать всё по-умному, проблем не будет.

Вот тут мне следовало улыбнуться и притвориться, что инцидент исчерпан. Но я не смогла. Вместо этого выдернула ладонь из захвата Гертона и, повинуясь тем же эмоциям, немного отодвинулась в сторону.

Подозрение во взгляде собеседника сменилось недоумением, а потом… Потом я поняла – с меня ещё дюжина свечей для Леди Удачи! Просто Гертон, вместо того, чтобы устроить допрос, взял и

сам оправдание моим странностям придумал.

– Астрид, ну что за истерики, – снисходительно протянул он. И добавил: – Да, иногда нам приходится убивать. Не говори, что ты этого не знала.

Я, разумеется, знала, и в данный момент это знание очень сильно подогревало обуявшую меня ярость. Хотелось стянуть перчатки, а потом впиться в лицо метаморфа ногтями. Растерзать! Покусать! Уничтожить к бесам!

К счастью, эти эмоции всё-таки удалось скрыть. А Гертон, помолчав, продолжил:

– Астрид, это жизнь. Так надо, и ты сама это знаешь. По крайней мере, должна знать. В том, что касается герцога Кернского, он сам виноват. Это обычная плата за чрезмерное влияние, только и всего.

Влияние? Нет, Дан, безусловно, друг и всё прочее, но о каком таком влиянии речь?!

– На что он влияет? – спросила уже вслух. Голос прозвучал резче, чем хотелось.

Гертон глянул удивлённо, но всё-таки ответил:

– Последний год герцог Кернский фактически выполнял функцию личного помощника Роналкора. Через него проходила большая часть дипломатической переписки с соседями, а также все законопроекты.

Моя злость поугасла под действием шока, но через миг вспыхнула опять.

– И это повод для ликвидации? – выпалила я.

Конвоир вновь удивился. Потом подарил очередную снисходительную улыбку и сказал, как глупышке:

– Астрид, в данный момент мы принимаем превентивные меры. Видишь ли, герцог Кернский действительно имеет очень большое влияние. В случае, если оно будет угрожать нашему народу, мы будем вынуждены его убрать.

– Чем какой-то герцог Кернский может угрожать нам?

– Полгода назад он уже интересовался, а не много ли у какого-то захолустного Рестрича налоговых льгот, – пояснил Гертон спокойно. – А два месяца назад убедил Роналкора отправить в отставку двух чиновников, через которых мы поддерживали связь с министерством финансов. Он, видишь ли, обнаружил в их отчётах «вопиющие неточности».

Я нахмурилась в попытке понять, в чём, собственно говоря, ужас. Ну, с налогами, допустим, ясно. А с чиновниками что? Они помогали нашим, но…

– То есть эти люди воровали? – озвучила догадку я.

– А кто нынче не ворует, Астрид? – подтвердил мою мысль

сородич.

Всё. Всё понятно! И опасности, и методы, и… и если бы речь шла о ком-то другом, то я бы с Гертоном согласилась, но здесь и сейчас…

– Я думаю, ты драматизируешь, – сказала конвоиру. – Любой может поинтересоваться и налогами, и нечистоплотными министрами. Любой может невольно перейти нам дорогу. Но это всё-таки не повод для убийства.

– С любым, – и это слово Гертон подчеркнул, – можно договориться. А с Дантосом договориться нельзя.

И вновь мне потребовалась пара секунд на то, чтобы понять, в чём соль.

– Ты пытаешься сказать, что герцог Кернский слишком неподкупный?

– Не слишком, а вообще, – поправил сородич.

Отчётливые нотки раздражения, прозвучавшие в его голосе, подсказали – подкупить Дантоса уже пробовали. Тот факт, что сероглазый блондинчик не прогнулся под метаморфов, вызвал невольную улыбку и чувство бессмысленной гордости.

– Значит, предложите герцогу что-то другое, – пожав плечами, парировала я.

– Например?

Я по-прежнему была жутко зла! И на Гертона, и на метаморфов, и на целый мир! Но это не помешало мысленно улыбнуться, потом и вовсе рассмеяться – к счастью, тоже только мысленно.

– Ну не знаю… Что, кроме денег, может заинтересовать мужчину? – Я выдержала короткую паузу, и сама же на свой вопрос ответила: – Предложите ему женщину!

Собеседник юмора не оценил – неприязненно фыркнул и поморщился.

Ну да, всё верно. Действовать в таких вопросах через чужих – например, нанятых девушек вроде той же леди Жанетт, наши не любят. А одарённых женщин-метаморфов, считай, и нет. Зато…

Нет, напоминать о том, что любой мужчина, в том числе Гертон, вполне способен обратиться женщиной, я не стала. Но самой до того смешно сделалось, что пришлось закусить губу и зажать рот ладонью.

Увы, но конвоир ход моих мыслей понял…

– Не смешно, – холодно отчеканил он.

Всё. Вот теперь я не выдержала и расхохоталась в голос.

Только это не веселье было, а истерика, да настолько сильная, что я едва сдержала желание предложить собственную кандидатуру. Впрочем, будь хоть один шанс на успех, я бы это

сделала. Но шансов не было.

Хуже того – сородичи, сами того не сознавая, методично загоняли меня в угол. А ведь всего неделю назад казалось, будто дальше просто некуда. Что я уже в западне! Однако… что вы знаете о безысходности?

И что делать в этой ситуации? Нет, действительно, что делать?!

Вернуться к Дану и предупредить? Объяснить, что ему следует перебраться в герцогство и сидеть тише мыши до конца жизни? Но это же Дантос! Он ни за что не согласится!

Остаться с ним? Уехать в Керн, чтобы иметь возможность почуять приближение метаморфов? Но… это тоже невозможно. Просто Гертону не составит труда вычислить, куда именно я умчалась – после такого-то разговора!

Убить Гертона?

Попробовать договориться со старейшинами?

Вспомнить о том, что со старейшинами договориться невозможно, и попробовать выдвинуть ультиматум? Но мне же нечем им угрожать!!!

А сам Дантос? Ведь он уже под колпаком. И положительный момент в его ситуации лишь один – метаморфы понимают, что герцог Кернский не просто аристократ. Они сознают, что Дан дружен с Роналкором. То есть, в случае чего, уничтожать его будут по самой безопасной и вместе с тем сложной схеме.

Пусть я обучалась всего полгода и до схем ликвидации ещё не доросла, но любопытство привело к тому, что кое-какие моменты я у старейшины Ждана всё-таки выведала.

Дантоса будут убивать очень осторожно. Сперва найдут «настоящего убийцу» и «мотив». Потом подгадают момент, выведут Дана на «правильное» место. А дальше… Дальше дадут следствию обнаружить и труп, и убийцу. Ну и мотив этого убийцы на блюдечке поднесут.

Ведь когда злодей пойман и смысл его поступка предельно ясен, проводить дополнительные расследования и мстить не станет никто. Даже император!

А такой вариант, как убить и провести замену, то есть подменить герцога Кернского метаморфом, вообще не рассматривается. Людей такого уровня осведомлённости играть слишком сложно, вероятность провала – бешеная.

Так что… императору действительно должны предоставить именно труп. То есть убийство Дантоса – это сложно. Вернее, сложно и не срочно, потому что прямой угрозы от блондинчика всё-таки нет.

Интерес к налоговым льготам Рестрича и отставка пары

чиновников, в действительности, ерунда. И не факт, что подобное повторится. Вот если бы герцог Кернский начал рыть землю в поисках информации о нашем народе, то тогда…

Вот тут я запнулась и едва не взвыла в голос, но быстро собралась и заставила себя успокоиться. Нет, не будет такого. Дан понимает, что трогать эту тему не следует и, как всякий умный человек, за неприятностями не полезет. И повода принять экстренные меры моим сородичам не даст!

Глава 6

Сижу. Сижу и старательно делаю вид, будто мне ну о-очень нравится жаркое из кролика, которое нам подали. И салат! Он тоже вроде как вызывает живейший интерес и даже энтузиазм. А в действительности жутко хочется отбросить вилку, встать и уйти, но…

Сижу! Сижу и изображаю аппетит, которого нет уже неделю.

Есть не хочется с того самого дня, как Гертон поведал о «превентивных мерах» и планах касательно Дантоса. Но выдавать своё настроение, а уж тем более причины этого настроения, права у меня нет.

Именно поэтому ковыряюсь в тарелке, улыбаюсь и ем, несмотря на то, что от процесса слегка подташнивает. Хотя нет, уже не подташнивает, а откровенно тошнит.

Полупустой плохо освещённый зал удовольствия также не доставляет – людей настолько мало, что временами начинает мерещиться, будто мы с Гертоном одни. А оставаться наедине с конвоиром хочется ещё меньше, чем доедать этот бесов ужин. За время путешествия внук старейшины Нила надоел до одури!

Впрочем, тут ещё одна причина – после рассказа о всё тех же «превентивных мерах» и планах Гертон мне опротивел.

Не знаю, почему это случилось. Вероятно, привязанность к Дану свою роль сыграла, а может, что-то ещё. И хотя разум шептал, что подобная реакция не слишком нормальна, изменить отношение к сородичу не получалось. Вот хоть ты тресни!

Отдельным неприятным моментом было то, что Гертон перемену заметил. Но завуалированная холодность не мешала ему продолжать ухаживания. Он всё так же рассказывал истории, дарил долгие взгляды и брал за руку.

И если первое со вторым я переносила не так уж плохо, то от прикосновений начинало откровенно трясти.

Но… сижу. Всё так же изображаю аппетит, улыбаюсь и тихо ненавижу всё и вся.

Жаркое пахнет изумительно и выглядит в действительности отлично, но кусок в горло по-прежнему не лезет, а тошнота усиливается с каждым мигом. Единственное, что не вызывает отторжения, – вино.

Оно не такое уж хорошее – будь на моём месте гурман, он бы обплевался. Зато вино даёт небольшой успокаивающий эффект.

Почему небольшой? Да просто пью мало! Я же не с кем-нибудь, а с Гертоном. А его компания настолько не располагает терять разум, что много не выпьешь, даже если ну о-очень

захочется.

К тому же… конвоир слишком активно мне этого самого вина подливает. Причём эта ненавязчивая попытка напоить происходит третий вечер подряд. Такая настойчивость немного настораживает, но обсуждать ситуацию я не готова. Говорить не хочется в принципе, ни о чём.

А ещё… в голове набатом стучит мысль – до конца путешествия дня четыре, не больше. И пусть я всё обдумала, да и Гертон информации подбросил, но что ждёт за воротами Рестрича, не знаю. И уверенности в том, что поступила правильно, уже нет.

Но ведь других вариантов всё равно не было!

К счастью, ничто не может длиться вечно, и этот ужин, наконец, заканчивается. Теперь я притворяюсь, будто слегка разомлела и ужасно хочу спать. Фальшивый граф Бонор относится к такому моему настроению с пониманием – улыбается, кивает и учтиво указывает на лестницу, ведущую к номерам.

Идём. Я впереди, опираясь на лакированный поручень, а мой конвоир следом, на приличном расстоянии. Со стороны всё смотрится достаточно целомудренно, но даже найдись в этой ситуации повод для неприятных ухмылок, я бы не среагировала.

Плевать. Плевать на всё! Только бы добраться до комнаты и очутиться в одиночестве.

Я уже вижу, как отпираю замок, отдаю ключ Гертону и, переступив порог, закрываю дверь. Как в яви – запираюсь изнутри и… несмотря на упадок сил, яростно демонстрирую двери неприличный жест!

Потом срываю шарфик, избавляюсь от платья и иду принимать ванну, потому что это единственный настоящий способ успокоиться.

А дальше… Дальше, игнорируя чемодан, в котором лежит единственная уцелевшая ночная сорочка, забираюсь под одеяло и позволяю себе вспомнить благородное лицо с правильными чертами, серые глаза и всё прочее, что к этим глазам прилагается.

Да! Я позволяю себе вспомнить Дана.

И пусть наш роман был мимолётным и глупым. Пусть блондинчик, наверняка, уже забыл всё, кроме моего имени. Пусть эти воспоминания, непременно, принесут сны о прошлом и приведут к непроизвольной трансформации, но от этой крупицы удовольствия я всё-таки не откажусь.

Главное – дойти до комнаты.

Так что… иду.

Преодолев последнюю ступеньку лестницы, сворачиваю

вправо и шагаю по коридору почти до конца. Останавливаюсь у нужной двери, достаю из кармана ключ и недрогнувшей рукой отпираю замок. Тяну за ручку, оборачиваюсь, чтобы вручить ключ конвоиру и избавиться уже от ненавистного общества, вот только… наши с Гертоном планы не совпадают.

Вместо того чтобы протянуть руку, метаморф делает шаг навстречу. Я чудом успеваю среагировать и сдвинуться в сторону, так что в итоге оказываюсь прижата спиной к дверному косяку.

Гертон пытается исправить ситуацию и проделать то, что собирался проделать изначально – то есть втолкнуть меня в комнату, но я упираюсь изо всех сил, и мужчине приходится с моим желанием смириться.

Зато от намерения поцеловать этот вконец охамевший тип отказываться не хочет! Более того – он понимает, что не обрадуюсь, поэтому прежде чем потянуться губами, запускает граблю в мои волосы и фиксирует голову.

В этот момент становится искренне жаль, что не доела тот бесов ужин! Просто впихни я в себя всю порцию салата и всё рагу, то сейчас бы точно вытошнило, а так…

Поцелуй! Скользкий, слюнявый, с попыткой протолкнуть язык сквозь яростно сжатые зубы. А ещё прикосновение к груди, причём довольно грубое! А вслед за этим жаркий шепот в ухо:

– Астрид, ну что ты ломаешься? Ты же уже не девочка…

Первое и второе я ещё готова снести, но вот такое заявление…

– Что за намёки? – шиплю гневно и предпринимаю попытку оттолкнуть метаморфа.

Но он, сволочь, отталкиваться не хочет, а совсем наоборот! Меня прижимают к косяку с такой силой, что едва не вскрикиваю.

– Намёки? – вновь шепчет Гертон. В его голосе появляются снисходительные нотки. – Где ты увидела намёки, солнце?

Снова шиплю, опять пытаюсь вырваться! Даже руки к его лицу тяну в намерении расцарапать эту гнусную физиономию! Вот только ничегошеньки у меня не получается – слишком сильно меня прижали, слишком крепко держат.

– Астрид, прекращай. Мы оба знаем, что ты уже порченая. И ты слишком умна, чтобы не понимать – такой тебя мало кто из наших взять захочет. А я готов даже несмотря на это. Но сперва нужно посмотреть, чему ты в чужих постелях научилась.

Всё! Ярость! Бешеная и безконтрольная! Глаза застилает алая пелена, кровь в венах вскипает, а где-то на грани сознания звучит истовый драконий рык.

Вывернуться из захвата я по-прежнему не могу, зато удаётся освободить руку и залепить Гертону такую пощёчину, что

конвоир невольно отскакивает.

– Астрид!

Гостиничный коридор пуст, настенные лампы светят тускло и бледно, а в воздухе повисло такое напряжение, что впору ждать настоящих, а не метафорических молний. И пусть я невероятно зла, но всё-таки успеваю сообразить – у нас с Гертоном разные весовые категории, мужчина сильнее. Если он действительно захочет, шанса воспротивиться у меня не будет.

Поэтому…

– Если не уйдёшь – закричу! – сообщаю я. И шумно втягиваю ноздрями воздух, показывая – это не шутки.

И плевать, что такая ситуация позор прежде всего для меня! Плевать на всё! Умру, но в постель с этим козлом не лягу!

– Астрид… – цедит конвоир, а я…

Я отшвыриваю ключ, который всё это время был зажат во второй руке, и влетаю в номер. Резко захлопываю дверь, стремительно закрываю щеколду и вновь шиплю.

Где-то на грани сознания всё так же звучит яростный рык дракона, и я лишь теперь понимаю, до какой степени перенервничала. Просто я сейчас в истинном облике, я никак не могу слышать драконью сущность. Галлюцинации… Отлично! Только их и не хватало.

На несколько мгновений замираю у двери. Отмахиваюсь от этого невозможного рыка, пытаюсь прислушаться к тому, что происходит снаружи и понимаю – у Гертона всё-таки хватило ума отказаться от штурма отведённой мне комнаты. Он запер меня на ключ и всё.

Вот только ситуации это не меняет! А на фоне того, что нам ещё дня четыре трястись в карете, подобный поступок равен тактическому отступлению.

Сородич слишком хорошо сознаёт, что деваться мне некуда. Что он возьмёт своё если не сегодня, то завтра. И пусть мы будем не совсем одни, пусть каретой правит кучер, но… за хорошую сумму любой человек глаза прикроет и уши заткнёт.

То есть я действительно в западне. В самой настоящей!

Желания удариться в панику и расплакаться не возникло. Более того – через несколько минут я сумела взять себя в руки и усмирить бушевавшую в сердце ярость. Сонливость и тошнота, принесённые ужином, испарились, словно и не бывало. А план сложился сам собой, без всякого труда.

Порченая, говоришь? Попробовать, чему научилась, хочешь? И свято веришь в то, что никуда не денусь? Ну-ну. Мечтай-мечтай!

Круто развернувшись на каблуках, я уверенно проследовала

сперва к окну, чтобы разведать обстановку, затем к чемодану.

В прошлый раз мне пришлось нести в зубах только лёгкое платье и туфли. Сейчас всё немного усложнилось… Одежда, которой располагала теперь, была совсем другой – дороже и тяжелее. Вдобавок, за эти две недели в мир пришла настоящая осень, то есть, по уму, кроме платья и сапог мне требовался плащ. Сможет ли маленький дракон унести такой груз?

Ответа на этот вопрос я пока не знала, но вещи подбирала из расчёта на то, что всё-таки сможет.

Кроме прочего, в узле оказалась пара белья – панталоны и короткая сорочка. А также шарфик и перчатки, без которых в Рестриче появляться нежелательно. Ну и кошелёк с остатками монет – куда ж без него? По моим подсчётам, денег вполне хватало на то, чтобы нанять в Линске экипаж и явиться в город как положено.

Ну а в том, что касается багажа… пусть его Гертон везёт! А если посмеет бросить мои чемоданы в этой занюханной гостинице, то я ему такой спектакль устрою – мало не покажется.

Впрочем, спектакль будет в любом случае. И категорический отказ от свадьбы! Не пойду я за этого урода, чьим бы внуком он ни являлся!

Когда я запиралась в гостиничном номере, за окном было уже темно. Пока разбиралась с вещами и чемоданами, тьма сгустилась, а вылезшая было луна спряталась за облаками. Вот только бежать сразу по окончании сборов было слишком неразумно – ведь Гертон чует меня ничуть не хуже, нежели я его. Пришлось затаиться на пару часов в надежде, что за это время конвоир уснёт.

Но сидеть просто так, уставившись в стену, было невозможно – слишком много эмоций внутри кипело. Поэтому время потратила, может, с небольшим, но всё-таки умом…

Во-первых, помылась. Во-вторых, сложила и убрала всю ненужную одежду в чемодан. Потом – как была, в полотенце – связала простынь, пододеяльник и наволочку в подобие верёвочной лестницы.

А вот дальше – всё. Дальше и терпение, и время кончились… Но, прежде чем опуститься на четвереньки и разрешить родовой магии побежать по венам, я привязала один конец сотворённой «лестницы» к ножке комода и, распахнув окно, выбросила её наружу. Всё исключительно для Гертона, чтобы не сломал мозг, раздумывая над тем, как же я из запертого номера выбралась!

В комнате сразу стало на порядок холодней, но я внимания не обратила. Покончив с «лестницей», отдалась на растерзание

боли, сопровождающей трансформацию.

Всего несколько минут, и ощущение холода ушло, а я… я поднялась на лапки, раздраженно дёрнула хвостом и направилась к кровати, возле которой лежал приготовленный узел. Удастся утащить его или нет? А может, всё-таки получится?

Угу. Я думала о вещах и полёте. А вот драконья сущность, с которой мы никогда прежде во мнениях не расходились, громко и решительно бунтовала. Она рычала, фырчала и требовала оставить вещи в покое и обратить внимание на входную дверь!

Нет-нет, за дверью никого не было. Более того, все постояльцы и персонал давно спали. Но… поблизости находился он, метаморф, который выбесил до невозможности, и драконья сущность яростно просилась на «свидание».

Запертая дверь? Для дракона, который совсем недавно выспался в камине, это не преграда! Достаточно дунуть огнём, и никакой двери уже не будет. А вообще есть ещё окна и крылья! И смекалка! И… желание мстить!

Желание вломиться в гостиничный номер Гертона, ударить хвостом, оскалиться и спросить:

– По-прежнему хочешь знать, чему я в чужих постелях научилась? А давай прямо сейчас покажу?

И плевать, что в данном случае конвоир услышит всего лишь «Ву-у-у»! Зато очень радостно от мысли – это будет последним, что он услышит!

К счастью, решения принимала всё-таки я, а мне, в отличие от драконьей сущности, крови не хотелось. И не потому что добрая, просто понимала – тяжесть преступления с наказанием не соотносится.

И вообще, я предпочитала смотреть на ситуацию здраво. Гертон останется жив, а раз так, то есть следующая проблема: ночь не вечна, а мне ещё через Линские болота лететь и искать место, где можно спокойно трансформироваться. Потом думать, как попасть в тот самый Линск, не вызвав у стражи желания задержать и допросить, – ведь леди в дорогом платье, которая пришла пешком, это очень подозрительно.

В идеале, мне бы успеть к городской стене до того, как рассветёт. И уже там, в самом городе, найти местечко, чтобы превратиться и одеться. Это бы значительную часть моих проблем решило. В том числе со стражей – ворот-то несколько, и стражникам, которые будут меня выпускать, неоткуда узнать, что в город я не входила.

Озадаченная этой мыслью, я прицыкнула на бушующую драконью сущность и сомкнула зубы на специально сделанной петельке. Попыталась поднять узел и с огромным

неудовольствием осознала – всё-таки тяжеловат.

Но зубы и челюсти у драконов крепкие, а я уже не та доходяга, которая сбегала в своё время от Шеша. Значит, долечу. Должна долететь. Обязана!

Исполнившись решимости, маленький дракон оттолкнулся лапами и раскинул крылья, чтобы натужно взлететь и почти сразу опуститься на широкий подоконник. А вот уже с него, с подоконника, в ночную темноту прыгнуть.

Однако после непродолжительного полёта пришлось признать – нет, до рассвета в Линск не доберусь. Невозможно успеть с таким грузом.

От этой мысли стало так горько, что захотелось взвыть. И если бы не узел, зажатый в зубах, я бы точно заголосила, но… Но делать нечего – нужно лететь. Так что я определила направление, благо географию этой местности старейшина Ждан в своё время очень усердно в меня вколачивал, и устремилась к последнему городу на пути домой.

Я даже вообразить не могла, что всё-таки успею и моё утро начнётся с завтрака в одном из кабачков Линска. Тем не менее именно так и получилось…

А потом гадкий кучер заломил такую цену за поездку, что я в кои-то веки принялась яростно торговаться. Но всё равно пришлось отдать последнее, до медяка, и это с учётом того, что мне-таки удалось сбить цену. Просто…

– Вы хотите, чтобы я отвёз вас в Рестрич, – объяснял кучер. – Не куда-нибудь, а в этот бесов город.

Угу. Рестрич такой.

– Леди, а вы-то сами сознаёте, куда едете? – вопрошал тот же кучер. – Понимаете, куда стремитесь?

К сожалению, я понимала. А вот кое-что другое понять не могла никак…

Сидя на жестком диванчике, поглядывая в окно и испытывая все прелести дорог нашего предгорья, я думала о многом. В частности, я сидела и пыталась понять, как относиться к тому, что произошло со мной ночью.

Нет, речь не о Гертоне с его «проверками», а о моём перелёте.

Просто… это было странно. Нет, даже не так – очень-очень странно!

Я совершенно точно не успевала. К рассвету я должна была очутиться в лучшем случае по ту сторону Линских болот, у кромки. Эта мысль ужасно расстраивала и даже вгоняла в панику – ведь от этих болот до города добрых полдня пешего пути!

Но… я всё-таки успела. Успела только потому, что в какой-то

момент поднялся очень сильный ветер. И дул этот ветер чётко в… В общем, хочется сказать, что в крылья, но на самом деле дул он в попу. Словно нарочно. Словно подгонял!

Это было непонятно и так сильно походило на знак Леди Судьбы, что я невольно напряглась и в какой-то момент даже оглядываться начала – а вдруг? Вдруг за мной бесы гонятся?

Но бесов, конечно, не было. Откуда им взяться? Их же не существует. Они же вымышленные!

Потом ещё одна мысль прилипла – вдруг в Рестриче что-то случилось? Что-то неприятное и требующее моего немедленного присутствия? Вдруг… с мамой или папой? Вдруг…

Эта мысль заставила махать крыльями в три раза быстрее, но окончательно впасть в пессимизм я не смогла – ощущение спокойствия взялось не пойми откуда, но было настолько сильным, что ни одна гадкая мысль одолеть не сумела.

А вслед за спокойствием пришла волна совершенно необъяснимой радости. Я очень долго пыталась понять, чему именно улыбаюсь, но увы. Не поняла! Зато ближе к рассвету…

Ближе к рассвету меня посетила уже знакомая чесотка.

Она была не такой сильной, как в столице, когда улетала из дворика, где разжилась платьем и туфлями, но столь же раздражающей, как во второй раз – на постоялом дворе в Фагоре. И ощущение это, в отличие от прочих, принадлежало не мне, а драконьей сущности.

Раньше повода задуматься над ситуацией не было, а вот теперь я насторожилась. В итоге, остаток полёта ломала голову, пытаясь понять – что всё-таки стряслось? Что так нервирует дракона?

Увы, выводы были неутешительны – всё указывало на то, что драконья сущность сопротивляется предстоящему расставанию.

А что? Ведь в первый раз такая «чесотка» приключилась именно после того, как стало ясно, что побег из особняка герцога Кернского всё-таки удался, то есть настало время забыть о крыльях, шипастом гребне и прочих глупостях.

Вот и теперь… Линск – последняя точка моего маршрута, и эта смена тела тоже последняя. Разве что новая неосознанная трансформация случится, но спонтанное перевоплощение всё-таки не в счёт.

По факту, мне придётся забыть об облике золотой девочки с чешуйками. И драконья сущность – необъяснимая, но неотъемлемая часть этого тела, – уйдёт в прошлое. А ведь за семь лет мы действительно сроднились. Семь лет! Как же это много…

Едва я перебралась через городскую стену и приняла истинный облик, ощущения, принадлежавшие драконьей

сущности, ушли. А вот грусть от осознания разлуки осталась. И теперь, сидя в экипаже, я, кроме прочего, пыталась эту грусть из себя вытравить.

Да, теперь мне придётся постоянно жить… ну почти человеком. И этого странного, но ставшего таким привычным слияния уже не будет. А ещё не будет инстинктов и сумасбродных желаний. Лёгкость и оптимизм, которые дарила золотая драконица, тоже постепенно уйдут.

Но иного пути всё равно нет. Я уже попробовала жить так, как хочется мне, а не так, как нужно. И что из этого вышло? Угу, всё то же самое. Поэтому… прощай, Астра. Здравствуй, Рестрич!

День выдался солнечным и ясным, а дорога, несмотря на то, что в последнее время зачастили дожди, была сухой. А ещё возница точно хотел разделаться с заказом поскорее, поэтому вовсю подгонял лошадей. В итоге, на заветном перекрёстке мы оказались не многим позже полудня…

Сердце сразу забилось чаще, колени ослабли, руки задрожали. Но желание вскочить, постучать в стенку и крикнуть, что всё отменяется, я в себе задушила.

Вместо этого поправила оборки на юбке, подтянула перчатки. На миг задумалась о том, что в глазах возницы я, должно быть, выгляжу очень странной, ведь я теперь не просто без багажа – при мне даже саквояжа нет! Но… нормальные люди в Рестрич вообще не ездят. Так что неважно.

Экипаж замедлился, чтобы свернуть на перекрёстке, и дальше лошадей уже не понукали. Теперь мы не мчались, а тащились, что свидетельствовало – кучер не впервые в город метаморфов приехал. Он знает, что быстрая езда нервирует стражу, которая дежурит на стене. И нарываться на неприятности точно не хочет.

Я нарываться тоже не хотела, но слишком хорошо знала – мне проблем всё равно не избежать. Поэтому, когда экипаж остановился, а снаружи прозвучало недружелюбное «кто такие?», просто открыла дверцу и выбралась наружу.

Ворота чужакам, конечно, не открыли, а встречавшая нас дюжина стражников была вооружена до зубов. Но меня это не смутило – я сделала три шага в сторону, присела в книксене и сказала ровно:

– Добрый день.

Стражники, которые, кроме прочего, взяли нас в подобие полукольца, дружно нахмурились. А спустя ещё миг лицо самого старшего из них медленно вытянулось. Да так и застыло!

Думаю, именно поэтому тишина, сдобренная шуршанием ветра и редкими криками птиц, показалась мне не зловещей, а умиротворяющей. И я, вопреки всему, улыбнулась.

Под пристальными настороженными взглядами сородичей приблизилась к вознице и передала тому кошель со второй половиной суммы, обещанной за поездку. И сказала, глядя в бледное от страха лицо:

– Дальше не нужно. Дальше я пешком.

Мужчина принял моё решение с явным облегчением и тут же тронул поводья. Удерживать кучера никто, разумеется, не стал. Стражи отступили, позволяя экипажу совершить манёвр на широкой площадке, ну а в том, что касается меня…

В том, что касается меня, всё сложилось не так радужно. Едва самый старший очнулся от шока, я была крепко схвачена за локоть, а тот из стражников, который стоял ближе всех, получил приказ:

– Старейшин оповести! Срочно.

– Что сказать? – каркнул метаморф.

– Беглянка… – выдохнул старший. Потом сглотнул, и сказал так, чтобы его всё-таки поняли: – Беглянка вернулась.

Уж не знаю почему, но в этот момент страх, владевший моим сердцем, отступил. Тревога и чувство безысходности тоже исчезли. Ну да, я проиграла, и что теперь? Удавиться и не жить? Нет, не дождётесь.

Пусть я была не права, пусть у меня ничегошеньки не вышло, но я хотя бы попыталась! Это точно лучше, чем сидеть и жалеть об упущенных возможностях. Лучше, чем до скончания дней презирать себя за трусость.

А раз так – спину ровнее, подбородок повыше, и… вперёд. В конце концов, это для них, для сородичей, старейшины – непререкаемый авторитет. А для меня они всегда были просто старикашками. Гадкими, брюзжащими и до отвращения правильными!

Повинуясь этим мыслям, я вырвала локоть из захвата и пояснила с улыбкой:

– Держать не обязательно. Я вернулась не для того, чтобы сбежать снова.

Стражник повёл себя точь-в-точь как Гертон – не поверил. Вновь попытался ухватить, но я отступила, лишая его такой возможности. Сказала тихо:

– Просто отведите меня в ратушу.

– Отведём, – заверил метаморф. – Обязательно!

Слова прозвучали как угроза, но я не среагировала. Вздохнула, развернулась и неспешно направилась к воротам. Калитка, в отличие от самих ворот, была распахнута настежь, и запретить мне войти в Рестрич никто не мог.

Вот я и вошла…

Это было так странно, так удивительно. Разум шептал – прошло больше восьми лет, но глаза решительно убеждали в обратном. Просто тут, в Рестриче, ничегошеньки не изменилось. То есть вообще ничего. Совсем-совсем!

Главная улица – самая широкая и длинная. Она тянется от единственных ворот и пересекает весь город. Но в самом конце сильно сужается и превращается в неприглядный тупик. Упирается в высокую каменную стену.

Дома. Не то чтобы я пыталась их запомнить, но кое-какие детали в память всё-таки въелись. Во-он тот двухэтажный домик по правую руку – там всегда красили оконные рамы и ставни в желтый цвет. Сейчас тоже.

Другой дом – тоже двухэтажный, с необычной «ломаной» крышей. Когда я уходила, перила, ограждающие крыльцо, напоминали ноги коровы, попавшей на лёд. Поза осталась прежней.

Огромная каменная кадка с уже увядающими геранями перед булочной господина Тома. Булочной, в которую мы никогда не ходили, потому что была другая, ближе.

Фонарные столбы.

Редкие деревья.

Подъеденные временем камни брусчатки.

Всё-всё! Но…

Но не это главное.

Главное – «люди». Мои сородичи. Метаморфы.

Каких-то особых ожиданий насчёт сородичей у меня не имелось. Единственное, я точно знала – редкие прохожие, завидев меня, будут спотыкаться и останавливаться, глядя как на диво. Но вовсе не потому, что я это я. Всё проще – в Рестриче посторонних не бывает, и каждое новое лицо – событие.

Ещё знала – потом кто-нибудь да опознает в приезжей сбежавшую дочь Трима. И тогда случится шок! Вслед за которым поднимется волна шепота. Новость облетит город в считаные минуты. Задолго до того как доберусь до ратуши, все, кто находится в пределах стен, будут оповещены.

Только «ловцы» узнают обо всём последними. В миг, когда выберутся из Лабиринта.

Но я не думала, что все эти прохожие, эти лица будут восприниматься как нечто совершенно обыденное. Словно не было восьми лет разлуки. Словно я всего на полдня отлучилась!

Тем не менее это виделось именно так.

И плевать, что фасоны платьев стали другими! Плевать, что расцветки рубах и крой курток поменялись. Совершенно

безразлично, что госпожа Эким похудела и постарела, а рыжая Ири выросла и превратилась в фигуристую девицу.

Всё, подчёркиваю, всё осталось по-прежнему!

Я понятия не имела, как к этому относиться… В итоге шла, не останавливаясь, и с какого-то момента даже не глядя по сторонам. Лишь боковым зрением видела, как началась суета, как из домов выскакивают люди, как растёт и множится толпа… И как эта толпа движется вслед за мной. Вернее, за нами.

Просто стражники-то никуда не делись. Половина из них осталась на воротах, а остальные увязались за мной. И тот старший, имя которого я тщетно пыталась вспомнить, тоже. Причём он не просто шел, а ещё и пыхтел, да настолько сосредоточенно, что неуместная улыбка, озарявшая моё лицо, становилась шире с каждой секундой.

А потом случилось… ну не то чтобы неожиданное, но в данный момент я этого всё-таки не ждала. Более того, я старалась не допускать даже мысли, ибо мне предстоял предельно важный разговор со старейшинами. Но всё сложилось иначе…

– Астрид!

Да, оклик. И голос, который узнаю из тысячи. Самый-самый лучший голос на свете! Самый-самый родной.

Я обернулась, теряя улыбку и чувствуя, как на глаза набежали слёзы. А когда толпа расступилась, пропуская женщину в белоснежном переднике и строгом накрахмаленном чепце, улыбка вспыхнула вновь.

Мама заметно постарела, но годы её не испортили. Сейчас, несмотря на напряженное изумление, она была очень красива.

– Астрид!

Мама рванулась навстречу, а я успела сделать лишь шаг. При этом пришлось отпихнуть не в меру ретивого стражника и рявкнуть на второго. Зато дальше – всё. Никакого конвоя, никакого Рестрича и никаких старейшин. Мир перестал существовать.

Я окунулась в тепло крепких объятий и умопомрачительный аромат сдобы и яблок. Это было так необыкновенно, так волшебно, что захотелось остаться в этом моменте навсегда. Здесь и сейчас я была в полной безопасности, я была дома. Это чувство искупало все предстоящие мерзости.

Одно печально – мерзости случились чуть раньше, чем думалось. Просто оповещённые о моём появлении старейшины не стали дожидаться, когда доберусь до ратуши, и устремились навстречу. Вот они-то момент встречи с мамой и поломали…

Нет, никто из них не проронил ни слова, но приближение незабвенной троицы в составе Дурута, Нила и моего бывшего

учителя Ждана я ощутила кожей. Увы, это был настоящий мороз, и даже по-летнему жаркое солнце от этого холода не спасало.

Мама, несмотря на отсутствие дара, тоже почувствовала и практически сразу отпустила. Мы обе повернулись, и… И вот теперь старейшины соизволили заговорить.

– Ну надо же, – сказал Дурут. – Надо же, и впрямь вернулась.

– Да, я тоже до последнего не верил, – хмыкнул Нил.

А Ждан, в чьих волосах в самом деле седины прибавилось, шумно выдохнул, сложил руки на груди и окинул долгим усталым взглядом. Он же спросил:

– Всё настолько плохо?

Вопрос адресовался мне, но я смысла не поняла. Недоумённо приподняла брови, чтобы тут же услышать пояснение:

– Ты без вещей, Астрид. Следовательно, ты бежала, причём быстро. А быстро только от очень серьёзных неприятностей бегают. Вот и спрашиваю – всё настолько плохо?

Если после встречи со стражниками какой-то червячок страха во мне и оставался, то теперь он окончательно и бесповоротно сдох! Я же расправила плечи и, не выдержав, усмехнулась.

– Нет, старейшина Ждан. Всё хорошо. Просто мой багаж немного отстал. Думаю, его через пару дней доставят.

– То есть? – нахмурился собеседник.

Хотелось промолчать, однако бес за язык всё-таки дёрнул.

– Гертон. Мы встретились случайно, и он выразил желание проводить до города. Но подзадержался в дороге.

Вопреки намерению, язвительные нотки в голосе всё-таки прозвучали. И пусть я отлично понимала, что вот теперь точно следует замолкнуть, но…

– Да, – глядя в слегка ошарашенные лица старейшин, сказала я. – Тоже очень удивлена. В других вопросах такой прыткий, а тут как хромая каракатица, честное сло…

– Астрид! – воскликнул старейшина Нил возмущённо.

Пришлось захлопнуться, хотя… а почему сразу «Астрид»? Я сказала правду. И не моя вина, что эта правда кому-то не нравится.

Ну а в том, что касается Гертона… Вариантов, конечно, было много, но я искренне верила, что, обнаружив моё исчезновение, бывший конвоир всё-таки продолжит путь в Рестрич. Ведь он не глухой, он слышал, о чём я полпути толковала. И если учесть, что дорога Линские болота огибает, а я летела напрямик, то ждать внука старейшины надо как раз дня через два. И да, я всерьёз рассчитываю, что мой багаж он всё-таки привезёт!

– Астрид… – окликнул уже Ждан. Причём голос прозвучал не угрожающе, а скорее устало. Кажется, у бывшего наставника тоже

возникло ощущение, что я не несколько лет, а всего полдня отсутствовала. – Астрид, пойдём.

Угу. Конечно. Конечно, пойдём. Куда ж я денусь?

Правда, прежде чем подчиниться, я обернулась и ещё раз обняла маму. И пусть это был не миг, а целая вечность, но прервать нас никто не посмел. Запретить госпоже Дарае продолжить путь к ратуше бок о бок со мной тоже не смогли. Вернее, даже не попытались.

Лишь когда перед нами выросла массивная каменная лестница, маму оттеснили. Впрочем, ни она, ни я не сопротивлялись. Кажется, обе знали, что непременно вернусь. Что ничего мне эти метаморфы не сделают.

Сижу. Сижу и вру!

Причём вру не слишком изобретательно, потому что многого от меня и не требуется. Где была, как жила, почему решила вернуться…

Ну… где-то. Провинциальный городок, название вам знать необязательно. Совсем-совсем необязательно! Даже если подумать.

Жила? Ну, если прямо и без прикрас, то жила с мужчиной. Довольно обеспеченным мужчиной, так что причин добывать деньги не имелось. Поэтому никаких противоправных действий и идеальная маскировка в придачу.

Почему решила вернуться? Ну… ну как вам сказать. Во-первых, повзрослела и поумнела. Во-вторых, я всё-таки женщина, и вам ли не знать, что…

Да. Да и ещё раз да! Я, как любая нормальная женщина, хочу детей. И, как любой метаморф, зачать от человека попросту не способна. А зачать хочется! И выносить, и родить, и прижать к груди. Хочется увидеть, как начинает держать головку, ползать, ходить… Услышать, как говорит первое слово. Узнать первые мысли, помочь решить первые проблемы! Посмотреть, как взрослеет, тоже охота. И это важнее, чем обеспеченный мужчина-человек в городке N.

Смешно? Ну так смейтесь, кто ж вам мешает? А подтверждение моих желаний и намерений у вас перед глазами – я здесь, в Рестриче. Собственной потрёпанной жизнью персоной.

Более того, я готова понести заслуженное наказание. Я на всё готова, только…

Нет. Просьба о том, чтобы приказали не трогать герцога Кернского сейчас не в тему. Но я обязательно что-нибудь придумаю! Обязательно добьюсь такого приказа. А сейчас я готова без всяких условий. Делайте, что хотите, только дайте

возможность остаться и жить!

Гертон? Ну… если вы так настаиваете, то скажу. Мы встретились случайно, и он немного перегнул планку.

Противоречия? Лично я никаких противоречий не вижу – да, я очень хочу детей, но не до такой степени, чтобы…

Ой, простите, старейшина Нил. Я ничуточки не хотела вас обидеть и выражалась скорее фигурально. Ваш внук, конечно, не подходит под определение «кто попало», но видите ли… он действительно перегнул!

В общем, сижу.

Уверенная, с прямой спиной, но без тени улыбки – просто улыбка сейчас неуместна.

И вру!!! Всё так же вру этой незабвенной троице, которая… ну если смотреть на вещи здраво, именно эта троица поломала мою жизнь. Ведь именно они пришли к выводу, что я для работы негодная. А Лосс только подтвердил вынесенный старейшинами вердикт.

Поэтому желания раскаяться нет. Угрызений совести нет тем более. Я вообще начинаю слегка… борзеть. В том числе потому, что допрос заходит на второй круг. А потом и на третий.

Вопросы прежние, некоторые даже в той же формулировке. Эта попытка поймать на лжи настолько топорная, что становится откровенно скучно. Вот если бы мною, как раньше, владел страх – тогда да. Тогда бы у старейшин были шансы вывести на чистую воду, а так…

Сижу. В какой-то момент не выдерживаю и начинаю поправлять перчатки. Затем оборки и шарфик. Потом волосы.

Когда же уровень моего интереса доходит до стадии подавления зевков, борзею окончательно.

– Вы извините, но, по-моему, я всё уже рассказала. Просто ответьте, можно мне остаться или…

Старейшины, не привыкшие к столь непочтительному отношению, дружно кривятся. Зато спустя пару секунд я слышу ответ…

– Из города ты не выйдешь никогда, – говорит Дурут. – Это единственное, что нам сейчас известно. А о твоём наказании и судьбе мы будем думать позже, когда приедет Гертон.

В том, что меня захотят помучить неизвестностью, я не сомневалась. Но упоминание бывшего конвоира было подобно острой, мастерски вонзённой шпильке. И пусть я даже не вздрогнула, точно знаю – старейшина Нил всё-всё понял. Его губы скривились в неприятной улыбке.

Я, не выдержав, оскалилась в ответ и тут же встала.

– В таком случае, может, закончим? – Скорее предложение,

нежели вопрос.

– Мм-м… может, и закончим, – спустя целую вечность отвечает Дурут, и я…

Нет, разрешения дождаться не смогла. Сделала книксен, развернулась и поспешила на выход. Прочь из душного кабинета! Почти бегом по лестнице. Ещё быстрее через огромный холл, где обычно проходят важные собрания. К тяжелым массивным дверям, за которыми… нет, не свобода, но почти.

Одного не учла, одного не смогла предвидеть – старейшина Ждан помчался за мной. И когда взялась за ручку в намерении вырваться из ратуши, окликнул:

– Астрид!

Пришлось остановиться и обернуться. А бывший учитель стремительно одолел разделяющее нас расстояние и, прежде чем успела угадать его намерения, сгрёб в охапку.

Если учесть, что комплекцией Ждан напоминал медведя, это было сильно. А ещё я оказалась повисшей в воздухе, так что только ногами болтала.

– Я очень рад, что ты выжила, – прошептал метаморф.

А едва на глаза навернулись слёзы счастья, добавил с бо-ольшим чувством:

– Дура!

Я была в принципе согласна, но рык оказался настолько неожиданным, что перепугалась и попыталась вырваться. Только старейшина Ждан не пустил – сжал ещё крепче и вновь перешел на шепот:

– Ну вот зачем ты так поступила, а? Чего сбежала? Неужели действительно думала, будто там, – мужчина неопределённо мотнул головой, – будет лучше и проще?

Вопреки желанию, я всхлипнула. Потом ещё раз, и ещё… И это уже не счастье было, а самая настоящая боль. Очень хотелось казаться сильной и уверенной, но в голосе Ждана такая горечь звучала, что нервы не выдержали.

Да, я искренне верила – «там» будет лучше. Думала, что смогу. Надеялась доказать всем, что способна на большее, нежели рожать из года в год. В какой-то миг даже начало мерещиться, будто у меня получается, но… Леди Судьба любит злые шутки, а Леди Удача столь переменчива.

– Дурочка… – В этот раз в голосе Ждана слышалась нежность, и я едва не разрыдалась.

От потока слёз спасло лишь осознание – снаружи дожидается мама, которой совершенно незачем видеть меня в таком состоянии. А потом подумалось – отца тоже, должно быть, уже известили. Зато Торизас, скорее всего, по-прежнему в Лабиринте

торчит и ничегошеньки о возвращении сестры не знает.

Тем не менее, несмотря на предполагаемое отсутствие Торизаса, пришлось собраться. Отринуть слёзы, растянуть губы в улыбке, вздёрнуть нос.

– А вот это правильно, – заметив мои старания, сказал учитель. Лишь теперь поставил на пол и выпустил из объятий. – Пойдём, Астрид.

Я кивнула.

Когда Ждан открывал дверь, украдкой вытерла нос кончиком шарфа. А сообразив, что творю, тихо хихикнула. Просто… я же явилась в Рестрич в образе леди, а тут такие некультурные жесты. Вот как мне не стыдно, а?

Эта мелочь сильно улучшила настроение, и из ратуши я вышла не с фальшивой, а самой настоящей улыбкой. Тот факт, что старейшина Ждан шагает рядом, придал дополнительную уверенность и позволил взглянуть на толпящихся на площади сородичей без дрожи.

Зато через миг сердце всё-таки споткнулось – просто там, внизу, у основания лестницы, стоял папа. Такой же худой и сутулый, немного бледный и… бесконечно родной.

Конечно, я не выдержала. Конечно, сорвалась с места и стрелой помчалась к нему. А оказавшись в капкане рук, вновь попыталась разреветься.

– Ну здравствуй, малышка, – прошептал папа. – Здравствуй, моя хорошая.

– Здра… – А вот дальше я не смогла. Просто ком в горле встал. Непреодолимый!

Несколько минут тишины и попыток совладать с собой. Причём не я одна в этих минутах нуждалась – папа тоже вдруг расклеился, даже плечи в какой-то миг задрожали. Но всё прошло, когда к нам приблизился старейшина Ждан…

– Трим, доброго дня, – сказал он тихо. – Астрид пока что остаётся у вас, но очень прошу, давайте обойдёмся без глупостей.

– Я хочу попросить о том же, – отозвался папа.

Слова прозвучали очень резко, и я вздрогнула. Просто говорить в таком тоне со старейшинами, да ещё при свидетелях, крайне опасно. Сомневаться в решениях вообще запрещено, а ведь отец… нет, он даже не намекал, а напрямую отсылал к решению девятилетней давности, которое и спровоцировало мой побег.

Впрочем, в прошлый раз папа зашел ещё дальше. Он же тогда ударил Ждана, причём в лицо. И это был дополнительный аргумент в пользу побега – я слишком хорошо знала, что отец не смирится. А к несогласным у нас относятся не многим лучше, чем к чужакам.

Но Ждан в бутылку не полез…

– Трим, не перегибай, – сказал он. – Я не враг твоей дочери.

Отец то ли не поверил, то ли просто не посчитал нужным ответить. Просто взял меня за руку и повёл прочь.

И лишь теперь я поняла, что чего-то не хватает. Вернее, кого-то!

– А где мама?

– Пирог печёт, – обернувшись, отозвался отец. – Твой любимый. С земляникой.

На душе стало стократ теплей, а счастье, вспыхнувшее в сердце, послужило щитом от бесчисленных взглядов.

Увы, но на площади перед ратушей практически весь город собрался. И все, без исключений, таращились! В большинстве глядели с осуждением, но были и те, кто смотрел с любопытством.

Толпа очень неохотно расступалась, пропуская Трима и его блудную дочь, которая пыталась выглядеть равнодушной, и ответных взглядов, в общем-то, не дарила. Но в какой-то момент всё-таки не выдержала и огляделась, чтобы едва не споткнуться.

В толпе обнаружился ещё один очень важный для меня человек. Моя лучшая подруга. Моя Юдисса!

О… сколько всего было прожито вместе! Сколько дней и ночей! Сколько прогулок, шуток, секретов…

А теперь я шла, а она стояла и смотрела. Всё такая же рыженькая, но повзрослевшая, похорошевшая и… с огромным круглым животом!

Впрочем, поразил меня совсем не живот, а широкая улыбка. Юдисса радовалась этой встрече, причём настолько искренне, что на глаза, в тысячный раз за день, навернулись слёзы.

Нет, я не зря приехала в Рестрич! Как бы я ни относилась к этому городу, тут есть те, кто по-настоящему меня любит.

Глава 7

День выдался крайне тяжелым, а его завершение… вообще, оно сказкой показалось. Я не думала, что так будет, но дома никто не обвинял и, в отличие от старейшин, допросов не устраивал.

Родители и примчавшийся из Лабиринта Торизас, считай, вообще ни о чём не спросили. Только одно: «Астрид, ты навсегда?» Я ответила утвердительно.

Потом был ранний ужин и пирог с начинкой из земляничного варенья. Рассказы, шутки, попытки насмотреться друг на друга и понять, что же изменилось за эти годы. Не знаю, что увидели родители, а я… Я видела, что постарели. Видела след печали на лицах и затаённую надежду в глазах.

Ну а в том, что касается брата, – возмужал!

Он, как и я, в папину «породу» уродился, и теперь сидел весь такой взрослый и важный, сверкал своими зелёными глазищами, тряс давно не стриженными чёрными волосами. Жилистый, гибкий, сильный! И… совсем-совсем неженатый.

При том, что брат старше меня на два года, такое положение искренне удивляло. Собственно, я об этом ещё от Гертона узнала, но спрашивать подробности у конвоира поостереглась. Зато у самого Торизаса спросить не постеснялась.

– Да так! – тут же отмахнулся Тор. – Просто…

– Есть одна, – вмешалась в разговор мама. – Но ты её вряд ли знаешь. Виритта с южной улицы.

– Ма! – воскликнул один «ловец» возмущённо. И так здорово покраснел, что я не выдержала и захихикала.

Да, разговор блуждал вокруг да около. Кажется, говорили ни о чём, но обо всём сразу. За три часа за столом я столько всего о жизни своей семьи узнала и так прониклась, что в какой-то миг начало казаться, будто и не уходила вовсе.

Несмотря на отсутствие вопросов, о себе тоже рассказать пришлось. Конечно, ни о каких Ласте-Шеше-Дантосе речи не шло. О мифическом мужчине, с которым «жила» в захолустном безымянном городке, также не упоминала. Просто некоторые мелочи… частью настоящие, частью вымышленные.

Единственное, о чём говорила не таясь, – встреча с Гертоном. Мол, учуял и отправился в погоню, а я и не пряталась. Вышла навстречу и вот. А вообще – дурак этот Гертон. Более того – дурак законченный! И жутко противный тип.

Мама на такие заявления посмеялась, папа поулыбался, а Тор… Брат принялся беззастенчиво передразнивать внука

старейшины Нила. И пусть Торизас припоминал эпизоды, о коих я не знала, то есть часть смысла терялась, но это было ужасно смешно.

А ещё было очень сладко от осознания того, что меня ждали. Что приняли так, будто ничего позорного не совершала. Словно я не в бегах была, а в каком-то очень важном путешествии или на задании во благо народа метаморфов.

Я понимала, что рано или поздно придётся сказать родным правду, но здесь и сейчас просто сидела и наслаждалась ощущением дома и любви. Ну а когда за окном начали сгущаться сумерки, а темы для разговоров не до конца, но всё-таки иссякли, спросила:

– А Юдисса… она сейчас где живёт?

– У мужа, конечно, – ответила мама.

– И кто у неё муж? – вновь полюбопытствовала я.

– Так Энир, сын Вейна.

Нет, этих подробностей я действительно не знала. Имела возможность выспросить у Гертона, особенно с учётом того, что конвоир сам о моей подруге упомянул, но отчего-то не воспользовалась. А теперь слегка удивилась.

Сын Вейна? Хозяина единственного в Рестриче постоялого двора? Но… но он же…

– Так он же лопоухий! – выпалила я шокированно.

Папа расхохотался, мама захихикала, а брат подарил сдержанную улыбку. Вот только я не успокоилась. У Энира действительно ужасные уши! Они не просто растут, а стоят! Строго перпендикулярно голове!!!

А ещё они большие, как лопухи. И круглые, словно блинчики!

При том, что постоялый двор расположен на главной улице, то есть через два переулка от нас, Энира мы с Юдиссой видели часто. Просто в какой-то момент это лопоухое чудовище отбилось от своей компании и начало гулять с нашими парнями. Он даже в драках за честь нашей улицы участвовал! В том числе против своих.

А мы с Юдиссой всегда над ним хихикали – ну невозможно остаться равнодушными к таким-то ушам! А Энир неизменно краснел, тряс кулаками и грозился оторвать нам косы. Но мы слишком быстро бегали…

И что же получается теперь? Он женат на моей красивой, смешливой, умной Юдиссе? И она готовится родить от него второго ребёнка? Да быть такого не может!

Вслух я ничего из этого не сказала, но на лице что-то да проявилось. По крайней мере других причин для дружного хохота родных я не видела.

В итоге непроизвольно насупилась, сложила руки на груди, и… тоже рассмеялась. Ну да, уши, конечно, не главное. А любовь – такое чувство, которое позволяет не замечать любые, даже самые ужасные недостатки.

Последнее лишний раз доказывает – влюбляться не только глупо, но и опасно. Поэтому лично для меня тема любви закрыта раз и навсегда.

– Как думаете, Юдисса не будет против, если загляну к ней в гости? – спросила, когда все успокоились.

Папа подарил новую улыбку, сказал с теплотой:

– Она будет рада. Она очень переживала, когда ты исчезла.

– А… её новая родня? – продолжила я осторожно. – Как к такому визиту отнесётся?

– Полагаю, не выгонят, – сказала уже мама. И добавила, помедлив: – Вейн из числа тех, кто посчитал твой побег глупым, но обоснованным.

Я не была готова услышать подобное признание и непроизвольно дёрнулась. А Торизас потянулся через стол, накрыл мою ладонь своей и пояснил:

– Астрид, твой поступок стал настоящим событием, всколыхнул весь город. Споров было много, мнения разделились. Но осудили тебя далеко не все.

Захотелось выдернуть руку и сжаться в комок, но я сдержалась. Просто эти подробности… у меня нет сил, чтобы их выслушивать. Да и какая разница, как всё было? Может, это трусость, но я бы хотела оставить прошлое в прошлом.

К счастью, меня поняли, и тема была мгновенно закрыта. Ну а Тор поднялся и, подарив очередную улыбку, сказал:

– Одевайся. Так и быть, провожу.

Отказываться от помощи я не стала. Равно как и медлить. Уже через минуту сменила домашние туфли, одолженные у мамы, на купленные в Фагоре сапоги, накинула плащ и поспешила к двери.

Юдисса! О небо, как же я по ней скучала!

Мы проигнорировали главный вход, зашли с кухни. Идея принадлежала, разумеется, не мне, а Торизасу, но я не сопротивлялась. Ведь кто бы что ни говорил, но меня действительно могут прогнать. А в таком случае лучше обойтись без свидетелей. Причём лучше для обеих сторон.

Когда брат взошел на крыльцо и постучал в хлипкую на вид дверь, я внутренне сжалась. Но плохого не случилось…

Дородная госпожа Эйрен – жена господина Вейна, которая ту самую дверь открыла, сперва нахмурилась, а мгновением позже,

когда заметила меня, растянула губы в добродушной улыбке…

– Ах, Астрид… Входите же!

Ещё миг, и мы услышали зычный оклик:

– Юдисса, милая! К тебе пришли!

И всё. Страхи вновь исчезли, а на глаза навернулись непрошеные слёзы.

Едва мы с Тором переступили порог кухни, меня буквально снесло ураганом. Юдисса! Такая взрослая, такая похорошевшая, но… такая тяжелая.

– Астрид! – воскликнула подруга с чувством. – Астрид, как же я рада! Я так скучала, я так молилась…

Ну вот. Теперь окончательно «всё».

Всхлип Юдиссы, и я сама немножечко плачу. Впрочем, нет, не «немножечко». Я плачу всерьёз!

– Я так за тебя молилась, Астрид! Я так надеялась, что ты…

Дальше, увы, лишь слёзы и всхлипы. Я сама тоже слова сказать не могу, потому что… Сперва была мелкой и безмозглой, а потом драконом. А Юдисса молилась за меня всё это время.

Молилась! За меня!!!

– Астрид…

Угу. Совсем мокро. Чувствую себя законченной истеричкой, но остановиться не в состоянии. Юдисса тоже не может, но ей простительно – беременная как-никак, а им и не такое позволено.

– Ой! – А это уже не Юдисса, а я. Просто меня ущипнули. Больно! За руку.

– Дурочка, – сообщает подруга. – Я чуть с ума не сошла, а ты…

Да, опять слёзы… И шанс расклеиться окончательно и прорыдать до утра. Но жестокая реальность в лице Тора и Юдиссиной свекрови такой возможности не даёт…

– Я, пожалуй, в общем зале подожду, – говорит Торизас.

– А что тебе подать? – спрашивает хозяйка.

– Не голоден, поэтому ограничусь элем.

– Светлый или тёмный?

– Без разницы.

Пауза. И именно она становится поводом очнуться от рыданий и оглядеться, чтобы выяснить: мы с Юдиссой замерли в обнимку, а госпожа Эйрен с Тором тоже замерли, но друг напротив друга. Кажется, наше безумие оказалось заразным, и теперь Юдиссина свекровь никак не может решить элементарную задачку – какой эль подать.

Она хмурится и смотрит на Тора, а тот, сообразив, в чём проблема, уточняет:

– Хорошо. Светлый.

На лице госпожи Эйрен проступает облегчение, которое тут же сменяется притворным возмущением…

– Вот так бы сразу и сказал!

Я вижу, как Торизас улыбается, проходит к расположенной в отдалении двери. Как хозяйка подхватывает с одного из столов кувшин и устремляется следом… И лишь когда эти двое исчезают, могу выдохнуть, чтобы тут же расплакаться вновь. Просто…

– Астрид! – вопит Юдисса в ушко. – Астрид, как же я скучала!

Да, я тоже. Более того – я с ума сходила, особенно первое время.

– Ну что ты? Ну расскажи!

Я отступаю и улыбаюсь сквозь слёзы…

Готова рассказать, но далеко не всё. И не потому что скрытница, просто многие знания – многие печали. Поэтому…

Поэтому, когда Юдисса тащит к стулу, подчиняюсь безропотно, ну а потом… сижу. Сижу и… да, снова вру. Но не так нагло, как старейшинам. В этот раз я стараюсь обходить острые углы и скорее недоговариваю, нежели лгу в открытую.

А подруга точно понимает, что до настоящей откровенности сейчас как до луны, но голой правды не требует. Просто крепко держит за руку, слушает и кивает.

Чужаков в Рестриче действительно не бывает. Единственные гости – это торговцы. Но абы кто в странноватый город не ездит, только смелые и проверенные. Непроверенные тоже заглядывают, но, как правило, не задерживаются. Неуютно им здесь, нервно.

Что привозят? Да многое. Фрукты и овощи, мясо и рыбу, зерно, ткани, книги… в общем, всё, что только может понадобиться.

Кроме этого, в город порой забредают путники. А не пускать их, конечно, нельзя – такое отношение слишком подозрительно, есть шанс нарваться на лишнее внимание.

И торговцам, и путникам нужно где-то ночевать, так что без постоялого двора не обойтись. Да и странно это, если в городе ни одной гостиницы! Вот только постоялый двор Рестрича, в отличие от других подобных заведений, не окупается, поэтому частично находится на содержании у города. А ресторанный зал выполняет функцию питейного заведения для жителей близлежащих домов.

Сегодня, ввиду невероятного события, посетителей было очень много. Так что спустя полчаса о спокойных разговорах пришлось забыть…

Юдисса – уже не плачущая, а очень даже счастливая – принялась порхать по кухне, то что-то помешивая, то досаливая,

то переставляя с одной печи на другую, а мне выпало сомнительное счастье перебрать небольшой мешочек гречки. Просто народ за стеной так налегал на эль и пиво, что было совершенно ясно – сейчас проголодаются даже те, кто, подобно Тору, уже поужинал. А каша – это дёшево и вкусно, и отлично подходит к тушеному мясу, которое было почти готово.

Но общаться это всё, конечно, не мешало…

– Энир сделал предложение в день весеннего равноденствия, – продолжала свой рассказ Юдисса. – Подошел, весь такой важный, серьёзный, с бо-ольшим пакетом пряников в руках. И говорит: слушай, а выходи за меня, а?

– А ты?

– Знаешь, не поверила. Решила, что бражки перебрал и шутит.

При этих словах Юдисса положила руку на поясницу и отклонилась назад, отчего её живот показался ещё больше. Я, глядя на подругу, глумливо захихикала – угу, хороша шуточка! А вторая, вернее первая, пяти лет от роду, в гостях у других бабушки с дедушкой сейчас куролесит. В общем, да! Весёлый парень этот Энир!

Юдисса ход мыслей поняла и, подарив наигранно-строгий взгляд, тоже хихикнула. Чтобы тут же вернуться к рассказу:

– Посмеялась я над ним тогда, а он… через два дня к отцу пришел и говорит: так мол и так, люблю! Жить без неё не могу!

Конечно, здесь следовало растаять и вздохнуть, но, вспомнив уши Юдиссиного избранника, я снова расхихикалась.

– Дурочка, – поддразнила подруга.

Я не спорила.

– А дальше что?

– А дальше…

Юдисса говорила, рассказывала. Я же сидела, перебирала гречку и одним глазком наблюдала за порхающим по кухне беременным чудом. И чем дольше смотрела, тем яснее понимала одну не то чтоб ужасную, но довольно грустную вещь…

Подруга изменилась. Она повзрослела, стала настоящей женщиной! А я… нет.

Конечно, что-то в голове всё-таки подвинулось, но назвать себя взрослой я не могла. Я нынешняя немногим отличалась от той пятнадцатилетней дурочки, которая саботировала решение старейшин и сбежала к людям.

Почему? Возможно, причина в том, что моя жизнь пошла по совсем другому пути. В ней не было того, что случилось в жизни Юдиссы. Не было замужества, переезда в чужой дом, беременности, родов… Не было необходимости находить общий

язык с мужем и думать о репутации. Необходимости ежедневно принимать пусть маленькие, пусть бытовые, но всё-таки решения.

Хуже того – я жила драконом! Долгих семь лет я была вынуждена притворяться безмозглой зверушкой. Вот как тут повзрослеешь, а?..

– А? – воскликнула Юдисса, вырвав из раздумий.

Я невольно вздрогнула и не сразу поняла, что обращаются не ко мне. Просто в кухню госпожа Эйрен вернулась, именно её оклик отвлёк Юдиссу от рассказа и от котелка с грибным супом заодно.

– В городе чужаки, – чуть нахмурив брови, сказала женщина. – Через несколько минут будут здесь и заночуют, разумеется, у нас.

Юдисса не расстроилась, но слегка удивилась. Взглянула на окно, за которым уже стемнело, и задала тот же вопрос, что возник у меня:

– Чужаки? Так поздно?

Угу. Городские ворота запирались с приходом вечера, а договориться с нашей стражей совершенно невозможно. А эти чужаки… Как им удалось-то?

– Говорят, что аристократы, – пояснила Юдиссина свекровь. – И очень настойчивые.

– Слишком настойчивые, – поправила рыженькая морщась. Да-да, чужаков-наглецов в этом городе не любят особенно!

Хозяйка пожала плечами и вновь скрылась за дверью. А Юдисса вернула крышку на котелок с супом, вытерла руки о передник и огляделась, словно пытаясь отыскать на простой кухне тарелки, достойные высокородных гостей. Но быстро на это дело плюнула и, подарив мне хитрую улыбку, устремилась к двери в общий зал.

Выходить к гостям рыженькая не собиралась, только в щёлочку подглядеть. И пусть я сама никакого любопытства не испытывала, но затею Юдиссы поддержала. Выскользнула из-за стола и, стараясь не греметь каблуками, приблизилась.

Там, в общем зале, стало на порядок тише. Ещё через минуту гул прекратился вовсе, а до нас донёсся зычный голос господина Вейна.

– Доброго вечера!

Ответа чужаков слышно не было. Видеть их я тоже не видела, потому что в данный момент в щёлочку подглядывала Юдисса.

Ещё миг, и подруга от двери всё-таки отстранилась и сделала «страшные» глаза. Мол, чужаки точно непростые. Интересные. Непонятные!

И пусть моё любопытство по-прежнему пребывало в спячке,

но предложением взглянуть на гостей я всё-таки воспользовалась. Встала на место Юдиссы, прильнула к той самой щёлке и… чуть не рухнула.

Просто там, по ту сторону стойки, топтался не кто иной, как Вернон! Да-да, тот самый маг, который брался снять с меня ошейник, а потом спасал нас с Даном от фанатиков из братства Терна. Вернее, не просто маг, а ещё и дру…

Додумать эту мысль я, увы, не успела. Вернон шагнул в сторону, а его место занял другой, куда более примечательный мужчина. Сероглазый блондин в тёмном дорожном плаще. Дантос, герцог Кернский!

Если в первый раз я чуть не рухнула, то теперь едва не завизжала. И застыла мраморным изваянием, не в силах отвести взгляда от этого… этого… Да идиот, вот он кто!

Какого беса?! Какого шального беса он приехал в Рестрич?! И как… как вообще отыскал наш город?..

Увы, сам блондинчик идиотом себя точно не считал – он был спокоен, важен и немного хмур. В данный момент общался с господином Вейном. О ночлеге договаривался и, вероятно, об ужине.

Дан был занят. Действительно занят! Но потом вдруг замер и резко повернул голову. Взгляд серых глаз был нацелен даже не на дверь, а ровно на ту щёлку, через которую я за ним подсматривала.

Вот теперь оцепенение спало! А я, не к месту вспомнив о том, что герцог Кернский меня буквально чуйкой чует, резко отпрянула в сторону.

– Что? – прошептала Юдисса испуганно. – Что стряслось?

Увы и ах, но стряслась паника.

Бежать! Бежать с этой кухни! Пока Дантос со своей невероятной наглостью сюда не ворвался и не выдал секрет, который лишит его любых шансов на выживание! Пока не выдал факт нашего с ним знакомства!

– Дверь! – прошептала я и замахала руками. – Закрой её!

Юдисса среагировала мгновенно, а я…

Я помчалась к другой – к двери, ведущей на улицу. Но, добежав до середины кухни, остановилась и развернулась. Выпалила умоляюще:

– Спрячь меня!

– От кого? – спросила подруга.

Отвечать не пришлось – Юдисса сама сообразила и тут же указала на дальний угол. Там виднелся тёмный проём…

– По лестнице наверх, – сообщила рыженькая. – И жди!

Я подчинилась беспрекословно. Метнулась к проёму,

взбежала по крутым ступеням, которые за ним скрывались, и замерла в узком, освещённом единственным светильником коридоре. До сознания не сразу, но всё-таки дошло, что очутилась в той части дома, где обитают хозяева. И хотя разум шептал, что сюда герцог Кернский точно не прорвётся, легче не стало.

Просто он здесь, в Рестриче. Он приехал за мной! И это при том, что не мог не понимать – данная авантюра опасна! Но… видимо, мозгов правильно оценить степень опасности у Дана не хватило. Блондин! Что с него возьмёшь?

Да ещё и Вернона с собой приволок.

Идиот! Нет, какой же он всё-таки идиот!

Несколько бесконечных минут ожидания закончились звуком шагов и появлением Юдиссы.

– Я сказала госпоже Эйрен, что нам с тобой нужно пошушукаться в спокойной обстановке, – пояснила подруга. – А остальным, если поинтересуются, она сообщит, что мне потребовалось прилечь.

После этого я была схвачена за локоть и увлечена в одну из дальних комнат. Щелчок пальцами, вспышка, которая слепит глаза, и новое осознание – Юдисса привела в кабинет.

Привела, чтобы тут же выпалить:

– А теперь рассказывай!

Я отрицательно качнула головой и отступила.

– Бумага и чернила есть? – спросила хрипло.

Юдисса мигом нахохлилась и упёрла кулаки в бока, но почти сразу оттаяла и буркнула:

– Найдутся.

С этими словами моя рыженькая спасительница устремилась к письменному столу. Я, разумеется, следом.

Нет, скрывать от подруги факт знакомства с чужаками я не собиралась – бессмысленно. Но прежде чем сказать сильно урезанную правду, хотелось разобраться с важным – объяснить одному сероглазому герцогу, насколько он не прав!

Получив писчие принадлежности и возможность сесть за стол, именно этим и занялась. Задумалась на миг, задушила обуявший сердце ужас и написала:

«Немедленно уезжай!

Уезжай и сиди тише мыши!

Ты даже не представляешь, какой опасности подверг себя и Вернона!

Если ты останешься, если попытаешься хоть что-то предпринять, вас убьют. Понимаешь?!»

Рука дёрнулась вписать пару крепких эпитетов в адрес Дана,

но я себя всё-таки остановила. С желанием сообщить о том, что герцог Кернский и так под прицелом, – тоже справилась, просто ни к чему такие подробности, эту ситуацию Дантос переломить не сможет, с ней разберусь сама.

Но сказанного в записке было недостаточно, и я слишком хорошо знала герцога Кернского, чтобы не понимать – эти слова упрямца не убедят.

Пришлось добавить…

«Твоя настойчивость прекрасна, но она ничего не изменит.

Есть вещи, которые неподвластны даже таким, как ты.

Смирись, Дантос!

Ты ещё встретишь женщину, которая покорит твоё сердце.

А в том, что касается меня, – я очень хочу, чтобы ты жил!

Покинь Рестрич! Если не ради себя, то ради меня».

И подпись:

«А.»

Когда закончила с запиской и откинулась на спинку стула, поняла, что уже не паникую, а бешусь. Что в данный момент я куда опаснее для Дана, нежели старейшины или стража. У меня даже пальцы скрючились в неосознанной попытке задушить этого титулованного упрямца.

Явился он! Не запылился!

– Астрид, – отвлекла от мыслей Юдисса. – Астрид, и всё-таки, что происходит?

Хотелось ответить так, чтобы подруга поняла, но из груди вырвалось лишь одно:

– Ненавижу!

– Кого? – тут же встрепенулась собеседница. – Блондина или брюнета?

Смысла юлить не было, но…

– Обоих! – рявкнула я. И добавила через секунду: – А блондина особенно.

Юдиссу моя злость не впечатлила. Более того, несмотря на всю серьёзность ситуации, на лице подруги появилось легкомысленное выражение.

– А подробности?

– Да нет никаких подробностей! – вновь не сдержалась я. –

Просто…

Бесы. Докатилась. На ни в чём не повинных людей кричу.

Пришлось сосредоточиться и сделать несколько глубоких вдохов. Зато через пару минут уже могла говорить спокойно, без истерик.

– Просто он немного идиот, вот и всё.

– То есть этот блондин… он за тобой приехал?

В этот миг я лишний раз убедилась в известной истине – все беременные немного сумасшедшие. Просто Юдисса разулыбалась! Словно перед ней не я, а героиня любовного романа с погонями, ревностью и неизменным поцелуем в финале.

– Юдисса, это не смешно.

– А разве я смеюсь? – парировала подруга весело.

Новую вспышку ярости я всё-таки погасила. Ответила более чем ровно:

– Да, Юдисса. Он приехал за мной. И теперь… мне очень нужна твоя помощь.

С этими словами я подула на уже высохшие чернила и, сложив лист вчетверо, протянула его невменяемой беременной подруге.

– Пожалуйста. Умоляю. Передай это блондину. Я знаю, что это опасно, но ты ведь можешь, правда?

– Могу! – улыбка Юдиссы стала стократ шире. – Но в обмен на подробности.

– Какие ещё подробности?

Ответ был подобен удару пыльным мешком по голове…

– О том, как ты в него влюбилась, – сообщила эта рыжая и… да-да, точно невменяемая!

– Я? – переспросила тихо, с недоверием. – Влюбилась?

– Ага, – подтвердила невероятно довольная Юдисса. – И, судя по всему, без памяти.

Не выдержав, я закатила глаза. Потом и вовсе закрыла лицо руками. Вот как? Как ей могла прийти в голову подобная чушь?

– Ты впала в ужас, когда увидела его здесь, – продолжила гнуть свою линию рыженькая. – А это значит…

Я отняла ладони от лица, подарила подруге строгий взгляд и объяснила:

– Это значит, что Дантос хороший человек и я желаю ему добра. Только и всего!

– Дантос? Мм-м… Красивое имя.

Если бы не пузо, то я бы её точно стукнула! А так…

– Юдисса, я не влюблена. – Сказала твёрдо, уверенно, с нажимом. И тут же приготовилась отразить очередной глупый аргумент, но собеседница оказалась хитрей.

– Ладно. Ты не влюблена.

Рыжая улыбалась! То бишь не верила! Но… но что ты сделаешь, когда с тобой вроде как соглашаются?

Лично я фыркнула, чтобы тут же встать, задвинуть стул и шагнуть к двери.

– Мне лучше вернуться домой, – сказала я тихо.

Решение это, разумеется, никакого отношения к нашей перепалке не имело. И Юдисса поняла – сразу посерьёзнела, кивнула. Оставалась малость: спуститься в кухню, выцепить из общего зала Торизаса и… надеяться, что в этот раз чуйка герцога Кернского всё-таки не сработает!

На мир опустилась ночь, но Рестрич ещё не спал. В окнах всех без исключения домов мерцал свет, и даже прохожие на улице встречались.

С Торизасом эти прохожие неизменно здоровались, а на меня просто поглядывали. Но я сама внимания не обращала – была слишком поглощена эмоциями и тратила бóльшую часть сил на то, чтобы не оглядываться и не дрожать.

Брат моей нервозности не замечал – слава элю! Зато тему для разговора выбрал самую неудобную…

– Ну надо же, – вещал он. – То тихо, как в гробу, то столько событий за один день. Сперва ты вернулась, теперь эти на ночлег напросились. А ещё Гертон ожидается.

Увы, Гертон действительно ожидался. И я очень надеялась, что одарённый с Дантосом не столкнётся. А вот что делать, если они всё-таки встретятся, – не знала. Но сил бояться ещё и этого совершенно не было.

– А те двое интересные, – продолжал Торизас. – Один, кажется, вообще маг. Опознавательного амулета нет, но чувствуется в нём нечто особенное.

Тор ждал ответа, но я промолчала. Ну а что тут сказать? Нет, Торизас, он не просто маг, а большой начальник в управлении магического надзора? Ловит тех, кто амулеты связи нелегальные использует, и тех, кто привороты на людей наводит?

– А второй, кстати… Знаешь, они, когда ужинать сели, второй меня увидел и…

Брат запнулся, а я споткнулась, чтобы тут же крепче вцепиться в его локоть и напрячься в ожидании продолжения. А Тор и продолжил…

– Он так странно на меня смотрел. С таким вниманием и, кажется, удивлением. Я в какой-то момент даже занервничал – что за бес?

Угу. Вот именно – бес! И как же я не подумала, что…

Мы с Торизасом действительно похожи. Одинаковый цвет глаз и волос, и черты лица, в принципе, одни. Только Тор всё-таки крупнее, и он мужчина. Но узнать в нём моего родственника легче лёгкого.

Тот факт, что Дантос Торизаса видел, – это ладно. Знакомиться или спрашивать о сестре не стал, значит, тут проблемы нет. А вот то, что Тор внимание со стороны чужака заметил, – плохо. Как бы выводов не наделал, правильных!

Просто Юдисса секреты хранить умеет – проверено, а вот брат… Кто его знает, как поступит?

А в следующий миг меня добили.

– Он смотрел так, словно мы знакомы, – сказал Торизас хмуро. – Словно узнал.

Так! Всё! С этим его мыслительным процессом пора заканчивать!

– Тор, не драматизируй. По-моему, блондинчик попросту из тех, кто предпочитает не женщин, а мужчин. Среди аристократов, знаешь ли, такое не редкость. А ты симпатичный. Вот он и таращился.

Сказала, и едва сдержала желание ударить себя по губам. Бес меня пожри! Как можно быть такой дурой? Как я могла так проколоться?!

Увы, в этот раз эль не помог. Брат резко остановился и, повернувшись ко мне, произнёс:

– Астрид, а я не упоминал, что он блондин.

Захотелось взвыть! Потом провалиться под землю! И о фонарный столб головой постучаться – а вдруг мозги на место встанут? Вот только виду я не подала и молчаливо поблагодарила Гертона – ведь именно он мой актёрский навык в последнее время тренировал.

– Не упоминал, – согласилась я. Голос прозвучал очень ровно. – Но мы с Юдиссой через щёлку подглядывали, и чужаков этих я видела. Так вот, точно говорю – блондин женщинами не интересуется. У него особые приметы.

– Какие ещё приметы? – подозрительно прищурился Тор.

Я пожала плечами – мол, какая тебе разница? Или ты кого-то из своих знакомых подозреваешь?

– Это ужасно, – после долгой паузы резюмировал брат.

Я же чуть на пятке не завертелась – хвала небесам, поверил!

– Это действительно ужасно, – фыркнув, повторил Тор. Чтобы тут же ухватить за руку и в очень бодром темпе потащить домой.

Словно за ним кто-то гонится. Кто-то сероглазый, настойчивый и очень искушенный.

После всех волнений я была убеждена – заснуть не смогу.

Добавить к этому присутствие в городе герцога Кернского с Верноном, а также тот факт, что я очутилась в своей старой комнате, и сон становится невозможен в принципе.

Но… видимо, предыдущая ночь, проведённая в полёте через болота, сказалась. Я уснула раньше, чем голова коснулась подушки.

Ну а дальше… Дальше как всегда! Я и сны, сны и я, и наша бесконечная, очень трепетная «любовь» друг к другу. И отдельный, особенный повод для грусти – во сне я снова была драконом…

Иду! Иду, стуча когтями по паркету, деловито покачиваю попой, зорко посматриваю по сторонам. Когда оказываюсь напротив огромного настенного зеркала, притормаживаю, дабы увидеть узкую, покрытую золотыми чешуйками морду, красивый гребень, короткие лапки и, разумеется, его. Изящный, умопомрачительно прекрасный хвост!

Отрываюсь от зеркала, воровато оглядываюсь. Вообще я шла по дому с инспекцией – проверить, насколько хорошо уборку сделали, но раз поблизости никого нет… Расправляю плечи и траекторию движения меняю, чтобы подойти к этому самому зеркалу поближе.

В трёх шагах останавливаюсь и грациозно сажусь. Обвиваю лапки хвостиком и наклоняю голову в стремлении получше рассмотреть отражение золотой девочки.

Потом наклоняю голову в другую сторону и прихожу к выводу – красавица! Вот только немного замученная…

Впрочем, удивляться тут нечему. Я же целыми днями как белка в колесе верчусь. То приготовление ужина проконтролировать, то дегустацию этого самого ужина провести, то, вот как сейчас, качество уборки проверить.

Совсем замотали маленького дракона. И можно даже сказать, заездили! Эксплуататоры…

А ещё блондинчик нервы каждый день треплет. Превратись, говорит, в человека, Астра! Превратись – поговорим, решим.

Угу…

Сижу. Сижу, и чем дольше смотрю на своё отражение, тем яснее понимаю – не ценят они меня. Ой, не ценят! А я же такая маленькая! Такая хорошенькая! И столько всего для них делаю! А они… Одно слово – гады.

Мимика у драконов действительно скудная, но я всё-таки попыталась состроить обиженную мордашку и надуть щёки. Получилось так себе. Вернее, вообще не получилось. А вот взгляд исподлобья, который вопрошал – у вас совесть есть? – вышел на

славу. Прям самой на свой вопрос ответить захотелось.

Последнее воодушевило!

Я вновь расправила плечи, села прямо, на минуту превратилась в красивую золотую статуэтку с янтарными глазками. А потом…

Подбородок вверх, морду чуть в сторону, а глазки прикрыть – ваша светлость, вы так утомительны сегодня…

Хвостик размотать, небрежно откинуть в сторону, голову в сторону, противоположную хвостику, а глаза чуть-чуть закатить – о Дантос, ты невыносим!

Сесть ровнее, голову опустить, а взгляд чётко в зеркало и засопеть – хочешь лишить меня сладкого? Нет, ты серьёзно?

Вскочить! Вскочить и крутануться на месте! А потом вдоль зеркала изящной походкой – туда и обратно, туда и обратно! Лапки тянем, как делают танцовщицы, спинку держим и кокетливо повиливаем попой. Нет, ну как в такую девочку не влюбиться, а?

А дальше… замереть внезапно, опять крутануться и уставиться в зеркало, но уже через плечо – Дан, миленький, ты в самом деле веришь в то, что я буду тебя слушаться? Я? Слушаться? Тебя?!

Ещё миг, и… вздрогнуть всем своим чешуйчатым тельцем, услышав тихий, но очень весёлый смешок. Резко оглянуться на дверь и сообразить – увлечённая общением с лучшим существом в мире, я не заметила появления свидетелей. Вернее, одного свидетеля. Дана!

И как давно он тут стоит? Как давно на его губах эта улыбочка, которая сообщает, что кое-кто буквально давится хохотом?

Увы, но в этот раз телепатия не срабатывает, и вместо ответов на свои вопросы я слышу:

– А у тебя неплохо получается. Особенно вот это… – Дан подтянул здоровую руку, повернулся боком и сделал несколько вертлявых шагов. Потом развернулся и… пошел обратно. Ну а закончив свою бездарную пародию, не выдержал и беззвучно засмеялся.

Честно? Я смутилась ужасно! До самого кончика хвоста!

А потом так обидно стало. Как он вообще смеет? Мало, что подкрался, так ещё и…

Нет. Может говорить что хочет, но я не такая! И шла совсем не так, а красиво! И вообще, я маленькая и замечательная, а он… он…

Повторюсь – мимика у драконов очень скудная. Но что-то такое с мордашкой всё-таки случилось, потому что, взглянув на

меня в этот момент, герцог Кернский снова не выдержал и захохотал уже в голос.

Вот теперь совсем обидно стало. Так, что я отошла от зеркала и недвусмысленно ударила хвостом. Чтобы тут же пригнуться, выдохнуть две струи дыма и золотой молнией сорваться с места.

Дан был всё так же ранен, но, увы, не в ноги. И выяснилось, что от дракона он бегает гораздо быстрее, нежели за драконом. И даже хохотать при этом успевает! Негодяй.

Но я сдаваться не собиралась! Уверенно мчалась за светлостью, чтобы… нет, не покусать, но боднуть точно. И я бы, безусловно, догнала, если бы не…

– Астрид! – раздалось где-то вдалеке.

Вслед за голосом послышался стук в дверь, и опять:

– Астрид! Девочка, уже утро!

А? Что? Где?

Я резко проснулась, ещё резче вскочила на постели и облегчённо выдохнула, вспомнив о том, что дверь вчера всё-таки заперла, а спать легла нагишом, несмотря на предложенную мамой ночную сорочку.

То есть всё в порядке, об этом превращении в маленького дракона никто не узнает. Главное – прямо сейчас вернуться в истинную форму и крикнуть маме, что я уже проснулась и вот-вот выйду.

Так что без паники. Всё хорошо. Гораздо лучше, чем могло быть.

С момента моего побега в комнате, где я провела большую часть своей жизни, ничего не изменилось. Всё, абсолютно всё осталось по-прежнему! Та же кровать и яркое лоскутное одеяло, тот же большой шкаф с зеркалом, письменный стол и полки с книгами. Платья, туфли, пояса и всё-всё! Даже шкатулка с заколками и та на привычном месте стояла.

Это был такой возврат в прошлое, что сердце рвалось на части, и мне стоило огромных усилий не думать о том, зачем родители сохранили и вещи, и обстановку. Что чувствовали, оказываясь здесь. Для чего в принципе сюда заходили.

Да, я старалась не думать, но когда брала из шкатулки старую ленту, которой намеревалась подвязать волосы, руки дрожали. И к завтраку я спустилась не в самом уравновешенном состоянии.

В том, что касается внешнего вида, – на мне были мамины домашние туфли, вчерашнее дорожное платье и вчерашний же шарфик. И если с неуместным платьем было всё ясно – другого-то пока нет, то шарфик вызвал недоумение.

Однако я притворилась, будто не заметила удивлённых взглядов. Просто села за стол, стащила с общей тарелки пару оладушков и… вот только теперь насторожилась.

С этим путешествием, с этим проклятым Гертоном я немного выпала из времени. Но я была готова поклясться, что сегодня будний день. Следовательно, вопрос – а почему отец и Торизас здесь? Ведь первому точно нужно в мастерскую, а Тора в Лабиринте ждут.

Вопрос этот я, конечно, озвучила. А в ответ поймала три снисходительные улыбки…

– Ко мне дочь вернулась, – пояснил папа.

– А ко мне сестра, – прожевав оладушек, сказал Тор. – Какая тут работа?

Стало немного стыдно. Ну да, как сама не догадалась? Это же событие, причём очень важное, а я… Дурында бесчувственная.

Пришлось исправляться.

– Ну тогда расскажите, что у вас и как. Что нового в мастерских? Как поживают наши замечательные подземелья?

Да, вчера говорили много, но до этого так и не добрались. Вчера и других тем хватало.

– Как… – с деланым недовольством протянул Торизас. – Как всегда. Но последние два года алмазы попадаются очень редко. Правда… – брат выдержал хитрую, почти драматическую паузу и только потом закончил: —…кое-кому на алмазы по-настоящему везёт!

Я лучисто улыбнулась и, отхлебнув чаю, приготовилась слушать. Хотя ничего нового Торизас рассказать, конечно, не мог. Просто Лабиринт для жителей Рестрича, как море для обитателей рыбацкой деревни – всем про всё известно, истории повторяются из года в год, но без них всё равно никуда.

А вот людям со стороны было бы интересно, но им про такое, конечно, не говорят. И дело не только в нелюбви к чужакам, всё сложнее: Лабиринт – ещё одна тайна народа метаморфов.

Как было на самом деле, никому не известно, но легенды гласят, что во всём виноваты гномы. Мол, когда-то, на заре времён, наши предгорья были настоящими горами и входили в состав объединённого королевства гномов, от которого сейчас лишь воспоминания остались.

Гномы жили и, как водится, искали драгоценности. Ещё оружие делали, украшения и прочие невероятные вещи. А ещё они, если верить тем же легендам, сильно увлекались магическими экспериментами над драгоценными камнями, и вот, домагичились.

Что-то у них случилось. Что-то грандиозное, но ужасное! И в

результате этого часть гор, которые в империи называют Сизыми, ушла под землю. По этой же причине предгорья Сизых гор, в которых и расположен Рестрич, растянулись на многие-многие лиги, и только там, у самого горизонта, виднеются первые пики.

Земля здесь плохая настолько, что даже трава едва прорастает. Поэтому люди в здешних краях не селятся. А вот народ метаморфов перебрался сюда едва ли не сразу после падения гор.

Причина? Они обнаружили Лабиринт!

Легенды умалчивают о том, кто именно и зачем пришел к Сизым горам после их обрушения, но факт налицо – метаморфы оставили прежнюю обитель и основали Рестрич. А Лабиринт, который образовался в результате всех катаклизмов, до сих пор служит нам верой и правдой.

Он представляет собой систему тоннелей, причём нерукотворных. Говорят, что тоннели появились в результате того самого грандиозного ужаса, спровоцированного гномами.

По факту, происхождение Лабиринта – это аномалия. Но куда большей аномалией являются его свойства… В Лабиринте появляются полудрагоценные и драгоценные камни! Они как будто выползают из недр земли, чтобы на какое-то время проявиться на стенах, а потом, как это ни ужасно, уползти обратно.

Именно поэтому тех, кто ходит в Лабиринт, называют ловцами. И именно их труд позволяет городу жить: закупать то самое зерно, вырастить которое на нашей земле невозможно, покупать ткани, книги и всё остальное.

Впрочем, труд мастеров, которые занимаются огранкой и изготовлением некоторых украшений, важен для города не меньше. Собственно, их усилия значительно увеличивают цену камней.

И хотя сокровищ в Лабиринте не так уж много, и ловцы очень часто возвращаются из подземных коридоров с пустыми руками, Рестрич живёт припеваючи. Даже налоговые льготы, из-за которых Гертон так на Дантоса взъелся, городу, в общем-то, не нужны.

Вообще, проблема тут только одна – соседи. Просто факт добычи камней тщательно скрывается, а продажей занимаются одарённые, и соседи искренне недоумевают – почему Рестрич до сих пор стоит? Вот только выведать секрет, конечно, не могут. Те, кто приходит в город метаморфов за секретами, пропадают бесследно.

А иногда вот таким любопытным даже рады. Просто там, в Лабиринте… там ведь не только камни, там ещё и…

– Астрид? – вырвал из раздумий голос Торизаса. – Астрид, ты вообще здесь? Ты слушаешь?

Я вздрогнула и едва не выронила чашку.

– Ну во-от… – поджав губы, протянул брат.

По глазам видела – не обиделся, но всё равно надулся, а потом и вовсе язык мне показал. Да-да, как в детстве! И пусть я в самом деле была несколько виновата, ответила Тору тем же.

Это могло перерасти в небольшую перепалку – по крайней мере, раньше все наши перепалки именно так и начинались. Но всё-таки не случилось. Нас прервал звон дверного колокольчика.

Не знаю почему, но именно в этот момент я вспомнила о том, о чём не имела права забывать – Дантос, герцог Кернский, в городе. Эта мысль заставила вскочить из-за стола, сделать шаг в сторону и замереть, осознав – я дура.

Ну вот куда, спрашивается, рванула? Зачем? И почему я вообще решила… Почему я подумала, что это Дан?

Дан не может прийти. Во-первых, он адреса не знает – он за нами с Тором не следил, а во-вторых, герцог Кернский всё-таки умён. Он не мог проигнорировать моё письмо. Он должен был уехать ещё на рассвете. Или, в крайнем случае, должен уезжать прямо сейчас.

Это не он. Это…

К счастью, родители и Торизас отреагировали на мою неадекватность спокойно. Никто ни о чём не спросил, и даже косых взглядов не было. Только мама, которая отправилась открывать дверь, пробормотала что-то про успокоительные пилюли.

А мне пришлось взять себя в руки и вернуться за стол. Но продолжить завтрак было не суждено.

– Астрид, милая, это к тебе! – донеслось из прихожей.

И я опять, как законченная дура, вскочила. Руки задрожали, сердце сжалось от ужаса, разум захлестнула паника. Вот только…

– Юдисса, – добавила мама. И уже громче, хотя и так слышно было: – Астрид, к тебе пришла Юдисса!

Всё. Давайте ваши пилюли сюда. Причём лучше все и сразу. Потому что нервы мои действительно ни к бесу. А всё из-за кого? Правильно! Из-за одного невероятно упрямого, невыносимого, бессовестного человека.

Чтоб его… Леди Судьба милостями осыпала! Чтоб ему… до скончания дней Леди Удача улыбалась! Чтоб на него…

Не выдержав, я закрыла лицо руками и сделала несколько глубоких вдохов. Удивительно, но это помогло. Полминуты, и мне действительно удалось успокоиться, более того – к подруге я вышла сияя искренней улыбкой.

О причинах визита Юдиссы я догадывалась – она пришла, чтобы сообщить о Дантосе. И я очень надеялась, что эти новости мне понравятся, но…

– Записку я подсунула, – прошептала рыженькая, когда я подошла вплотную, а мама наоборот отступила. – И он её прочёл.

Я напряглась невероятно, душу охватило очень нехорошее предчувствие. Это самое предчувствие шептало: «Продолжение тебе не понравится! Не спрашивай!», но разве могла я промолчать?

– И что дальше?

Юдисса потупилась на миг, а потом вздохнула и протянула мне знакомый листок.

– Он оставил это в комнате, – пояснила подруга. – На самом видном месте.

Дурное предчувствие усилилось стократно, но листок я всё-таки приняла. Это была та самая записка, только под моим посланием рукой герцога Кернского было выведено:

«Дорогая А., не волнуйся. Разберусь».

Я не поверила! Подняла ошарашенный взгляд на Юдиссу в надежде услышать, что мне мерещится. Но рыженькая успокоить не попыталась. Наоборот!

– Они отправились в ратушу, – сказала подруга печально. – К старейшинам. Четверть часа назад.

Всё. Конец.

Глава 8

Наверное, я должна была удариться в панику. Или в обморок от ужаса свалиться. Ну или, на худой конец, разреветься. Но нет. Не смогла.

Вместо паники и страха в сердце вспыхнула искорка злости. Ещё миг, и эта искра обернулась настоящим пожаром.

Причём разозлилась я не столько на Дантоса (ну что с осла упрямого взять?), сколько на старейшин. Ведь это именно они решения принимают! А каким будет решение, сомневаться не приходилось. Ждать пощады не приходилось тем более, но…

Я выдохнула и неожиданно для самой себя тихо зарычала. Тут же пихнула записку в декольте, круто развернулась и направилась к расположенному в прихожей шкафу. Распахнув створки, сбросила домашние туфли и схватила сапоги. Потом сорвала с вешалки плащ и поспешила на выход.

Изумлённый оклик мамы и испуганный писк Юдиссы прозвучали где-то на грани и сознания не коснулись. Холодный порыв ветра, ударивший в лицо, тоже остался незамеченным. Равно как и выпученные глаза нашей соседки, которая оказалась поблизости, когда я на крыльцо выскочила.

Последнюю, как понимаю, испугало прежде всего то, что на моих руках не обнаружилось перчаток – нам, одарённым, без них выходить запрещено. Но перчатки были последним, о чём я могла в данный момент вспомнить.

На ошарашенные взгляды других горожан, мелкую морось с неба и прочие глупости внимания также не обращала. Я была слишком зла и слишком спешила, чтобы отвлекаться на пустяки.

Нет, не бежала, хотя сорваться на бег хотелось очень. Просто точно знала – и так успею. Не могу не успеть!

А где-то глубоко внутри, наравне с пожаром бушевал шторм. Драконья сущность рычала, бесилась и грозилась уничтожить всех и каждого. И вот теперь я точно знала – это не галлюцинация. Я в самом деле её слышу.

Как такое возможно? Не нужно быть гением, чтобы понять: виной всё те же пресловутые семь лет в чешуйчатой шкурке. Причём до этого момента я не сознавала истинного масштаба нашего слияния. А вот теперь, торопливо шагая к ратуше, поняла.

Именно сейчас стало ясно – способность к трансформации уже никогда не восстановится, отныне я могу превращаться только в карликового дракона. Расстаться с золотым толстопопиком тоже не выйдет – мы одно целое.

Наверное, эти мысли должны были огорчить, но я наоборот

разулыбалась. Порадовалась, несмотря на то, что там, впереди, ждала битва, исход которой был совершенно неясен. Впрочем, в одном я была уверена железно – что бы ни случилось, герцог Кернский выживет.

Он будет жить, я сказала! Будет, и точка.

Именно в таком настроении я пересекла центральную площадь и взбежала по широким ступеням. С этим же настроением приоткрыла тяжелую дверь и скользнула внутрь. А вот обнаружив в холле толпу вооруженных до зубов стражников, споткнулась, чтобы в следующую секунду озвереть окончательно.

Вот, значит, как? Ладно! Ладно, мы ещё посмотрим, кто кого!

Я сделала несколько торопливых шагов к лестнице, ведущей на второй этаж, когда меня настиг грозный оклик:

– Эй, куда!

Ещё три шага, и путь преградил один из стражей.

– Нельзя! – басисто сказал он. – Старейшины заняты и велели не беспокоить.

Страж был выше, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть на него. Со злости не сразу опознала в мужчине того самого седого, который встретил вчера на воротах и чьё имя я так и не смогла вспомнить.

Хорошо представляю, какие эмоции отражались сейчас на моём лице, поэтому лёгкий шок, отразившийся в глазах сородича, не удивил ничуть. Его желание повторить то, что и так расслышала, тоже было понятно.

– Нельзя. Заняты.

Я не хотела отвечать, но всё-таки пришлось.

– Можно, – процедила раздраженно. – Уж кому, а мне точно.

Тихо рыкнув, я шагнула в сторону в попытке обогнуть мужчину и продолжить путь. Но страж оказался не слишком умным – он снова дорогу заступил и даже открыл рот в явном намерении сказать уже надоевшее, но…

– Вы забыли, кто перед вами?! – не выдержав, взревела я.

Сородич слегка побледнел и отшатнулся, а я подняла руки, показывая – перчаток нет.

Думаю, именно этот факт стал главным аргументом в споре. С одной стороны, несмотря на свой побег и прочие непослушания, я была одарённой, а причинять вред одарённым запрещено категорически. С другой, я пришла без перчаток. Здесь и сейчас я могла считать сущность стража – а кому охота делиться самим собой? Особенно с учётом того, что после трансформации одарённый узнаёт довольно много об «объекте». Ведь вместе с обликом метаморф считывает вкусы и желания, которые… не всегда достойны.

Так что да! Седой отшатнулся! А я подхватила подол и помчалась дальше. К той самой лестнице, потом по коридору, прямиком к кабинету старейшины Нила.

Как одарённая, я отлично чуяла тех, в чьих руках находилась судьба нашего народа, и они, разумеется, ощутили меня. Но это ничегошеньки не меняло! А старейшины, даже если и хотели среагировать, сделать этого не успели. Я была быстрей!

Подлетев к кабинету, я рывком распахнула дверь и вошла. Картина, которая предстала взгляду, была вполне ожидаемой: старейшина Нил сидел за огромным столом и сильно напоминал древнего злобного паука; старейшина Дурут размещался за спиной Нила – стоял, опершись рукой о спинку кресла; Ждан замер у окна и до моего появления явно притворялся, будто любуется пейзажем. Ну а чужаки…

Герцог Кернский и Вернон сидели в гостевых креслах, у стола старейшины Нила. Оба в стильных, сшитых по последней столичной моде камзолах, оба – безоружные, но важные и точно уверенные в том, что им ничего за эту выходку не будет!

Жутко захотелось придушить обоих, но я этот порыв сдержала. Всё-таки не к чужакам пришла, а к старейшинам. И так как в центре паутины находился Нил, именно к нему и обратилась.

– Не смейте! Не смейте, слышите? Если хоть один волос упадёт…

Дыхание внезапно закончилось, а сил стоять на месте не было изначально. Поэтому я устремилась вперёд и, лишь преодолев половину расстояния, остановилась. Ладони сжались в кулаки, сердце зашлось бешено, и краска к щекам прилила – но это не смущение было, а ярость.

– Если хоть один волос, то… то я… Я ещё не знаю, что сделаю, но клянусь – вы очень пожалеете!

Увы, эмоции оказались сильнее слов, и я опять замолчала, а бывший учитель этой ситуацией воспользовался. Голос Ждана прозвучал очень спокойно, будто в этот кабинет каждую минуту по взбешенной девице врывается.

– Астрид, что стряслось?

Ух ты! Какая прелестная попытка сохранить лицо перед гостями! Неужели думают, что мне не хватит сил сказать правду? Неужели верят, что стану прикрывать их подлые делишки?

Я мазнула взглядом по лицам Нила и Дурута – метаморфы были крайне недовольны. Маг Вернон, наоборот, смотрел с огромным любопытством. А вот Дантос…

Герцог Кернский был предельно спокоен и глядел так, будто происходящее его вообще не касается. Только светлые брови были

приподняты в подобии лёгкого удивления. Мол, что за город такой? Что за легкомысленность в отношении к властям? Как можно врываться в кабинет и мешать серьёзным переговорам? Что за цирк?

Вот эта реакция Дантоса меня и добила. Но я не взъярилась – наоборот! Я протрезвела и смогла взять себя в руки. Смогла собраться и сказать, обращаясь опять-таки к Нилу:

– Вы не посмеете убить этих людей. Если причините им хоть малейший вред, я за себя не отвечаю. Понимаю, что мои угрозы кажутся вам смешными, но поверьте, вы очень пожалеете, если…

– С чего ты решила, что мы собираемся их убить? – перебил старейшина Дурут злобно.

Я послала старику исполненный ненависти взгляд. Какой интересный вопрос! Какой… риторический!

Но я всё равно собралась на этот вопрос ответить! Вот только не успела…

– Астрид, прекрати, – вновь подал голос Ждан. – Старейшина Дурут говорит правду: никто этих людей не тронет.

Бывший учитель замолчал на миг, а потом всё-таки объяснил:

– Они защищены личным приказом Роналкора и, следовательно, нашей клятвой, данной императорскому дому. Их никто не тронет. Никогда.

Что-о-о?

Шок? Нет, шок – мягко сказано. Это было что-то другое, что-то сверх!

Какой такой приказ? Какая, бес вас всех пожри, клятва? Метаморфы никому не подчиняются! Мы сами по себе! Мы вне законов империи!

Вот только подтверждать мою убеждённость никто не собирался. Более того, старейшина Ждан сложил руки на груди и пояснил тоном, который всегда использовал на занятиях:

– Астрид, если бы ты закончила обучение, ты бы знала, что всё не так просто. Что абсолютной свободы не существует и за всё в этой жизни приходится платить. Мы, народ метаморфов, тоже платим. Мы подчиняемся императорскому дому. Несколько веков назад, когда только образовалась империя, нам пришлось вступить в переговоры и дать клятву верности. И есть приказы, нарушить которые не сможем, даже если захотим. Это… – Ждан кивнул на стол старейшины Нила, где, кроме прочего, лежал какой-то подозрительный листок с печатью, – один из них.

Я… нет, я не то чтобы не поверила, но растерялась сильно.

Клятва верности? Приказ, который не можем нарушить? А разве такие вообще бывают?

Бывший учитель ход моих мыслей понял, и пусть ситуация к

разговорам не располагала, всё-таки пояснил:

– Это была особенная клятва, Астрид. На крови одарённых. Ритуал проводил личный маг первого императора, и магия, которую он использовал… как понимаю, сейчас такой не знают. Это было что-то очень сложное, старинное и невероятно сильное.

Верить Ждану не то что не хотелось, но это было сложно. Ведь нам с самого детства твердили: метаморфы никому не подчиняются! А тут…

И я бы, наверное, решила, что заверения старейшины – уловка, если бы не один крошечный эпизод. Мне слишком ясно вспомнился Роналкор, вскрывающий коробку с нарядами, подаренными принцессой Мисси. Его улыбка, хитрющий блеск глаз, и сопоставление имени маленького дракона с именем кузины, которой грезил Дан.

Я видела, чувствовала и знала – в этот миг Роналкор понял всё! Император меня раскусил! Но думать об этом не хотелось категорически, потому что… ну не увязывалась его осведомлённость с моей картинкой мира.

Зато теперь всё становилось на свои места. И я понятия не имела, как к этому относиться.

– Мы не сможем убить этих людей, Астрид, – повторил тем временем Ждан. И добавил очень-очень мягко: – Ты зря разнервничалась.

А вот теперь… теперь я поняла. Причём поняла очень многое! И главное – осознала, что выставила себя законченной идиоткой.

Драконья сущность, которая всё это время бесилась ничуть не меньше, а может, и больше, нежели я, резко замолчала и притворилась, будто её тут вообще нет. Я же, вопреки желанию, залилась краской. Даже уши вспыхнули!

Я взглянула на Нила и Дурута – старики пребывали в молчаливом бешенстве. Потом скосила глаза на Вернона – маг лучисто улыбался. А вот взглянуть на герцога Кернского храбрости не хватило. И вообще…

И вообще стало совершенно ясно, что пора заканчивать!

– Простите, – сказала я. Вопреки опасениям, голос прозвучал не так уж жалко. – Простите, я, наверное, пойду.

Старейшина Дурут открыл рот в явном намерении сказать какую-то колкость, но всё-таки промолчал. Нил даже не шевельнулся, равно как и Вернон. А я отступила на шаг, сделала книксен. Потом выпрямилась, развернулась и неспешно направилась к выходу.

В голове в этот миг звучал лишь один вопрос: Леди Судьба, зачем ты позволила мне это сделать? Почему не остановила?!

Иду! Иду и стараюсь не думать о гробовой тишине, которая заполнила кабинет. Не чувствовать сверлящих спину взглядов, не опускать голову и не горбиться.

Да, опозорилась. Да, позор был невероятным! Но, с другой стороны, откуда мне было знать, что есть какая-то клятва? Что Роналкор мог дать какой-то особенный приказ?

Ах, обучение… Но кто виноват в том, что я его не закончила? Кто повинен в том, что девять лет назад мне пришлось бежать из Рестрича? Ну же, ответьте! Кто?

И что мне оставалось делать в этой ситуации? Сидеть и ждать? Молиться и верить, что всё впервые в жизни обойдётся? Нет. Я бы не смогла. Я бы сошла с ума раньше, чем всё закончилось!

Иду. Сердце колотится бешено, стук собственных каблуков пугает жутко. Опять хочется сорваться на бег, но это уже перебор. Я должна уйти как леди, с достоинством. Это единственный шанс сгладить жуткое впечатление, которое произвела.

Иду…

Иду и искренне пытаюсь верить в лучшее. А дверь кабинета, которую я оставила распахнутой, как назло, начинает закрываться. Медленно так, плавно… Словно её гуляющий по коридору сквозняк подтолкнул.

Иду. В момент, когда оказываюсь в полушаге от двери, створка захлопывается. Только я значения не придаю – уверенно берусь за ручку и толкаю, но…

Что за бес? Почему эта дурацкая створка не поддаётся?

Толкаю ещё раз, и опять, и снова! После пятой попытки в мысли закрадывается очень нехорошее подозрение. Я хмурюсь и, не выдержав, оборачиваюсь.

Вернон! Сотрудник управления магического надзора сидит в том же кресле, в той же позе, но его улыбка стала другой – на лице мага высшая степень удовольствия! Словно что-то очень хорошее сделал, очень правильное.

Угу. Понятно.

Стою. Стою и смотрю! Правда, терпения нет никакого, поэтому выдерживаю всего секунду. А потом говорю прямо:

– Вернон, прекрати.

– Милая леди, мы знакомы? – после «удивлённой» паузы «невинно» интересуется маг.

Я по-прежнему ужасно смущена, но от этого тона хочется зарычать. Что он себе позволяет? Как… как вообще смеет меня удерживать?!

– Вернон, отпусти дверь, – повторяю строго.

А в ответ слышу:

– А с чего вы взяли, что я её держу?

Сволочь! Актёр недобитый! Он даже не пытается скрыть, что врёт!

Но это, как оказалось, полбеды.

Дантос. Герцог Кернский! Всё это время я старательно не смотрела в его сторону, а теперь посмотреть пришлось, потому что…

– Я помогу, – сказал блондинчик и, поднявшись из кресла, медленно направился ко мне.

К непробиваемому спокойствию государственного мужа, коим прикидывался Дантос, добавилась улыбка. Она была настолько вежливой, что заподозрить их светлость в коварстве не смог бы никто в целом мире.

А у меня от этой его улыбки мурашки по коже побежали, а драконья сущность перестала прикидываться ветошью и непрозрачно намекнула – надо драпать!

Я была полностью на побег согласна, но вот беда – бежать-то некуда. Единственная дверь заблокирована, а обернуться драконом, чтобы прыгнуть в окно, банально не успею. Поэтому…

Стою. Стою и наблюдаю за приближением герцога Кернского! И понятия не имею, что делать дальше.

К моменту, когда Дантос оказывается в полушаге, успеваю умереть и возродиться тысячу раз. А потом ощущаю знакомый аромат его тела, и объятый паникой разум начинает плавиться.

Зато герцог Кернский, в отличие от меня, собран и предельно спокоен. Он аккуратно толкает дверь, и пусть я стою спиной и не вижу, но точно знаю – вот теперь эта мерзкая створка соизволила-таки открыться.

– Ну вот и всё, – говорит их светлость. Кажется, эта реплика касается двери, но я не уверена. Правда, желания уточнить не возникает, а повернуться к Дану спиной не могу из соображений безопасности.

В итоге… делаю шаг назад. И да, в этот миг окончательно убеждаюсь, что дверь открыта – преграды за спиной нет. Зато есть Дантос, который тоже шаг делает. Шаг навстречу!

Расстояние между нами сокращается до минимума, и я вновь отступаю. А герцог Кернский наоборот! Причём всё это с прежней очень вежливой улыбкой и… в могильной тишине.

Прекрасно сознаю, как мы смотримся со стороны, и шок старейшин понимаю. И я бы даже взялась посочувствовать старичкам и Ждану, но в данный момент сочувствовать получается лишь себе.

Я пропала. Хотя нет, пропала – слишком мягкое слово. Я… меня… мне… Ох, Леди Судьба, за что?!

Новая попытка отстраниться, но Дантос не дремлет. Ещё шаг, но блондинчик снова настигает. Когда оказываемся в коридоре, я невольно скашиваю взгляд на дверь и вижу, как та начинает закрываться. Несколько секунд и… всё. Мы полностью отрезаны от кабинета старейшины Нила и всех свидетелей!

В этот миг едва удерживаюсь от стона – ну почему я в истинном обличье? Почему я не дракон?!

Будь я Астрой, то вскинула бы сейчас морду, подарила долгий взгляд янтарных глаз и сказала: пупсик, ты только посмотри, какая я маленькая! Посмотри, какая я красивенькая! Ну разве можно на такую маленькую и красивенькую ругаться?

А он ругался! Пусть на губах Дана играла всё та же ну о-очень вежливая улыбка, драконья сущность подсказывала – блондинчик даже не зол, он в ярости! Ну а главный ужас в том, что я сама была не столько напугана, сколько счастлива. Почему? Нет, не знаю.

Но именно это ощущение счастья придало смелости и заставило снова посмотреть в глаза герцога Кернского. Взглянуть на него, чтобы через миг услышать ласковое, но чуточку зловещее:

– Ну что, счастье моё. Набегалась?

Захотелось отрицательно качнуть головой, вот только возможности такой мне не дали – блондинчик мягко ухватил за подбородок и накрыл губы поцелуем.

Всё! Мир померк, а сердце застучало бешено! И хотя я не собиралась потакать желаниям Дантоса, но не ответить на поцелуй не смогла. Видимо, пережитый страх за его жизнь сказался. Ну и вся эта жуткая ситуация с моим явлением к старейшинам заодно.

Впрочем… к чему гадать о причинах? В этот бесконечный миг они были совершенно неважны. Здесь и сейчас не существовало ничего кроме умопомрачительного и такого родного запаха и очень тёплых, бесконечно ласковых губ.

Дантос целовал… Сообразив, что отворачиваться не буду, он отпустил мой подбородок и заключил в капкан объятий. Я же, оказавшись прижатой к сильному мужскому телу, совсем с ума сошла. Не заметила, как мои ладони легли на его плечи и тут же заскользили вверх. Как пальцы сорвали заколку и запутались в светлых волосах.

Зато лёгкий укус в губу, которым одарил герцог Кернский, незамеченным не остался. Но я не обиделась, нет! Я понимала, чем заслужила такое отношение, и… укусила в ответ.

Потому что он тоже заслужил! Он заслужил в тысячу раз больше! Потому что удерживал меня, подсовывал магические

маячки, а потом ещё и облаву на выезде из столицы устроил! И он… он в Рестрич приехал! Выведал, выяснил и…

Хотя теперь я даже рада. Ведь если бы не мой побег и эта поездка, император бы вряд ли отдал тот особый приказ. Без этой поездки у Роналкора просто не было повода думать об опасности для Дана. Впрочем, если бы я осталась и представилась кузиной, Роналкор, вероятно, поступил бы так же. Но кто знал, что наш правитель осведомлён о существовании метаморфов? Кто знал, что мои сородичи дали клятву его семье?

– Дурочка, – прервав поцелуй, выдохнул Дантос. – Какая ты ещё маленькая и глупая.

Я с этим выводом не согласилась, но желание поспорить было мелочью в сравнении с другим – с желанием опять ощутить вкус и ласку поцелуя. Поэтому я вновь прикрыла глаза и чуть запрокинула голову, подставляя губы.

Целуйте, ваша светлость. Ну же!

Дантос подчинился. В этот раз всё было медленней, но жестче. Теперь герцог Кернский не просто целовал, а будто пытался объяснить, насколько я не права. А мне нравилось! И я была готова «слушать» эти объяснения до скончания времён, но…

Звук удара! Причём очень сильный. А за ним приглушенный, но вполне различимый вопль:

– Господин Вернон, отпустите дверь! Немедленно!

Ну а за воплем – топот множества ног, разбавленный бряцанием металла. И топот этот, конечно, с каждой секундой становится всё громче.

Странно… Почему стража только сейчас сюда помчалась? Я думала, что они сразу, прям вслед за мною полетят.

Второй звук удара привёл к тому, что Дантос прервал поцелуй, но из объятий не выпустил. Просто переместился, встав так, чтобы видеть и дверь, и ту часть коридора, со стороны которой бежала стража. Я в этот миг оказалась в позиции живого щита, однако Дану ситуация не понравилась. Он даже попытался задвинуть меня к себе за спину, но я упёрлась и не далась.

Собственно, именно в момент этого маленького противостояния нас и застукали. Причём все! И добежавшие вояки, и выпущенные из западни кабинета старейшины, и ушлый столичный маг Вернон.

– Что здесь… – начал было старейшина Дурут.

Но был перебит Нилом, который возопил:

– Да как вы смеете?!

Реплика адресовалась герцогу Кернскому. А тот, будучи человеком культурным, проигнорировать вопрос, конечно, не мог:

– Смею, старейшина.

Голос Дана прозвучал доброжелательно и ровно, но оттенок издёвки уловили все. В результате Дурут и Нил побагровели, а стражники сделали дружный шаг вперёд.

– Нет! – А это уже старейшина Ждан в разговор вклинился. – Чужаков не трогать.

На лицах наших вояк отразилось хмурое недоумение, но…

– Это приказ, – пояснил Ждан холодно, и стража всё-таки отступила.

Правда, легче от этого не стало. Просто стража-то отошла, а вот старейшина Нил… Увы, но старик начал впадать в крайнюю степень бешенства.

– Вы… – гневно процедил он. – Как вы смеете? Отпустите девушку. Сейчас же!

Несмотря на все противоречия, девушка отпускаться не желала. Хуже того – она была готова вцепиться в герцога Кернского клещом! Но лишь до тех пор, пока сквозь толпу слегка дезориентированной стражи не пробились двое мужчин в гражданском. Оба не слишком высокие, жилистые, черноволосые и… зеленоглазые.

Вот тут я опомнилась. Опомнилась по-настоящему! И хотя умом понимала, что отпираться поздно, вывернуться из объятий Дантоса всё-таки попыталась.

Эта попытка спровоцировала новый вопль Нила, но негодование старейшины не шло ни в какое сравнение с выражениями лиц моих ближайших родственников. Отец красноречиво сжал кулаки, а Торизас…

Нет, реакция Тора была сложней. Сперва на лице брата проступило изумление, затем подозрение, ещё миг, и Тор догадался – с блондином не всё так просто, как я рассказывала вчера! И вот после этой догадки челюсти сжались, на щеках проступили желваки, а взгляд устремился к рукояти меча, висевшего на поясе близстоящего стража.

Хорошо, что последний сам за ту рукоять держался, иначе всё могло кончиться совсем печально.

– Что здесь творится? – выдохнул отец. – Что за…

– …балаган? – закончил за папу Тор и решительно шагнул вперёд.

Жутко хотелось попятиться, но возможности, увы, не было. Она появилась спустя вечность, когда герцог Кернский присмотрелся к новым участникам скандала и всё-таки выпустил меня из захвата.

Но и теперь легче не стало. Более того, желание спрятаться или вообще оказаться подальше, достигло пика! Просто Дантос не придумал ничего лучше, чем отвесить лёгкий поклон и сказать,

обращаясь к моему отцу:

– Простите, мы не представлены.

Это, разумеется, был намёк. Толстый такой и совершенно непрозрачный! И когда старейшина Ждан прочистил горло в явном намерении взять слово, я невольно поёжилась и оглянулась на ту часть коридора, которая была свободна от стражи.

Если бы не знала, что там тупик, то непременно сорвалась с места, а так…

– Ваша светлость, позвольте представить, – сказал бывший учитель басисто. – Господин Трим, отец Астрид. А это, – Ждан указал на играющего желваками Тора, – Торизас, её брат.

И уже после приличной моменту паузы:

– Господин Трим, Торизас, позвольте представить вам их светлость герцога Кернского. До этого момента он утверждал, что приехал в Рестрич дабы решить вопрос наших налоговых льгот.

Лица Дантоса я не видела, зато лицо старейшины Ждана – преотлично. Мой бывший наставник был собран и серьёзен, но на последних словах губы дрогнули в насмешливой улыбке.

Но выходка Ждана была сущей мелочью в сравнении с той, которую в следующий миг учинил Дан.

– Очень рад знакомству, – одаривая отца и Тора новым учтивым поклоном, сказал блондинчик. Тут же выпрямился, расправил плечи и продолжил, обращаясь уже исключительно к папе: – Старейшина прав, налоговые льготы лишь предлог. Я приехал в Рестрич с совершенно иной целью. Господин Трим, я должен признаться: я бесконечно влюблён в вашу дочь, в Астрид. И я приехал, чтобы просить её руки.

Что-о-о?!

Мой шок был буйным, но беззвучным. Впрочем, сородичи, которым довелось стать свидетелями столь вопиющего предложения, тоже промолчали. Отец и тот слова вымолвить не смог. Единственным, кто не утратил дар речи, стал Нил.

– Вы с ума сошли? – выдохнул он. – Да как вы… да как вам… Как вам только в голову пришло?!

Я стояла очень неудачно, в том смысле, что лица Дантоса видеть не могла, только профиль. А тут он ещё и повернулся, так что выражение аристократической физиономии должно было остаться тайной. Но интонации, прозвучавшие в голосе, завесу всё-таки приоткрыли. Насмешка! Лёгкая, беззлобная, но всё-таки.

– Не понимаю, чему вы удивляетесь, – сказал герцог Кернский. – Мне моё стремление кажется очень логичным.

Старейшина Нил побагровел, крепче сжал кулаки, а через миг вздёрнул подбородок и процедил:

– Нам бесконечно льстит ваше предложение, но ответ только

один – нет.

И добавил, будто без пояснений не ясно:

– Астрид не выйдет за вас. Это исключено.

Дана слова старейшины не впечатлили. Более того, он повернул голову и уставился на моего папу, наивно полагая, что только тот имеет право распоряжаться судьбой дочери. Впрочем, будь упрямый блондин одним из нас, и не будь я одарённой, так бы оно и случилось, но…

– Вы не можете претендовать на руку Астрид, – встрял в разговор уже Дурут. Не менее разгневанный, нежели Нил. – Император дал вам неприкосновенность, но принудить нас к подобному союзу он не в праве.

Я пребывала в настоящей растерянности, но вот это «нас» откровенно задело. Я встрепенулась, нахмурилась, бросила гневный взгляд на Дурута, а потом… решилась посмотреть на папу.

От изумления, охватившего мастера Трима в момент, когда Дан озвучил причины визита, следов уже не осталось. Теперь папа был спокоен и хмур. И смотрел исключительно на меня!

Опять захотелось попятиться. Просто не далее как вчера я рассказывала родным о жизни вне Рестрича и ни словом о каких-либо герцогах не обмолвилась. Но кто же знал, что Дантос заявится в город? Да ещё с такими предложениями!

– Астрид? – позвал отец, и я невольно вздрогнула.

А в следующий миг вновь растерялась, потому что папа спросил:

– Астрид, а что скажешь ты?

Мы оба прекрасно знали – моё мнение значения не имеет, равно как и его. Но этот интерес, это участие… они согрели сердце. И я даже открыла рот, чтобы ответить, но увы. Старейшина Нил оказался проворней.

– Ничего не скажет! – рявкнул старикан. Тут же шумно втянул воздух и обратился уже к Дантосу: – Ваша светлость, наш ответ – нет. И принудить нас к иному решению вы не вправе. Вопросы брака касаются традиций нашего народа, а эта сфера вне влияния Роналкора. К тому же, Астрид уже помолвлена. В скором времени она выйдет замуж за…

– За кого это?! – перебил Торизас возмущённо, а я…

Нет, никакой настороженности! И даже остатки оцепенения спали. Просто лично мне пояснений не требовалось, я прекрасно поняла, о ком говорит Нил. И сдержаться, конечно, не могла.

– Я не выйду за Гертона! – отчеканила звонко. – Никогда!

Оглушительная тишина, наступившая после моего заявления, длилась недолго. То ли секунду, то ли две. А потом…

Дурут и Нил зашипели, стражники дружно выдохнули, отец хмыкнул, Торизас фыркнул, а герцог Кернский повернулся ко мне и спросил, грозно щуря глаза:

– Кто такой Гертон?

Всё. Терпение кончилось! Причём не у меня, а у единственного, кто остался в трезвом уме, – у Ждана.

– Хватит! – рявкнул бывший наставник. И когда в коридоре ратуши вновь воцарилась оглушительная тишина, повторил уже спокойнее: – Хватит.

Он отстранился от двери и, сделав приглашающий жест, скомандовал:

– Астрид!

Я подумала и подчинилась. Юркой мышкой прошмыгнула мимо рассерженного герцога и взбешенных старейшин, чтобы вновь оказаться в просторном кабинете. А за спиной прозвучало:

– Трим, Торизас!

Обернувшись, я увидела, как в кабинет входят отец и брат. За ними улыбчивый, вопреки ситуации, Вернон. Ну а уже за магом остальные. Собственно, все, кроме стражников.

Даже без учёта того, с каким интересом в Рестриче относятся к новостям, решение было разумным – уж кто-кто, а лишние свидетели этому разговору не требовались.

Повинуясь собственному раздражению, я проследовала к окну, у которого прежде стоял учитель. Отец и брат остановились у камина. Вернон вернулся в покинутое гостевое кресло. Дантос садиться явно не хотел, но после некоторых колебаний тоже на прежнее место возвратился. Равно как и Нил с Дурутом.

Ну а Ждан, убедившись, что все заинтересованные лица в сборе, закрыл двери и подошел к моим родичам. Кажется, он хотел взять слово. Вот только не успел.

– Так кто такой Гертон? – буравя меня взглядом, повторил Дан.

Мне было что сказать, но вдаваться в подробности я не стала. Ответила по существу:

– Да так. Один придурок.

Как ни удивительно, старейшине Нилу такой ответ не понравился – старик зашипел и даже попытался подняться из кресла. А Дурут тихо рыкнул и процедил:

– Астрид, придержи язык!

Я фыркнула и отвернулась, чтобы уставиться в окно.

Там, внизу, простиралась главная площадь Рестрича. Снаружи по-прежнему моросил дождь, и ветер гулял такой, что хотелось поёжиться. Но неприятная погода не мешала горожанам «прогуливаться». Сородичи уже учуяли скандал и были готовы на

многое, чтобы узнать подробности.

Это плохо скрытое любопытство вызвало невольную улыбку. Я точно знала: сейчас кто-нибудь из отосланных стражников непременно выйдет из ратуши и шепнёт о новостях. Через полчаса весь город будет в курсе событий. Что ж, в моей ситуации количество сплетен роли уже не играет, так что…

– Ваша светлость, тема закрыта, – вернулся к прерванному разговору Дурут. – Вы не имеете права, а мы…

– То есть для того, чтобы принять правильное решение, вам нужен ещё один приказ императора? – перебил блондинчик.

В такой ситуации любоваться «красотами» Рестрича было уже невозможно, и я, конечно, обернулась. Обернулась, чтобы увидеть прежнюю ярость Нила и Дурута, а также каменное спокойствие Ждана и хмурое раздражение отца.

Торизас тоже хмурился, но, в отличие от остальных, глядел не на чужаков, а… да-да, на меня. В изумрудных глазах брата читалось: «Ну ты и… врушка!»

Обстановка к смущению не располагала, но щёки всё равно порозовели. Пусть на миг, но опустила глаза и, не выдержав, подарила брату виноватую улыбку. Улыбку, которая говорила: «Ну прости, Тор. Прости, но мне пришлось! Только… Дантосу про вчерашнее не рассказывай, ладно? Видишь ли, у герцога Кернского не очень развито чувство юмора. Он точно не оценит».

Опять тишина. В этот раз давящая. Потом шумный выдох – это старейшина Дурут попытался взять себя в руки. Ещё миг, и Дурут отошел от кресла Нила, чтобы приблизиться к одному из шкафов, где хранились книги и бумаги. Он вернулся с каким-то свитком, но не пожелтевшим, а очень даже новым.

– Это копия договора, – швырнув свиток на стол, заявил старейшина. – Здесь перечислены наши обязанности и права. Можете проверить, если моего слова недостаточно, но там чёрным по белому написано: вмешиваться во внутренние дела народа метаморфов император не может. И клятва наша на такие приказы не распространяется.

– А что за клятва? – не постеснялся проявить любопытство Торизас.

На брата мгновенно прицыкнули, а Дан неожиданно разулыбался. Он посмотрел сперва на Тора, потом повернулся и одарил улыбкой меня.

Я не хотела реагировать, но ход мыслей блондинчика был слишком прозрачен – здесь и сейчас Дан намекал на чью-то семейную наглость. Пришлось надуться и задрать подбородок. Чья бы корова мычала! Чей бы барашек блеял!

– Вы не можете! – обрывая войну взглядов, припечатал

Дурут. – Астрид выйдет замуж согласно традициям, и…

Договорить старик не потрудился. Видимо из-за того, что Вернон привстал и ухватил со стола свиток. Под ненавидящими взглядами двух старейшин маг вновь развалился в кресле и принялся изучать документ.

Столь подчёркнутое недоверие стало поводом для новой оглушительной паузы, нарушить которую довелось всё тому же Дантосу.

– Ладно, и что же там с вашими традициями?

Нил и Дурут дружно скривились, а Ждан хмыкнул и ответил:

– Мы не заключаем брачных союзов с чужаками.

– Никогда? – поспешил уточнить блондинчик.

Я была твёрдо убеждена – сейчас мой бывший наставник отрицательно качнёт головой, и тема будет закрыта. Но вместо этого Ждан вдруг пожал плечами и на миг, но всё-таки потупился.

– Старейшина Ждан! – воскликнул Нил гневно, но было поздно.

Незваные гости заметно напряглись и требовательно уставились на самого молодого из старейшин. А тот снова пожал плечами, сказал, обращаясь к коллегам:

– Вам не хуже меня известно, что прецеденты были. И я не думаю, что это нужно скрывать.

Нил зашипел, Дурут зарычал, а герцог Кернский расслабленно откинулся на спинку кресла и сказал ещё более неожиданное:

– Уважаемые старейшины, я, видимо, как-то не так выразился. Давайте проясню? Я приехал в ваш прекрасный город за Астрид, и без неё Рестрич не покину. И у нас с вами только один вариант – договориться. Если господин Трим не против свадьбы, просто озвучьте свои условия. Чего вы, – и это «вы» блондинчик подчеркнул, – хотите?

Кто-то шумно и крайне возмущённо вздохнул. И я не сразу сообразила, что этим кем-то была я сама. Просто мнение господина Трима и старейшин – это замечательно, но… но как же я? Как же моё мнение?!

Однако, в отличие от ситуации с упоминанием Гертона, я сдержалась и промолчала. Но реакцию мою всё равно заметили, правда оценить её только герцог Кернский смог. Он повернул голову, подарил лёгкую улыбку и… и собственно всё.

Это вопиющее отношение стало поводом поджать губы, но желание высказать всё, что думаю о самоуправстве некоторых аристократов, я опять-таки сдержала. Не знаю почему. Просто сдержала и всё.

Зато старички наши сдерживаться не собирались, и в этот раз

слово взял Нил…

– Ваша светлость, вы всё-таки не понимаете, – зашипел он. – Ни о какой свадьбе речи быть не может. Астрид останется здесь, и это не обсуждается. Она…

Всё. Вот теперь действительно всё. Терпение у упомянутой особы кончилось, и пусть она не имела никакого желания потакать чужакам, но потакать старейшинам хотелось ещё меньше.

Что эти два пенька себе позволяют? Как смеют? Я прекрасно знаю обычаи нашего народа, но я не вещь! Да, я совершила ошибку, но эта ошибка не даёт старейшинам права вести себя подобным образом. Тем более в моём присутствии.

– За Гертона не пойду! – сжав кулаки, рыкнула я. – И прежде чем разговаривать с герцогом Кернским в подобном тоне, потрудитесь поблагодарить его за помощь, оказанную нашему народу!

– И что же он такого сделал? – презрительно сощурив глаза, фыркнул Дурут.

– Спас жизнь одарённой!

Старейшины спесь не утратили, но вздрогнули. А я крепче сжала кулаки и вперила исполненный ненависти взгляд в Нила.

Угу, забыть традиции своего народа я действительно не успела. И согласно этим традициям, тому, кто спас одарённого от гибели, полагаются почёт и уважение. А ещё перед такими все двери открыты. И у них есть право просить об ответной помощи!

– Врёшь, – выдохнул Нил. Тут же поджал губы, скорчил самую отвратительную из всего набора своих гримас. – И вчера, как понимаю, ни слова правды не сказала.

Шпилька была обоснованной, но я не растерялась.

– Не вру. Действительно спас. Если б ни Дантос, мы бы сейчас не разговаривали.

Пространство вновь затопила тишина, но лишь на минуту. А потом старейшина Дурут пробормотал:

– Лучше бы не спасал. Лучше бы прибил. – И добавил тихо, но с чувством: – Одни проблемы от тебя, Астрид.

Отец с Тором вскинулись, а герцог Кернский, наоборот, улыбнулся.

– Готов избавить вас от этой проблемы прямо сейчас, – мягко сказал он.

– Нет! – отчеканил Нил. И уже мне, причём предельно злобно: – А с тобой мы ещё поговорим. Ты ещё… ты всё расскажешь!

Стоило испугаться, но я не смогла. И пусть замуж за Дантоса не собиралась, сказала:

– Нравится вам или нет, но этот человек имеет полное право претендовать на мою руку. А если вдуматься, то прав у него гораздо больше, чем у того же Гертона.

Ну вот. Старейшина Нил в который раз побагровел, а я, глядя на ярость этого ядовитого паука, окончательно утвердилась в мысли – никаких Гертонов! Если самого одарённого я несмотря ни на что выдержать всё-таки способна, то его прямого родственника – ни за что!

– Ас-стрид, – прошипел уже Дурут, но продолжения перебранки не случилось.

Бывший учитель, которой точно относился к ситуации проще стариков, шагнул вперёд и заявил:

– Господа старейшины, я думаю, что споры неуместны. Я предлагаю уединиться и обсудить. Желания их светлости ясны, и его намерения, как понимаю, не изменятся. И мастер Трим, как вижу, на этот брак согласен. Так что…

Я не выдержала и взглянула на отца. И замерла на миг, потому что улыбка, озарявшая лицо папы, была такой тёплой, такой бесконечно красивой. Торизас, как ни странно, тоже радовался – брат даже подмигнул мне, явно не сомневаясь в том, что… что у Дантоса получится?

А вот эта мысль стала ушатом ледяной воды. Я неосознанно заломила руки и сделала несколько нетерпеливых шагов вдоль окна. Драконья сущность заворочалась и зарычала, словно пытаясь сказать о чём-то, а я…

Я совсем растерялась. Чувства, которые захватили душу, были настолько странными, настолько непонятными… Не хочу за Дантоса! Как можно идти за мужчину, который даже не спросил твоего согласия? Но видеть рядом с собой кого-то кроме несносного блондинчика, тоже не хочу! И Рестрич этот проклятый… Тут родители и Тор, и я рада остаться, но с другой стороны… если быть честной, меня от этого города тошнит. И особенно тошнит от старейшин. Причём гораздо сильнее, чем в прошлый раз.

Нил и Дурут ведут себя так, будто никакого побега не было. Только Ждан что-то понял и давить уже не пытается. Более того, бывший наставник явно на стороне Дантоса, но… почему? Неужели думает, что с герцогом Кернским мне будет лучше?

Нет. Нет и ещё раз нет! Я не просто растерялась – я окончательно и бесповоротно запуталась. Я же не люблю Дана! А он… А они…

От всего этого захотелось разреветься. Пришлось даже отвернуться к окну, чтобы никто не заметил. Ну а когда справилась с собой и повернулась обратно, узнала – старейшин в

кабинете уже нет. Мы остались впятером, и в этот раз многострадальная тишина была совсем особенной, и я понятия не имела, как её преодолеть.

Зато Торизас знал…

– Я видел вас на постоялом дворе, – сказал он, обращаясь к герцогу.

– Я тоже вас видел, – отозвался блондин.

Брат улыбнулся и решительно направился к креслу, в котором сидел Дантос. Остановившись в двух шагах, протянул руку и представился:

– Торизас.

Герцог Кернский поднялся, без колебаний ответил на жест и тоже сказал:

– Дантос. Но лучше просто Дан. – И, кивнув на погруженного в чтение мага, добавил: – А это мой друг Вернон.

Лишь теперь маг соизволил вернуться в нашу серую действительность. Улыбнулся. Встал, протянул Тору руку. Потом кивнул стоящему у камина папе и пояснил с лёгким оттенком смущения:

– Форма клятвы очень интересная. Я таких не встречал.

Ещё мгновение, которое потребовалось брюнету, чтобы сообразить – «посторонних» в кабинете не осталось, и взгляд тёмных глаз устремился ко мне, а губы дрогнули в новой, бесконечно лукавой улыбке.

Захотелось сделать книксен и сказать Вернону что-нибудь приятное. Но я не успела, маг оказался проворней.

– Ну что, попка с чешуйками? – весело вопросил он. – Допрыгалась?

Я от такого заявления прям онемела. Раскрыла рот, хватанула воздуха и тут же рот захлопнула. И глаза, кажется, вытаращила.

Правда, этим дело не ограничилось…

Отец и брат! Эти двое бесконечно любимых мною мужчин! Они не возмутились, а совсем наоборот – заулыбались!

– Ну, про то, что попка, многим известно, – сказал папа. – Но почему с чешуйками?

Вопрос был не риторическим, но ответа мастер Трим точно не ждал – кажется, уже сообразил, что количество секретов выше любых пределов. Он оставил свой пост у камина и направился к остальным. Приблизившись, как и Тор, обменялся с чужаками рукопожатием.

И вот только после этого в тишине кабинета прозвучало не слишком, но всё-таки укоризненное:

– Вернон, перед тобой будущая герцогиня Кернская. Имей

уважение.

– Но ведь пока не герцогиня, можно? – ответил Дантосу маг. – Разве нет?

Растерянность? Ощущение, будто запуталась и выхода не вижу? Бессильные слёзы? Нет. Ничего подобного! Все противоречивые чувства растаяли, словно дым! На их место пришло жгучее возмущение.

Я даже начала оглядываться в поисках чего-нибудь тяжелого. Чего-нибудь такого, чем можно швырнуть в гадкого мага, но увы.

А эти четверо самым подлым образом объединились. Теперь стояли, тихо о чём-то беседовали и внимания на меня уже не обращали. Только блондинчик изредка в мою сторону поглядывал и дарил лёгкие вежливые улыбки. И эти улыбки как нельзя лучше отвечали на вопрос Вернона – да, допрыгалась!

Не знаю, как долго это всё длилось – в какой-то миг я утратила связь с реальностью и утонула в иррациональном ощущении счастья. Зато когда в кабинет вернулись старейшины, счастье сменилось нервной дрожью.

Причина? Да просто Ждан был зол, а Нил с Дурутом выглядели умиротворёнными. Ничего хорошего такая ситуация, разумеется, не сулила…

Глава 9

Слово взял не кто иной, как хозяин кабинета. Но прежде чем заговорить, он проследовал к своему столу и опустился в кресло, вновь превратившись в паука, засевшего в центре паутины.

Дурут же, наоборот, остался у входной двери, равно как и Ждан. Впрочем, последний стоял с таким видом, будто пытался отмежеваться от старика. Каждой чёрточкой, каждым жестом показывал – мы не вместе.

Это стало новым поводом насторожиться. Правда, настороженность захватила только меня и моих родных. Чужаки, которые прекрасно видели, что творится, остались совершенно спокойны. Особенно блондинчик – он вообще каким-то расслабленным выглядел.

А потом Нил прокашлялся и заговорил… И вот что интересно: последние семь лет – ну, собственно, с той поры, как на меня ошейник надели, – я тысячу раз признала себя дурой и миллион раз пожалела о побеге из Рестрича. Зато сейчас, слушая речь старейшины, поняла, что сокрушалась напрасно.

Пусть тот побег принёс мне много горя, но поступить иначе я действительно не могла. Более того, если бы я нынешняя, со всем багажом знаний о своих злоключениях, оказалась на месте той пятнадцатилетней девчонки… я бы поступила так же.

Просто это было выше любых пределов. Это было совершенно, абсолютно невыносимо!

– Ваша светлость, господин маг, – начал Нил. – Мы посовещались и поняли… Да, старейшина Ждан совершенно прав: прецеденты были и скрывать их действительно не стоит. Зачем скрывать то, что вы рано или поздно всё равно выведаете? А если не вы, то… – Косой взгляд в мою сторону заставил поморщиться, но Нил реакцией не впечатлился, продолжил: – К тому же, как заметил всё тот же старейшина Ждан, мы всего лишь смертные, и нам не все вопросы подвластны. Есть то, что находится за пределами нашей ответственности. То, что мы в любом случае не можем контролировать.

Я и так на чудо не надеялась, а после этих слов уровень тревоги взлетел до небес. Просто, когда личности вроде Нила начинают перекладывать ответственность на Леди Судьбу – жди не то что неприятностей, а настоящей беды.

– Упомянутые прецеденты, конечно, исключения, и на нашем веку ничего подобного не происходило. Но из исторических записок известно: браки эти заключались не просто так. У каждого смешанного брака была причина.

Губы старейшины растянулись в широкой, не слишком приятной улыбке, а блондинчик… он ответил тем же. И эта откровенная самоуверенность герцога Кернского вызвала новую волну нервной дрожи.

– Вы ведь знаете, что Рестрич не настолько закрыт, как может показаться, – продолжил Нил. – К нам приезжают торговцы, да и некоторые из нас тоже за пределы города выбираются. Вот и случаются порой… встречи.

На последнем слове в голосе старейшины проявились рычащие нотки, что выдавало истинное отношение старика к ситуации. Но внимания на этот момент никто, кажется, не обратил.

– Несколько таких встреч действительно закончились смешанными браками. Но во всех случаях свадьбе предшествовало некое событие. Вернее, целая череда сложных, важных, однозначных…

– Вы хотите устроить мне испытание? – перебил блондинчик ровно.

Старейшина чуть заметно вздрогнул, но благодушного настроения не утратил. Помедлив с секунду, этот паук кивнул, но пояснил:

– Не мы, ваша светлость. Такой подход диктуют прецеденты и традиции. Понимаете, мы не можем отдать Астрид просто так – народ метаморфов не примет подобное решение. А в случае испытания всё иначе. Тут возразить уже нечего.

Если бы эти слова прозвучали в самом начале, можно было подумать, что старейшины совсем не против нашего с Даном союза. Но правда заключалась в обратном, и герцогу Кернскому следовало насторожиться. Только вместо этого…

– Замечательно, – сказал Дантос. И добавил раньше, чем кто-либо разумный успел остановить: – Я готов.

– Готовы? – искренне изумился Нил. А мне пришлось закрыть рот ладонью, чтобы сдержать вопль. – Но вы ещё не слышали условий.

– Условия неважны, – отозвался Дан самонадеянно. – Просто скажите, что делать.

Драконья сущность опять заворочалась, а у меня самой возникло бешеное желание сказать их светлости много добрых, ласковых слов – да-да, из числа тех, от которых уши вянут. Но я опять-таки сдержалась. Слишком хорошо помнила своё нелепое вторжение в этот кабинет. Вероятности, конечно, никакой, но вдруг? Вдруг у несносного блондина и тут всё продумано?

– Что ж… – протянул старейшина. – В таком случае…

Нил на мгновение, но замялся. Потом вскинул подбородок и

продолжил самым доброжелательным тоном:

– Ваша светлость, вы также должны понимать, что Астрид не обычная представительница народа метаморфов. Она наше сокровище. Одарённая! А отношение к одарённым несколько иное, нежели ко всем остальным. Это касается и испытания.

Старейшина замолчал, явно предлагая Дану вступить в диалог, но тот намёк проигнорировал. Просто сложил руки на груди и замер в ожидании пояснений.

В итоге Нил признался:

– Мы выбрали такое испытание, которое убедит всех.

– Что я должен сделать? – спросил блондинчик.

Улыбка, озарявшая лицо старика, стала чуть шире, и теперь в ней промелькнуло нечто зловещее. Но масштаб подлости стал ясен лишь после того, как старейшина сказал:

– Ничего особенного. Просто переплыть озеро Отречения.

Я застыла, не в силах шевельнуться. Брат и отец тоже замерли, шокированно вытаращили глаза. Даже Вернон и тот утратил расслабленный вид и выпрямил спину. И только их сероглазая светлость приняла слова Нила как нечто само собой разумеющееся!

– Хорошо, – произнёс Дантос. – Когда приступать?

В этот миг промелькнула мысль – герцог Кернский про озеро знает! Он прекрасно понял, что сейчас ему предложили просто пойти и умереть.

А вслед за этой мыслью пришла другая, куда более трезвая – блондинчик знать не может! Про что угодно, только не про это.

И пусть я решила помалкивать, пусть в этот момент даже сил говорить не было, всё-таки шагнула вперёд и выдохнула:

– Нет. – И уже твёрже, обращаясь к Нилу: – Вы не посмеете.

Минута тишины, и на губах старика проступила новая улыбка – фальшиво-печальная.

– Астрид, ты же слышала слова их светлости – без тебя он из Рестрича не уйдёт. Раз так, пусть пробует.

– Нет! – рыкнула я.

Но меня не слушали.

– Когда приступать к испытанию? – прежним ровным голосом повторил Дантос.

– Можете попытаться завтра утром, – столь же ровно ответил Нил. – Но…

– Но? – подтолкнул блондинчик.

Ответом ему стал снисходительный взгляд и… слова, которым следовало прозвучать гораздо раньше.

Понятия не имею, почему Нил и Дурут не использовали этот аргумент сразу, но здесь и сейчас показалось – старейшины

придержали знание нарочно, чтобы ударить побольней, в миг, когда всё вроде бы решилось.

– Но прежде вам следует узнать одну достаточно важную деталь, – продолжил Нил. – Мы, метаморфы, внешне очень похожи на людей. Но всё-таки относимся к другой расе, к другому виду. И, в силу этих причин, у метаморфов не бывает потомства от людей. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Дантос застыл, словно в ледяную статую превратился. И пусть я точно знала, что совсем в сероглазого упрямца не влюблена, но в этот миг так больно стало, так обидно. Причём не столько за себя, сколько за нас. У нас и так шансов не было, а тут…

Я закусила губу, чтобы не вскрикнуть, когда Дантос тяжело вздохнёт и откажется от притязаний на мою руку, но…

– Хорошо, – сказала их светлость после паузы. – Хорошо, пусть так. Моих планов это не меняет.

Не знаю, как отреагировали старейшины, – не видела. Просто у меня голова внезапно закружилась и в глазах потемнело. А когда зрение вернулось, я увидела, как герцог Кернский дарит собеседнику скупую улыбку и поднимается на ноги. Потом отвешивает Нилу поклон, кивает Вернону и моим родным. Разница заключалась лишь в том, что Вернона он звал с собой, а с папой и Тором прощался.

На меня тоже взглянул, но мельком. Будто я… не заслуживаю. Будто… провинилась! И хотя основания для подобного отношения у Дантоса имелись, сердце вновь сжалось от обиды.

Правда, обида эта не смогла затмить вызванный происходящим ужас. Забыть о цинизме тех, в чьих руках находится судьба народа метаморфов, тоже не помешала.

Жуть как хотелось броситься за «чужаками», но я сдержалась. Застыла на месте, чтобы в миг, когда дверь кабинета захлопнется, вновь повернуться к старейшине Нилу и повторить:

– Вы не посмеете.

– Ещё как посмеем, – ответил уже Дурут.

Он неспешно подошел к креслу, в котором прежде обретался Вернон, и сел. А вот Ждан… Бывший наставник стоял там же, в той же позе и явно пытался унять злость. Не требовалось быть гением, чтобы понять – если уж старейшина ничего сделать не может, то я и подавно, но…

– Вы не хуже меня знаете, что переплыть озеро Отречения невозможно. Это не испытание, а убийство!

– Нет, Астрид, – откликнулся Нил. – Это не убийство. Никто не принуждает герцога Кернского плавать в нашем озере. Герцог

может покинуть Рестрич, но, видишь ли, отчего-то не хочет.

Последние слова буквально сочились ядом и, как ни странно, задели. Чувство вины острой иглой пронзило сердце, и я едва не вскрикнула от этого ощущения.

– Но эти люди, как понимаю, посланники императора, – вклинился в разговор отец. Очень хмурый, очень смурной. – И если с одним из них что-нибудь случится…

– То ничего не будет, – улыбнулся Дурут. – Он сам попросил об испытании.

– Такого он не просил! – не удержалась я.

Старейшина Дурут не проникся – хмыкнул и улыбнулся шире, а меня опять захлестнули воспоминания девятилетней давности. Этот же кабинет, трое старейшин в компании Лосса, и приговор, который обращает в прах все мои мечты. А потом ещё один приговор, превращающий меня в самку, чей единственный удел – рожать!

Обсуждение? Нет, обсуждать тут нечего. Ты поступишь так, как велено. Хочешь того или нет, но подчинишься приказу – не можешь не подчиниться, потому что решение старейшин обжалованию не подлежит. И даже если попробуешь что-то сказать, тебя просто не услышат. Потому что ты – никто, а вот они…

Они знают лучше! Только они имеют право решать! И будь ты хоть трижды одарённой, ты пыль под их сапогами. Поэтому молчи и терпи. Терпи, иначе уничтожат! И не смей даже помышлять о непокорности. Терпи, Астрид. Терпи!

Увы, на фоне плена эти воспоминания сильно померкли, зато теперь… меня словно молотом по голове стукнули.

Зачем я вернулась в Рестрич? Зачем я сбежала от Дана и приехала в этот бесов город?!

– А приказ императора? – ворвался в мысли раздраженный голос Тора. – Вы упомянули, что Роналкор велел не…

– Забудь про это, – перебил Дурут.

– Как так? – нахмурился Тор.

Старик отмахнулся, но Ждан на вопрос всё-таки ответил:

– Роналкор приказал не трогать этих людей, и мы их не тронем. Герцог Кернский сам на смерть идёт, так что магия нашей клятвы не сработает.

– Магия? – удивился отец. – Какая ещё магия?

Ждан развёл руками, поясняя, что есть вещи, о которых простым смертным знать не положено, а я… Я всё-таки развернулась и направилась к выходу.

– Куда? – рявкнул старейшина Нил.

Я не среагировала.

– Астрид, остановись! Нам нужно поговорить! Сейчас же!

Вот теперь всё-таки обернулась, спросила:

– О чём?

А в ответ услышала именно то, что ожидала:

– О том, где тебя на самом деле носило!

Традиции метаморфов учат относиться с особым уважением к одарённым, а старейшины для многих из нас почти боги. И меня в тех же традициях воспитывали, но показать Нилу грязный жест это не помешало.

Кто-то онемел. Вернее, онемели все, даже Торизас заметно смутился. Так что кабинет я покидала в гробовом молчании и, лишь переступив порог, услышала тихий голос Дурута:

– Оставь её. У нас ещё будет время узнать правду. У нас будет очень много времени…

В этот раз я не торопилась, хотя противная морось усилилась, превратившись в мелкий, но всё-таки дождь. На цепкие взгляды редких прохожих внимания не обращала, на желание расплакаться – тоже. Просто шла. Шла к единственному на весь Рестрич постоялому двору, дабы увидеть несносную светлость.

Увидеть и объяснить! И убедить, чтобы отказался от этой смертельной затеи.

Хочет меня? Ладно. Ладно, я согласна! Только пусть другой, не связанный с озером Отречения способ найдёт. Пусть вернётся в столицу, поговорит с Роналкором. Вместе точно что-нибудь придумают.

А я… буду ждать. Клянусь, я не выйду замуж даже под угрозой казни! Только пусть он уедет. Пусть откажется от этого заведомо провального испытания. Пусть… пусть герцог Кернский останется в живых. Это всё, что мне нужно. Разве так много прошу?

…Я проигнорировала проулок, которым вчера вёл Торизас, и вошла в ресторанный зал постоялого двора через главную дверь. И сразу же напоролась на стоящего за стойкой господина Вейна.

Хозяин заведения, которого годы как будто и не тронули, удивился, но не слишком. Я же мазнула взглядом по пустым столам, сделала книксен и сказала:

– Господин Вейн, чужаки вернулись? Они у себя?

Свекор Юдиссы замер на миг, потом всё-таки улыбнулся уголками губ и кивнул.

– Пожалуйста, проводите меня к ним, – попросила тихо.

Вот теперь хозяин заведения думал дольше и смотрел с огромным сомнением.

– Если боитесь реакции старейшин, то они ничего не сделают, – пояснила я. – Они не могли не понять, куда

направляюсь. Да и вообще… – Я на миг потупилась, но всё-таки сказала: – Простите, господин Вейн, но если вы не проводите, то пойду сама. Мне не до приличий сейчас. Я должна поговорить с герцогом Кернским. Это вопрос жизни и смерти.

– Хорошо, Астрид, – отозвался сородич. – Отведу. Но если что…

– Если что, я вам угрожала, истерила и всячески напоминала о своём даре, – сказала я с готовностью.

На лице Вейна вспыхнула настоящая улыбка. Он кивнул на лестницу с лакированными перилами, и мы отправились на второй этаж, к гостевым комнатам. А дальше – несколько шагов по коридору, тихое уточнение, что нужен мне именно блондин, и осторожный стук в одну из многочисленных дверей.

Стучала, разумеется, не я. Стучал хозяин. Он же и позвал:

– Ваша светлость! Ваша светлость, к вам посетитель!

Через миг дверь распахнулась, и на пороге возник он – Дантос, собственной аристократической персоной. Быстрый взгляд на хозяина гостиницы, долгий на меня. А потом блондинчик шагнул в сторону – то ли приглашая, то ли просто впуская внутрь.

Ну я и вошла. И лишь оказавшись в комнате, заметила Вернона – маг подхватил со стула плащ, весело подмигнул и без всяких просьб поспешил на выход. Разглядев, что кровать в номере одна-единственная, я пришла к логичному выводу, что живут «чужаки» порознь и брюнет отправился к себе…

Ещё полминуты, и мы с герцогом Кернским остались вдвоём. Наедине. Он и я.

Вот только сразу перейти к делу я не сумела. Словно зачарованная смотрела на то, как Дантос закрывает щеколду, поворачивается и неспешно приближается. Как расстёгивает застёжку моего промокшего плаща и позволяет тому опасть на пол. А потом берёт в ладони моё лицо и наклоняется к губам.

В этот миг сердце дрогнуло, разум затуманился, и вместо того чтобы поступить так, как положено порядочным, совершенно не влюблённым девушкам, я сперва ответила на поцелуй, а потом и сама к герцогу Кернскому потянулась.

Точь-в-точь как там, в коридоре городской ратуши, обвила шею руками, прижалась всем телом. А через несколько бесконечно сладких мгновений не выдержала и запустила пальцы в уже распущенные волосы.

А Дантос… целовал. Причём совсем не так, как в прошлый раз, а ласково и настолько нежно, что в какой-то момент начало чудиться – он уже не злится! Но увы. Увы, драконья сущность твердила об обратном. Да так уверенно, что возникло желание

извиниться перед Даном, вот только… губы были заняты.

К моменту, когда блондинчик поцелуй всё-таки прервал и отстранился, чтобы вновь вглядеться в моё лицо, я об этом желании позабыла. Зато о цели визита вспомнила, но, зная некоторых, говорить напрямую поостереглась. Решила зайти издалека…

– Дан, – позвала тихо. И когда блондинчик вздёрнул бровь, непрозрачно намекая, что слушает, опустила ресницы и спросила: – Ты меня любишь?

Смех герцога Кернского был подобен шелесту листвы, и я слегка растерялась. Что смешного-то? Или… или он смеётся, потому что уже нисколечки не…

Додумать не смогла. Просто Дантос вновь наклонился и опять прикоснулся к губам. И пусть этот поцелуй длился всего секунду, но внезапное сомнение развеял полностью.

Любит. Точно любит! А раз так…

– Дантос, я не знаю, с чего начать.

– Начни с начала, – с улыбкой посоветовал герцог Кернский.

Увы, но с начала не хотелось, поэтому я вновь опустила глаза, а Дан притянул ближе и шепнул в ушко:

– Ладно, Астрёныш, не робей, говори как есть. Кстати, твой вопрос я оценил – уже готов к большой и утомительной просьбе.

Вопреки желаниям, я залилась лёгким румянцем, но тянуть всё-таки не стала.

– У меня не просьба, у меня мольба.

Дан снова отстранился, подарил недоумённый взгляд, я же вздохнула и сказала:

– Откажись от этого испытания.

Блондинчик отрицательно качнул головой, а я…

– Дан, они тебя на смерть отправляют, понимаешь?

И прежде чем сероглазый успел сказать «понимаю, но всё равно рискну», накрыла его рот ладонью и выпалила:

– Я буду самой лучшей, самой любящей женой в мире, только, пожалуйста, найди другой способ вывезти меня из Рестрича. Что угодно, кроме озера. Дан, умоляю! На колени встану, если так не услышишь.

В моём голосе прозвучало самое настоящее отчаяние, и герцог Кернский эти нотки точно расслышал. Нахмурился, попытался отодвинуться, чтобы избавиться от моей ладони. В итоге, руку я действительно убрала, но лишь для того, чтобы вцепиться в лацканы модного мужского камзола.

– Дан, клянусь, я никуда не денусь. Буду сидеть здесь, в городе, и смиренно ждать, когда ты что-нибудь другое придумаешь. Я…

– Замуж выйдешь, – перебил блондин. – За этого, как его… За Гертона.

– Да с чего ты взял?!

Ещё миг, и герцог Кернский убрал руки с моей талии, а в глазах уже не изумление плескалось – обида. Дантос просто не верил одной… маленькой и красивой девочке. Хуже того – у него были все основания для сомнений.

– Дан, я клянусь всем, что у меня есть – не подведу. Я дождусь. И ни за что на свете не выйду за Гертона.

Я была совершенно искренна, и Дантос это понял. Он даже сделал полшага вперёд и нехотя, но всё-таки вернул ладони на мою талию.

Впрочем, последнее было обосновано не столько желанием светлости, сколько тем фактом, что я по-прежнему крепко держалась за лацканы его камзола – в итоге поза получалась несколько глупой…

Пара минут молчаливого противостояния, и герцог Кернский спросил уже вслух:

– Как ты себе это представляешь, Астрид?

– Что «это»? – поспешила уточнить я.

– Твоё намерение дождаться.

Я ответила недоумённым взглядом, и герцог Кернский пояснил:

– Старейшины, Астрид. Я общался с ними недолго, но выводы сделать успел. Они не дадут тебе возможности сидеть и ждать. Тебя выдадут замуж, как бы ты ни артачилась.

Дан не выдержал и скривился, а я наоборот улыбнулась.

– Издеваешься? – с прищуром спросил блондин.

Пришлось мотнуть головой, выпустить из захвата камзол и выдать свой простой, но всё-таки гениальный план.

– Если старейшины будут настаивать на замужестве, то я превращусь в дракона.

– И? – явно не понял ситуацию герцог.

– И всё. Никакой свадьбы не будет, потому что женитьба на драконе – бред, а заставить меня сменить облик никому не под силу. К тому же… – Я вздохнула, ещё не зная говорить Дану или нет. Но всё-таки решилась: – К тому же анимализм среди метаморфов строжайше запрещён. И дело не только в уровне изменений, которые приходится пройти для такой трансформации, тут ещё и мораль потопталась.

Дантос снова ответил недоумением, а я улыбнулась. Сказала, опустив ресницы:

– Такая трансформация считается грязной. Думаю, когда сородичи узнают о том, что я семь лет была драконом, женихи

разбегутся сами собой.

Кажется, всё сказала доступно, но кое-кто понял по-своему. Вернее, обратил внимание на самое несущественное.

– Женихи? То есть их много?

Я… нет, не смутилась. Более того – закусила щёку, чтобы не рассмеяться. Просто в голосе герцога Кернского столько неподдельного возмущения прозвучало и… да-да, толика обиды тоже.

Словно это не они, а я! Будто сама, лично, перед толпой метаморфов хвостом крутила и в невесты набивалась! Причём всё это за какие-то жалкие недели, прошедшие с момента нашего с Даном расставания.

– Не смешно, – безапелляционным тоном сообщил блондин.

Конечно, следовало кивнуть и состроить серьёзную мордашку, но я не смогла – хихикнула. В результате была крепко прижата к герцогскому телу и поцелована, причём не ласково, а очень даже жестко.

Зато когда поцелуй прервался, Дан снова заглянул в глаза и спросил предельно серьёзно:

– Это озеро действительно настолько опасно?

– Смертельно, – с горечью пояснила я.

И чуть не упала в обморок, услышав:

– Хорошо, счастье моё. Я подумаю.

Подумаю! Это почти то же самое, что «согласен»! То есть дело за малым – чуть-чуть, самую каплю переупрямить этого сероглазого осла. А потом… действительно буду ждать. И обязательно, всенепременнейше дождусь!

Последнее хотела сказать вслух – просто подстегнуть уверенность Дана, но увы. Прежде чем открыла рот, в носу защипало, а в тишине гостиничного номера прозвучало тихое, но пронзительное:

– Апчхи!

А за ним ещё раз, но уже громче:

– Апчхи-и!

Дан, глядя на меня, печально улыбнулся. Тут же потянулся, подхватил влажный локон и сказал:

– Ты совсем промокла. До простуды один шаг.

Я не смогла не улыбнуться в ответ. Просто герцог Кернский по обыкновению своему преувеличивал. Не промокла я, а так… волосы чуть-чуть отсырели и всё.

Но Дантос возможности возразить не дал – стремительно подошел к двери в ванную, чтобы через мгновение вернуться с чистым пушистым полотенцем.

– Обсушись, – протягивая полотенце, велел он. – А я пока

обед закажу, и горячее питьё для тебя.

Это самоуправство вкупе с приказным тоном вызвало смешанные чувства – с одной стороны, приятно стало, а с другой – так возмутительно. Но от протестов я всё-таки воздержалась. Единственное, что сказала:

– Только молоко для меня не заказывай. А то я…

– Что ты? – отозвался блондинчик мягко.

– Ненавижу его, – чувствуя себя так, будто выдаю важнейшую из тайн, призналась я. – Что угодно, только не молоко.

Герцог Кернский улыбнулся, кивнул и вышел из комнаты. Я же осталась наедине с пушистым полотенцем и сердцем, которое отчего-то сошло с ума и забилось очень часто, и… кажется, счастливо.

Мы разместились в общем зале, за одним из самых дальних столиков. Уже не вдвоём, а втроём – ушлый столичный маг не смог долго оставаться в стороне, к тому же проголодался не меньше блондинчика.

Я против компании Вернона, конечно, не возражала, хотя, увидав мага, не сдержалась и гневно прищурила глаза. Вот как хотите, а я ему ту дверь надолго запомню! Ну и «попку с чешуйками» – тоже.

Брюнет ход моих размышлений, безусловно, уловил, но аппетита не утратил. Подмигнул в ответ, а когда сели за стол и госпожа Эйрен поставила перед нами тарелки, сразу же набросился на еду.

Светлость, судя по скорости уничтожения супа, тоже оголодала. Зато у меня аппетита не было, но откушать наваристого куриного бульона всё-таки пришлось.

Правда, к трапезе приступила лишь после того, как окончательно утвердилась в мысли, что господин Вейн и его жена на меня не злятся. Это было важно – ведь не абы кто, а родственники лучшей подруги.

Сама подруга, кстати, тоже в зале показалась, но лишь на миг. Сбежала немногим раньше, чем я успела её заметить.

Зато остальные сбегать не собирались, а совсем наоборот! В ресторанный зал постоялого двора медленно, но уверенно стекался народ со всего Рестрича. И даже тот факт, что сейчас белый день, и жизнь как бы в разгаре, то есть отдыхать рано, никого не останавливал.

Сородичи, в основном мужчины, сидели, пили эль, таращились и ждали. Чего? Ну, видимо, чуда.

Ведь ситуация, по меркам родного города, отнюдь не тривиальная. Обед с чужаками – уже событие, а учитывая мою

репутацию и неприкосновенность Дантоса и Вернона, о которой, безусловно, всем уже известно… В общем, мы были аттракционом! Да настолько популярным, что никакой карликовый дракон не сравнится.

В том, что касается меня самой, – я была аттракционом в аттракционе. По крайней мере, именно такое ощущение будил во мне Вернон.

Утолив первый голод, этот большой начальник в управлении магического надзора принялся дарить хитрые взгляды и не менее хитрые улыбки. При этом умудрялся продолжать кушать и перешучиваться с герцогом Кернским.

Но в какой-то момент всё-таки не выдержал – растянул губы в очередной хитрющей улыбке и обратился непосредственно ко мне:

– Я представлял тебя совсем другой.

– Какой же? – поспешила уточнить я.

А в ответ услышала:

– Маленькой пышнотелой блондинкой.

Аналогию я, разумеется, уловила, но оценить не смогла. Непроизвольно насупилась и опять зло сощурила глаза. А маг не выдержал и рассмеялся, заставив вздрогнуть всех без исключения зрителей. Зато, угомонившись, констатировал, да с такой уверенностью, что захотелось запустить в него ложкой:

– Вредная! Очень вредная девчонка.

– Ничего подобного, – ответила я. И ложкой брюнету всё-таки погрозила.

Герцог Кернский, который сидел рядом с Верноном, чётко напротив меня, этой маленькой перепалке явно порадовался, но от комментариев воздержался. А через миг повернул голову в сторону двери и замер в лёгком недоумении.

Впрочем, как вскоре выяснилось, недоумение испытали все посетители ресторанного зала. Просто в гостиницу старейшина Ждан явился, причём не один, а в компании моего брата.

Ждан и Тор важно пересекли зал и остановились не где-нибудь, а у нашего столика. После чего бывший учитель водрузил ладонь на спинку свободного стула и спросил:

– Вы позволите?

Дан и Вернон не сговариваясь кивнули, а я слегка напряглась. Правда, очень скоро стало ясно, что бояться по-прежнему нечего. Вернее некого. Вернее, кого угодно, кроме этих двоих!

– Это тебе, – буркнул Тор, выкладывая передо мной пару тонких женских перчаток. А Ждан махнул рукой, подзывая госпожу Эйрен, и заказал две кружки эля.

Глядя на такое поведение старейшины, я решила, что нам

предстоит какой-то долгий серьёзный разговор, но Ждан заговаривать не спешил. И вообще вёл себя странновато.

Едва свекровь Юдиссы принесла заказ, старейшина хлебнул эля, откинулся на спинку стула и принялся щуриться, словно согретый мартовским солнцем кот. Будто всё, что происходит вокруг, доставляет ему какое-то особое, подчёркнутое удовольствие. И я даже хотела попросить у бывшего учителя пояснений, но не успела – внимание отвлёк мой драгоценный брат.

– Дан, так что там за сталь?

Герцогу Кернскому пришлось сперва проглотить кусок жаркого, потом промокнуть губы салфеткой, и лишь после этого он смог ответить:

– Говорят, аринская.

Торизас задумался на миг, потом скривился. И тут же бросил взгляд на старейшину, как бы спрашивая поддержки. Но Ждан молчал.

– Аринская сталь, – вклинился в разговор Вернон. – Та, которую только на юге, в кратерных поселениях куют.

Брат поджал губы и отрицательно качнул головой, давая понять, что слышит про такую сталь впервые. Тогда герцог Кернский отложил столовый нож, наклонился и извлёк из-за голенища своего сапога нечто. А положив это нечто на стол перед Торизасом, пояснил:

– Это не аринская, но похожа. Другая закалка и разводы видишь какие?

Лично я из сказанного поняла мало. Вернее, лишь то, что это продолжение разговора, начатого в кабинете Нила. И даже собиралась заскучать, но только до того момента, как увидела кортик.

Да-да, это был тот самый ножичек, ради которого я в своё время в землеройку превратилась. И ради которого герцог Кернский, в итоге, лично за лопату взялся! Вот только поностальгировать не получилось – с этих мыслей старейшина Ждан сбил.

– Магический? – кивнув на кортик, спросил он.

– Уже нет, – отозвался Дантос. На лице Ждана проявилось искреннее изумление, и блондинчик пояснил: – Он утратил свою магию.

– А разве так бывает? – спросил старейшина.

Вернон активно закивал. Потом прожевал кусок и сказал уже внятно:

– Редко, но случается. Конкретно у этого артефакта рабочее тело сдохло.

– Что-что? – переспросил Торизас.

– Рабочее тело, – пояснил Вернон. – Это запас магии, который обеспечивает… хм… ну собственно работу артефакта.

– А что этот артефакт делал? – вновь проявил любопытство Тор.

И вот теперь настала моя очередь удивляться – просто Вернон не ответил. Их светлость тоже промолчать хотели, но в итоге всё-таки сказали:

– Да какая разница? Главное, что оружие отличное.

По уму, разницы действительно не было, но тот факт, что и блондинчик, и маг предпочли смолчать о свойствах кортика, действительно вызвал недоумение. Причём прежде всего моё. Нет, ну а чего тут утаивать-то? Зачем?

Лишь спустя пару минут до меня дошло… Всё правильно. Распространяться действительно не стоит. Во-первых, чем меньше народу знает о том, что кто-то когда-то вывел вот такую формулу, тем лучше – меньше шанс, что найдётся желающий эту формулу повторить. Во-вторых, излишняя откровенность обязательно спровоцирует новые вопросы. А там, где слишком много вопросов, всегда проблемы. Даже если интерес проявляют самые доброжелательные люди.

Именно поэтому я попыталась смягчить ситуацию и свести на нет возникшую заминку. Для чего другой, собственный вопрос задала…

– Старейшина Ждан, а что там за клятва-то?

Реплика прозвучала слишком громко, и наставник слегка поморщился. Отвечать точно не хотел, но всё-таки сказал:

– Клятва хранить верность императорской семье. Служить, если понадобится. Защищать.

Служить и защищать? Он серьёзно?

Нет-нет, вслух я ничего не сказала, но эмоции мои были как на ладони. Дантос и Вернон, которые всё так же сидели напротив и уже отодвинули тарелки, дружно ухмыльнулись. То есть даже эти двое знали больше, нежели я! И это при том, что они совсем не метаморфы.

– Если бы ты закончила обучение, ты бы сейчас не удивлялась, – сказал Ждан.

– А разве вы собирались и дальше учить меня всем этим особенным премудростям? – парировала я.

Старейшина ответил, но не сразу:

– Этот вопрос вызвал некоторые разногласия, но да. Собирались.

Всё. Держите меня, иначе точно со стула упаду!

– Зачем? – выдохнула ошарашенно. Потом всё-таки собралась

и пояснила: – Зачем той, которой предстоит всю жизнь сидеть в городе, такие знания?

Бывший наставник пожал плечами и ответил просто:

– На всякий случай.

М-да. Старейшины как они есть!

Торизас и «чужаки» следили за нашим диалогом очень пристально, но перебить никто не решился. И это было прекрасно, ибо я по-прежнему жаждала подробностей.

– Хорошо, мы поклялись служить и защищать. Но почему мы не можем эту клятву нарушить? Что там за магия такая? И при чём тут кровь одарённых?

– Мы не знаем, что за магия, Астрид, – помедлив, отозвался Ждан. – Нам известно лишь то, что приказ императора, доведённый до сведения хотя бы одного метаморфа, должен быть исполнен. Иначе наш народ ждут крайне неприятные последствия.

Старейшина сделал большой глоток из кружки, а я притаилась в ожидании продолжения. Торизас и Дантос тоже ушки навострили, а вот изучавший свиток Вернон выглядел более расслабленно. Он же и сказал:

– Если я правильно понял формулу, то в случае нарушения прямого приказа императора народ метаморфов ждёт гибель.

– Нет. Гибель ждёт не всех. Погибнут только… – Ждан запнулся на миг, но всё-таки договорил: —…одарённые.

Это был шок. Самый настоящий, самый неподдельный. Просто нас с детства учили, что одарённые неприкосновенны, и что они самые-самые, а уж с людьми не сравнятся и подавно. А тут такие невероятные новости. Одно маленькое неповиновение любого из нас, и… всем одарённым конец?

– Нет, – выдохнула я. – Нет, быть такого не может. Я достаточно знаю о магии, и таких заклинаний попросту не существует.

– Я знаю о магии не меньше, – встрял Вернон. – И прежде чем увидел тот договор, тоже думал, что подобные заклинания невозможны. Более того, я так и не понял, на чём основана та формула, но я не сомневаюсь, что клятва работает. Есть в ней нечто…

– А мы однажды усомнились, – перебил Ждан.

Слова прозвучали предельно тихо, но все, кто сидел за столом, услышали. Вернон тут же замолк, а я словно окаменела.

Мы? Усомнились? То есть… нарушили?

– Два века назад, – продолжил Ждан полушепотом. – Мы ослушались приказа и за день лишились всех одарённых. Даже те, в ком дар ещё не проснулся, погибли. Позже родилось новое

поколение, но наш народ был на грани. Поэтому уж кто, а мы в этой магии не сомневаемся.

Нас окутала тишина, которая резко контрастировала с гулом за другими столиками. Но длилось молчание недолго…

– А не боитесь рассказывать такое чужим? – спросил Дантос.

Бывший наставник внезапно ухмыльнулся и отрицательно качнул головой. А потом сказал:

– Нет. Раз Роналкор открыл вам эту тайну, значит, вы предельно надёжны. Впрочем, мы были убеждены, что о сути клятвы он тоже поведал.

– Возможно, он бы и предупредил, – буркнул маг. – Но кто-то слишком торопился в Рестрич. Вылетел из кабинета Рона раньше, чем…

Увы, но на этом подробности кончились – Вернона явно пнули под столом, и брюнет замолчал. Зато теперь на его губах вновь играла хитрая улыбка, от которой стало светлее. Даже ужас осознания того, насколько наш народ зависим от воли правителя, отступил.

А потом я решилась взглянуть на герцога Кернского и… в общем, мне пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться. Просто кое-кто пытался притвориться равнодушным, но при этом настолько сердито сверкал на друга глазищами, что образ получался крайне противоречивым.

То есть признаваться в том, что спешил на встречу со мной, блондинчик не хочет? Ну ладно. Ладно! Пусть секретничает!

– Кстати, Ждан… – вновь заговорила я. – Не посчитай мой вопрос бестактным и не подумай, что я тебе не рада, но зачем ты сюда пришел?

– Мне нужно переговорить с их светлостью по поводу испытания, – признался учитель.

Сразу стало не по себе, да настолько, что мороз по коже побежал. В итоге я опять на блондинчика уставилась, мысленно моля этого упрямца:

«Откажись!»

Вот теперь Дан буку из себя не строил. Он подарил мне тёплый взгляд и тут же повернулся к старейшине.

– Предлагаю обсудить этот вопрос наедине, – тихо сказал блондинчик.

Ждан согласился…

Мне думалось, мужчины поднимутся в номер герцога Кернского, но этого не случилось. Они просто встали из-за стола и отошли к лестнице. В этот миг сердце начало стучать с перебоями и у меня бы точно какой-нибудь припадок от беспокойства случился, если бы Торизас не отвлёк.

– Мама велела пригласить Дана на чай, – беззаботно сказал он. И уже не мне, а Вернону: – Тебя, само собой, тоже ждём.

Брюнет радостно оскалился, а я чуть-чуть протрезвела.

– Тор, ну какой чай? Он… Они…

– Что? – подтолкнул брат нетерпеливо.

Я глубоко вздохнула и призналась:

– Я просила Дантоса отказаться от испытания и придумать другой способ. И так как единственный, кто имеет влияние на наших сородичей, это Роналкор, то лучше, для начала, обратиться к нему. То есть уехать. Да и вообще… клятва клятвой, но чем раньше покинут Рестрич, тем безопаснее, а ты о каком-то чае.

Тор слушал внимательно, но в конце фыркнул. Так что настала моя очередь задавать сакраментальный вопрос:

– Что?!

– То! – складывая руки на груди, огрызнулся брат. – То, что твоя забота дошла до абсурда. Идти к озеру Отречения, конечно, глупо, но уезжать из города немедленно…

Торизас снова фыркнул и замолк, а я вновь начала сходить с ума от тревоги. В этот раз от неминуемого припадка спасло возвращение за стол блудного герцога и Ждана. Один взгляд на мужчин, и… я начала успокаиваться.

Просто Ждан поджимал губы, что свидетельствовало – ему озвучили довольно противоречивую новость. А герцог Кернский был совершенно безмятежен и на мой исполненный мольбы взгляд ответил утвердительным кивком.

То есть он всё-таки послушался и от купания в проклятом озере отказался…

Остаток дня и вечер прошли довольно занятно. Наша пятёрка, включая старейшину Ждана, провела его здесь же, в ресторанном зале, на постоялом дворе. Причём пили довольно умеренно, а большая часть времени была посвящена разговорам.

Я не заметила, когда всё началось. Может быть, после того, как блондинчик кивнул, окрыляя мою душу, или немного попозже, но факт в том, что наше общение перешло в совершенно другую, немыслимую для Рестрича плоскость.

Ждан… шутил! Дантос и Вернон тоже забавные истории рассказывали! Ну и Торизас не отставал, при этом умудряясь не упоминать нашу вторую и в данном случае последнюю тайну – Лабиринт.

Мне же выпала роль благодарного слушателя – не то чтоб у самой не было занятных историй, но учитывая биографию… В общем, я решила не рисковать. И даже вкусный хмельной глинтвейн сдвинуться с этого решения не заставил!

Сородичи, которых прибавлялось с каждым часом, сперва притворялись, будто наши разговоры им совсем не интересны, но чем дальше, тем труднее эта роль давалась. Дружные приступы смеха, которые случались аккурат после шуток, конспирации так же не способствовали, и в конечном итоге метаморфам пришлось сдаться.

В этот миг веселье шагнуло на новую ступень, а диалог, что называется, расширился. И это было ещё необычнее, нежели присутствие за столиком одного из тех, кто правит нашим народом.

Сородичи шутили, смеялись и забавлялись! Атмосфера в зале была до того мирной, что в итоге я решилась временно покинуть мужскую компанию и пробраться на кухню, к Юдиссе. Сама подруга в зал не выходила, дабы не привлекать лишнего внимания – она, как показал вчерашний разговор, вообще относилась к числу тех женщин, которые в период беременности ну о-очень суеверными становятся.

Зато не успела я прикрыть кухонную дверь, как на меня налетел ураган. Он сперва заобнимал, потом затискал, ну а когда я чуть-чуть пришла в себя, выпалил:

– О, Астрид! Он такой милашка! И вы так замечательно смотритесь вместе!

Я с ответом не нашлась, а Юдисса, которая едва не крутилась на пятке от радости, продолжила:

– А как он на тебя глядит! Мм-м!.. Да если бы Энир хотя бы раз в жизни взглянул на меня так, как твой блондинчик, то я бы… Я бы вперёд него к алтарю побежала!

Подруга выпустила из захвата, чтобы тут же сжать кулачки и мечтательно закатить глаза. И пусть мне очень-очень приятно стало, но удержаться от шпильки я всё-таки не смогла.

– Ты это всё через дверную щель разглядела?

Юдисса сразу же притворно надулась, упёрла кулаки в бока и сказала важно:

– И через неё тоже!

Нет, я всё-таки не выдержала – рассмеялась. А подруга снова сделала шаг вперёд и обняла крепко-крепко.

– Я очень за тебя рада, – шепнула Юдисса посерьёзнев. – Я буду молиться Леди Судьбе, чтобы у вас всё получилось.

…Когда я вернулась в общий зал, картина была прежней. С той лишь разницей, что Вернону слов не хватало, и он не сидел, а стоял, размахивая руками и пытаясь изобразить какую-то пантомиму. В процессе этой пантомимы он несколько раз обошел вокруг нашего столика и в конечном итоге плюхнулся не на свой, а на мой стул.

Понятия не имею, нарочно это было сделано или случайно, но заострять внимание я не стала. Просто подошла и села рядом с Даном.

А потом подумала и… плюнув на приличия, подвинула стул ближе к светлости. Чтобы ощущать его неподражаемый запах, который даже сквозь духоту и алкогольные пары пробивался.

Через миг выяснилось, что герцогу Кернскому на приличия плевать ещё больше – он свой стул тоже подвинул, причём вплотную к моему. И руку на мою талию положил и вообще притянул так близко, что Торизас кулаком нам погрозил.

Вот только мы внимания не обратили. Дан наклонился, потёрся носом о мою щёку и легонько подул в ушко. Я же осторожно пихнула его локтем в бок, дабы не шалил, и спросила шепотом:

– Ты правда отказался от испытания?

Уголки мужественных губ мгновенно опустились, а в серых глазах вспыхнуло нечто сильно напоминающее тоску. И голос светлости прозвучал как-то совсем печально и серьёзно:

– Да, любимая. И даже сказал об этом Ждану.

Я облегчённо выдохнула и с огромным трудом подавила в себе желание обвить руками герцогскую шею и прикоснуться к этим идеальным губам. Здесь и сейчас я была… нет, не счастлива, но почти.

Сидя рядом с Дантосом, ощущая его ладонь на своей талии, я пыталась не думать о том, что никогда не смогу подарить этому невероятному мужчине наследников. Что если у нас и получится остаться вместе, то счастье наше будет неполным.

Но несносный блондинчик на бездетную жизнь согласен, а раз так… неужели я настолько для него важна? Важна до такой степени, что он готов пожертвовать будущим своего рода и земли ради сомнительного удовольствия провести со мной остаток жизни?

Нет, это слишком невероятно, чтобы быть правдой. А раз так, то… что, если отказ от испытания только повод? Что, если Дантос одумался и теперь прикидывает, как от своих притязаний отказаться? Что, если он никогда не вернётся в Рестрич? Что, если…

Я зажмурилась в попытке утихомирить мысли и страхи, а потом заставила себя улыбнуться. Неважно, какие у Дана намерения. Важно лишь то, что всё случилось по-моему – этот упрямый мужчина будет жить. Будет, и точка!

Глава 10

Утро началось поздно, с умопомрачительного аромата сдобы и укоризненного взгляда мамы. И причиной такому взгляду вовсе не наше с Тором возвращение заполночь, а… да-да, всё тот же несносный блондинчик! Вернее, тот факт, что в своём рассказе о прошлой жизни я даже намёка на его существование не дала. Даже полусловом о герцоге Кернском не обмолвилась!

Впрочем, для мамы он, судя по всему, был не просто герцогом, а моей большой любовью. И первым, что я услышала в это утро, стало:

– Почему ты от него сбежала, Астрид?

И прежде чем успела ответить:

– Он тебя обижал?

Сразу вспомнилась моя жизнь в столичном особняке, и губы дрогнули в улыбке. Ещё миг, и я откровенно захихикала, не в силах справиться с эмоциями. Если по правде, кто кого обижал, ещё вопрос, но…

– Да, мамуль. Обижал, и ещё как!

Во взгляде мамы появился скепсис, который, впрочем, не помешал ей наполнить чаем две чашки и подвинуть ко мне блюдо с частично надкусанным пирогом. Отца и Тора в доме не было – то есть всё-таки отправились на работы.

– Что он делал? – хмурясь, спросила мама.

– Голодом морил, – прожевав кусок пирога, призналась я. – А ещё бил, в том числе ногами.

Лицо мамулечки ошарашенно вытянулось, а я… Мне как в яви представился огромный бассейн и невысокий бортик, с которого маленький дракон пытался дотянуться лапкой до воды, чтобы проверить степень подогрева. И тот лёгкий, едва ощутимый пинок, причиной которому сдавшие нервы и изгвазданная жирной курицей постель. И мой изящный кувырок в воду, истовое возмущение и… артистичная попытка утонуть.

Ох, как же он тогда меня спасал. Как спасал!

– Астрид, я не шучу! – воскликнула мама. Я же банально залилась хохотом.

Леди Судьба, миленькая, дай этому мужчине счастья! Ну пожалуйста! Ты же видишь, он достоин самого лучшего!

– Астрид, прекрати. Ответь прямо, что между вами случилось?

Пришлось успокоиться, чтобы осторожно развязать шарфик и продемонстрировать шею…

Нет, я не хотела признаваться. Не хотела рассказывать о

трудностях, которые на мою долю выпали. Но мама спрашивала о Дантосе, и вот эти шрамы стояли тысячи слов.

Тишину, которая воцарилась в кухне, можно было резать ножом и на хлеб намазывать. Я не спешила её нарушать – сказала спустя несколько бесконечно долгих минут:

– На мне был магический ошейник, и герцог Кернский помог от него избавиться. А до этого выкупил из плена за чудовищно большие деньги, защищал, давал кров и пищу. Он очень много для меня сделал. Больше, чем следовало.

– Но ты сбежала, – после новой, очень долгой паузы выдохнула мама. Её губы задрожали, руки тоже.

Я вернула шарф на прежнее место, отпила из чашки и лишь после этого призналась:

– Мы жили в столице, и я боялась, что нас обнаружат. Я боялась, что его убьют. К тому же…

– Что? – подтолкнула собеседница.

Вот тут было сложней. Я заикнулась о том, в чём даже самой себе признаваться не хотела, не то что кому-то. Но мама ждала, её глаза были полны искренней тревоги, поэтому пришлось собраться с силами и сказать:

– Покинув Рестрич, я попала в серьёзный переплёт и пришла к выводу, что нарушив правила, поступила очень глупо. Я решила – если выдастся такая возможность, то непременно вернусь сюда. Вернусь, потому что я была не права, а вы… ну то есть старейшины, правы. В какой-то момент я настолько упёрлась в это решение, что других путей просто не видела. Передо мной была одна-единственная цель, и я шла к ней не оглядываясь. Я шла напролом.

Мама прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Потом попыталась улыбнуться, но получилось так себе. Зато я улыбнуться смогла, причём совершенно искренне. Ну да, я совершила ещё одну глупость, но жалеть о своём поступке не могу. Мне следовало вернуться хотя бы для того, чтобы самые близкие убедились – жива и здорова. Чтобы не плакали обо мне. Не хоронили.

– Не грусти, всё в прошлом, – с прежней искренней улыбкой выдохнула я. И… вновь обратила всё внимание на завтрак.

Несмотря на разговор, настроение было волшебным, и сверкающее за окном солнце только усиливало ощущение счастья. В какой-то момент я даже начала мурлыкать какую-то давно забытую песенку. Причём тот факт, что рот набит пирогом, не смущал совершенно.

Ну а едва с завтраком было покончено, натянула перчатки и, поцеловав подозрительно бледную мамулечку, поспешила к входной двери.

– Астрид, ты куда?

Я обернулась на ходу и развела руками – разве не понятно? К нему! Куда же ещё?

– Астрид…

Меня, безусловно, хотели остановить и образумить. Возможно, напомнить – незамужние девушки на встречи к мужчинам не бегают, ибо неприлично. Но я не далась. Желание увидеть несносного блондинчика было невыносимым. К тому же, при моей репутации терять уже нечего.

Я буквально запрыгнула в сапоги, цапнула с вешалки плащ и, проигнорировав новый какой-то излишне нервный оклик, выпорхнула на крыльцо. Улыбнулась яркому солнцу и зашагала… да-да, всё туда же! К единственному постоялому двору. К дому, где остановился Дан.

Очень надеялась, что сегодня блондинчик не потащит в общий зал и нам удастся побыть наедине. Причём хотелось не только ответов на пару довольно скользких вопросов, но и пьянящих, упоительных поцелуев.

Именно они, поцелуи, занимали все мысли, когда поднималась по добротному крыльцу и тянула за массивную ручку. Они же владели мною, когда вошла в общий зал, кивнула замершему за стойкой Вейну, подмигнула выпорхнувшей из кухни Юдиссе и направилась к лестнице на второй этаж.

Вот только до лестницы не дошла, потому что Юдисса окликнула:

– Астрид!

Пришлось остановиться.

Остановиться, развернуться, сделать книксен и доброжелательно пояснить:

– Мне очень нужно увидеть Дантоса, а дорогу я помню.

Подруга отчего-то побледнела и посмотрела как на дурочку. Потом нахмурилась и выдохнула:

– Как? Ты разве не знаешь?

– Не знаю чего? – ещё не чуя подвоха, уточнила я. А Юдисса…

Рыженькая побледнела ещё сильней и бросила какой-то беспомощный взгляд на свёкра. В итоге именно он, господин Вейн, сказал:

– Герцога Кернского нет. Два часа назад он ушел к Лабиринту. В сопровождении старейшин, твоего отца, брата и нескольких дюжин зевак.

Я… Нет, я не поняла. В смысле поняла, но не сразу. Правда, неосознанность не помешала застыть каменным изваянием, утратив на какой-то момент зрение и слух. Ну а несколькими

мгновениями позже я сделала два шага вперёд и переспросила почти шепотом:

– Куда-куда ушел?

– К Лабиринту, – повторил Вейн. И, видя мою лёгкую невменяемость, добавил: – Он отправился к озеру Отречения, Астрид.

Сердце в груди споткнулось и замерло, а окружающий воздух вдруг стал настолько вязким, что показалось: стоит глотнуть его – сразу захлебнёшься. Вот я и не дышала. Долго не дышала! Целую вечность!

А потом растерянность и испуг начали отступать, а в замершем от ужаса сердце вспыхнула крошечная искра ярости. Вспыхнула, чтобы разгореться!

Ещё миг, и владевшее мной оцепенение спало, а из горла вырвался самый настоящий рык. Я круто развернулась на каблуках, обвела взглядом ресторанный зал, в котором кроме хозяев находилось ещё с пяток посетителей, и рыкнула вновь.

Обманул.

Он. Обманул. Меня!

Вчера сам, лично, уверял, что не пойдёт, а сегодня…

Я вновь развернулась. Сбросила на пол плащ, содрала с рук перчатки и ринулась к ближайшей двери, коей оказалась дверь кухни.

– Простите, но мне нужно раздеться, – буркнула на ходу.

И, игнорируя ошарашенные лица Юдиссы и Вейна, протиснулась-таки в хозяйственное помещение.

Тот факт, что веду себя не слишком вежливо, – задевал. Но поступить иначе не могла – времени на расшаркивание не было. Зато предстоящее публичное признание в анимализме не волновало совершенно. Мне было плевать! Плевать на всё, кроме одного – этот бессовестный мужчина в опасности. В смертельной!

– Астрид, – послышался обеспокоенный голос Юдиссы. Войти на собственную кухню подруга не решилась и звала через дверь. – Астрид, пожалуйста, успокойся.

Но я успокаиваться не собиралась. Да и не могла!

Стремительно огляделась и, обнаружив, что ни госпожи Эйрен, ни лопоухого Энира в помещении нет, сдёрнула шарф и принялась расстёгивать пуговицы платья. Понимала, что запрет на подглядывание за одарёнными во время трансформации могут нарушить, но… На это тоже было плевать.

Пусть видят! Пусть видят, мне не жалко! В данный момент у меня лишь один интерес и единственная цель – спасти гадкого герцога.

А потом убить его и зверски надругаться над трупом!

Стою. Стою на четырёх лапках и пытаюсь отдышаться от боли перевоплощения, а заодно хоть чуть-чуть привыкнуть к миллиарду звуков и запахов, которые на меня обрушились.

Тут, на кухне, букет ароматов удивительный, но мне глубоко безразличны все эти соления, копчёности и томящееся на плите рагу. И даже ванильный крем, миска с которым стоит на подоконнике, не интересен.

Через дверь доносится голос Юдиссы:

– Астрид… Астрид милая, прекрати. Не знаю, что ты задумала, но помочь герцогу Кернскому точно не сумеешь. Он сделал свой выбор, и…

– Ву! – не выдержав, огрызаюсь я.

Подругу видеть не могу, но точно знаю – она вздрагивает и вновь бледнеет. А господин Вейн, с вероятностью двести процентов, ошарашенно округляет глаза и оглядывается в поисках чего-нибудь тяжелого. Чего-то, что можно использовать как оружие.

Я ощущаю укол совести – ведь Юдисса беременна и нервотрёпки с испугами ей противопоказаны. Но, с другой стороны, выбора у меня всё равно нет.

Тряхнув шипастой головой, делаю шажок к двери и говорю уже не грозно, а вполне миролюбиво:

– Ву-у-у! – Что в данном случае означает: «Откройте. Пожалуйста».

Но ни Юдисса, ни её свёкор понимать маленького дракона не спешат. Более того – драконья сущность улавливает страх. При этом наравне со страхом ощущается любопытство, которое исходит от засевших в ресторанном зале гостей…

Спустя миг к многоголосью эмоций добавляется ещё одна – сильнейшее беспокойство. Одновременно с этим тонкий звериный слух различает хлопок входной двери и быстрые шаги.

Следом звучит голос мамы:

– Где она? Где Астрид? Она здесь?

– Здесь, – выдержав короткую паузу, отвечает Вейн.

Вероятно, после этого хозяин постоялого двора указывает на дверь кухни и пытается объяснить жестами, что они не понимают, что там творится. Что оттуда дважды доносился странный нечеловеческий звук, и вообще я была бесконечно зла, когда уединилась.

Возможно, он даже пытается высказать маме претензию за моё некрасивое поведение и вообще нажаловаться, но…

Но как бы там ни было, нас прерывают.

Визг! И не просто громкий, а прямо-таки оглушительный!

Пусть я уже знаю, кто именно стоит в проёме, ведущем в жилую часть, но всё равно подпрыгиваю и оборачиваюсь. И невольно закатываю глаза!

Ну кого? Нет, ну кого здесь пугаться? Дракона? Да я же ростом с собаку и без крайних причин никогда не нападаю! Вот вы, госпожа Эйрен, повод для агрессии давали? А чего в таком случае орёте? Да ещё так, словно вас на куски рвут?

Но свекровь Юдиссы мой безмолвный вопрос игнорирует и, переведя дух, начинает голосить вновь. Неудивительно, что в следующий миг дверь в кухню распахивается, и драконья сущность улавливает ощущение дружного шока.

Правда, сокрушаться или стесняться я не берусь. Наоборот радуюсь, ведь открытая дверь – именно то, что нужно!

С грацией, достойной самой талантливой танцовщицы, делаю два оборота вокруг своей оси, давая зрителям возможность оценить, какая я красивая, и юркой змейкой просачиваюсь мимо застывшей на пороге троицы.

Мама и Юдисса вздрагивают и охают, а господин Вейн, между широко расставленных ног которого я проскальзываю, роняет бранное слово.

Кто-то из малочисленных посетителей ресторанного зала тоже роняет, но уже не слово, а что-то из посуды. И в наступившей тишине звучит громкий, отчётливый «бряк»!

А вот уже за ним…

– Астрид, девочка! – зовёт мама.

– Астрид, стой! – подхватывает Юдисса.

Но я стоять не могу. Ждать, когда кто-нибудь и следующую, входную дверь откроет – тоже не в силах. Поэтому припадаю на передние лапы, взываю к драконьему огню, и…

– Нет! – едва из моих ноздрей вырывается порция дыма, кричит Вейн.

Чудом, но всё-таки успеваю сдержаться. Вместо того, чтобы плюнуть в тяжелую створку сгустком концентрированного пламени, которое, при желании, и камни плавит, поворачиваю голову и гляжу на хозяина гостиницы.

– Нет, – оправившись от шока, повторяет он.

И тут же, позабыв о всяком страхе, мчится к двери, чтобы выпустить разгневанного дракона на волю.

Едва преграда исчезает, я стрелой срываюсь с места, чтобы пробежать последние несколько шагов и прямо с крыльца прыгнуть в небо.

А дальше… лечу.

Удар крыльями, ещё удар – предельно злой дракон набирает высоту, чтобы тут же развернуться и устремиться к городским

воротам. Острый слух ловит несколько испуганных вскриков, ну а когда достигаю ворот и перемахиваю через стену, снизу доносится лязг металла и махровая брань – это заметившая неведомую зверушку стража переполошилась.

Но мне по-прежнему плевать! Я закладываю вираж, высматривая тропу, расположение которой за прошедшие годы немного подзабыла. Нахожу. Нахожу и устремляюсь прочь от города! Ко входу в подземный Лабиринт.

Лечу! Лечу, ни капли не сомневаясь в том, что на широкой площадке, ограждённой высокими валунами, собралась не просто группа зевак – толпа! Уже чую, как жители самого закрытого города в империи отреагируют на моё появление, но кто сказал, что меня должна заботить сохранность их нервов?

И вообще – единственное, что сейчас интересует, единственное, о чём мечтаю, – успеть перехватить Дантоса. А вот потом…

Впрочем, ладно. Месть лучше планировать после поимки. Поэтому… лечу!

Отчаянно машу крыльями, взрезаю носом тугой воздух и, несмотря на то, что прекрасно понимаю – дыхание лучше поберечь, тихо порыкиваю. Драконья сущность ярится и бесится, обещая Дантосу такую выволочку, что до конца жизни не забудет.

Клянусь, он у меня попляшет! Навсегда запомнит, насколько опасно врать маленьким и красивым!

Тропа, которой следую, становится шире, но извилистей. Уводит дальше, петляет между валунов. С дороги её заметить невозможно, так что, окажись поблизости чужак, о второй страшной тайне нашего народа не догадается.

Впрочем, даже забреди он в Лабиринт, тайну нашу никому не выболтает – ведь постороннему в Лабиринте не выжить. Ведь посторонний точно не сообразит, насколько опасно приближаться к великолепному озеру, к которому, кроме прочего, все большие коридоры ведут…

Лечу! Ещё не вижу, но уже чую скопление… ну можно сказать людей. И тут же закладываю вираж, начинаю снижаться.

Вопреки ожиданиям, на площадке перед входом в Лабиринт не так уж людно. Но сам факт того, что кто-то пришел поглядеть на смерть герцога Кернского, выводит мою ярость на новый уровень!

А в следующий миг карликового дракона замечают…

В другой раз, при других обстоятельствах, это могло бы показаться забавным. Такое слаженное, такое бурное удивление; не менее слаженный ступор; пронзительный одиночный визг

какой-то женщины. А потом массовая попытка укрыться от опасности. Спрятаться, забежав за камни. Удрать!

Но здесь и сейчас смеяться не хотелось. И три имитации воздушной атаки, которые предпринял маленький дракон, были всерьёз.

Я действительно могла напасть. Более того – мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь не успел увернуться! Чтобы кто-нибудь остался и дал крылатому хищнику повод.

Но сородичи оказались, увы, проворней, и площадка перед входом в Лабиринт быстро опустела. И только старейшины, которые у арки торчали, сбежать не пробовали. Ну и маг Вернон, разумеется.

С последним было всё ясно, а вот старейшин захотелось зауважать. Правда, лишь до тех пор, пока не поняла – они не от храбрости тут остались, просто растерялись безмерно…

Зато я теряться не собиралась. Заложила новый вираж, чтобы через несколько мгновений удариться лапами о влажную каменную плиту и сразу, не тратя времени, пойти в наступление. К той самой арке. К старейшинам!

Не рычала – я была слишком зла, чтобы зарычать!

И крыльев в угрожающем жесте не расправляла – разумно берегла силы.

Я была собрана, сосредоточена и стремительна. Единственное – хвост, как бывает в подобных случаях, сбесился и принялся избивать пол. Ну и зубы как-то сами собой обнажились, подчёркивая моё природное обаяние.

От Ждана веяло скорее изумлением, а вот Нил с Дурутом источали чистый ужас. И когда сообразили, что золотой хищник мимо не пройдёт, Дурут нагнулся и подобрал камень.

Старик даже успел замахнуться, но…

– Не сметь, – процедил Вернон.

На ладони мага, который стоял у другого края арки, вспыхнул алый огненный шар.

– Уберите камень, – добавил он. – Иначе испепелю.

От оружия Дурут действительно избавился – правда не выбросил его, а скорее выронил. А старейшина Нил распахнул рот в немом возмущении. И только мой бывший наставник сразу сообразил, что всё непросто. Что Вернон не случайно странного зверя защищает. А может, догадался прислушаться к своим ощущениям и увидел, что перед ним не зверь, а одарённый метаморф…

Ещё миг, и Вернон обратил взор на меня. Губы дрогнули в дружелюбной, но всё-таки усмешке, а в наступившей тишине прозвучало:

– Ну чего ты разнервничалась, Астрид? Чего раскричалась?

И настолько беспечным тоном это было сказано, что я, несмотря на сосредоточенность, споткнулась. Причём так, что едва не растянулась на холодном влажном камне.

Только растерянность моя длилась не дольше секунды. И едва она отступила, я вскинула морду и выпалила:

– Ничего не случится? Да ты хоть знаешь, на что он подписался?!

Моё визгливое «Ву-у-у» отразилось от камней и эхом разнеслось по округе. А вслед за ним прозвучало ошарашенное:

– Астрид? Ты сказал… Астрид?

Голос принадлежал старейшине Ждану, и я инстинктивно повернулась, чтобы одарить бывшего наставника широкой улыбкой. Но тут же снова на мага уставилась.

– Астрид, я серьёзно, – опять подал голос тот. – Прекращай истерить. Просто сядь, успокойся и жди.

А вот теперь я всё-таки зарычала, и очень красноречиво ударила хвостом. Он сам-то понял, что сказал?

И вообще, прежде чем явиться к каменной арке, они с Дантосом хоть потрудились поинтересоваться, что такого ужасного в том озере? Хоть толику здравого любопытства проявили?

Интуиция подсказывала, что нет. Просто если бы Вернон знал, он бы не вёл себя настолько беспечно. Впрочем, бес с ней, с беспечностью этого глупого мага. Лучше скажите, где второй? Где Дан?

Я стремительно огляделась, но герцога Кернского не нашла. И едва не взвыла, услыхав новую реплику Вернона:

– Сядь и успокойся, – повторил этот дубина. Потом погасил огненный шар, деловито взглянул на наручные часы и добавил: – Прошло уже тридцать минут, думаю, Дантос скоро вернётся.

Сколько-сколько прошло?!

Моё сердце сжалось и замерло, и лапы слегка подогнулись. Зато в следующий миг я отбросила все мысли и устремилась ко входу в Лабиринт.

Да-да, я помнила, чем закончилась предыдущая попытка спасти этого мужчину! Но что такое прошлый позор в сравнении с жизнью бесконечно дорогого человека? Это даже меньше чем пшик!

Вот только кое-кому мой порыв не понравился…

– Нет! – рыкнул отошедший от шока Нил и даже дорогу перегородить попытался.

А Дурут, сволочуга антикварная, скривился и сказал:

– Если вмешаешься, то испытание не зачтём.

Что-о-о?!

Я не споткнулась. Я остановилась по собственному желанию! И крылья расправила, и дым из ноздрей пустила!

Какое к бесовой маме «зачтём»? Какое к той же маме испытание? Он же знает, что если не перехватить, то Дан из Лабиринта просто не вернётся!

В тот же миг подумалось – я чего-то не понимаю. А Дурут не шутит, и действительно ждёт возвращения герцога Кернского. Вот только драконья сущность, для которой люди как открытая книга, шепнула: старейшина не верит в то, что говорит. Старейшина издевается!

Жутко захотелось остаться тут на подольше и объяснить кое-кому степень его неправоты. Вот только возможности такой у меня не было. Хуже того – у меня почти не осталось шансов успеть.

Именно поэтому я плюнула в Дурута вовсе не огнём, а так… и со всех лап помчалась дальше. И только когда прошмыгнула мимо гадкого Нила и сбежала по короткой лестнице, выводящей на первый уровень Лабиринта, услышала:

– Астра!

Вот теперь в голосе Вернона звучало приличное моменту беспокойство. Правда, тот факт, что до брюнета всё-таки дошло, что тут не шутки шутят, никак на ситуацию не повлиял.

Собственно, сейчас изменить что-либо могли лишь скорость и Леди Удача. Если последняя хоть чуть-чуть запутала дорогу, если заставила Дана свернуть хотя бы раз, то надежда есть. То я успею!

Думать о том, что случится, если Леди Удача от блондинчика отвернулась, не хотелось категорически. Впрочем, на это не только желания, но и времени не имелось.

Преодолев лестницу, я замерла на миг, чтобы хоть как-то сориентироваться, и золотой молнией сорвалась с места. Туда, в темноту нерукотворных тоннелей. К красивому, но смертоносному озеру.

Бегу! Бегу изо всех сил!

Лапы врезаются в холодный камень, сердце норовит вырваться из груди, душа медленно сползает в кончик хвоста, а кровь в венах леденеет.

Кажется, если не думать о плохом и бежать чуточку быстрей, то всё пройдёт и наладится – кровь вновь станет живой, а душа вернётся на положенное ей место, но увы. Увы, не думать не получается, ну а в том, что касается скорости, – быстрее просто некуда. Никак. Сколько ни старайся!

Но я всё-таки пытаюсь. Я бегу.

Мчусь, подобная золотому вихрю!

И молчаливо молюсь и Леди Удаче, и Леди Судьбе, и всем Силам Мироздания вместе взятым! Вот только верить в лучшее очень трудно. Даже несмотря на природный драконий оптимизм, которым я за эти годы пропиталась.

Бегу!

Бегу, а перед мысленным взором мелькают картинки воспоминаний…

…Мне лет пять, кажется. И Торизас внезапно соизволил поведать Тайну.

– В озере Отречения живёт самое жуткое чудовище в империи! – отряхивая запачканные коленки, важно заявляет он. И добавляет с толикой детского злорадства: – Тебя оно сожрёт за две… нет, за одну секунду!

Я тоже коленки отряхиваю. Мельком отмечаю, что новые гольфы уже совсем не белые и вечером мне наверняка влетит, но заявление брата интересней грядущего нагоняя.

Одна секунда? Он что, совсем за дурочку меня держит? Я уже большая! Меня невозможно сожрать так быстро.

Да и вообще, с чего этому чудовищу меня жрать? Я, в отличие от некоторых, и руки перед едой мою, и зубы на ночь чищу. То есть я хорошая. А хорошими, как известно, не закусывают! А вот он, в смысле Тор…

– Врёшь ты всё, – поразмыслив, резюмирую я.

Потом поправляю бант, круто разворачиваюсь и иду к крыльцу нашего дома. Мне надоело наблюдать за мохнатой гусеницей, которая вдоль забора ползёт. Тем более что тыкать в гусеницу травинкой только Тору позволено.

– А вот и не вру! – доносится вслед.

Я оборачиваюсь и показываю брату язык.

…Мне десять. Мы с Юдиссой уговорили Натара, моего соседа, сводить нас к озеру.

Просто у мальчишек есть такой, как они его называют, ритуал! Старшие обязательно младших к озеру водят и всё показывают. А нам, девчонкам, шиш вместо чудовища. И это так обидно! Ну вот мы на Натара и насели.

Он сперва огрызался и насмехался, но потом всё-таки согласился. Причём за просто так, без всяких условий. И едва появился благовидный повод выйти за городскую стену, обещание своё выполнил.

Натар провёл нас тайной мальчиковой тропой. То есть в Лабиринт мы, по большому счёту, даже не входили. Мы пролезли в узкий-узкий тоннель, который, если верить нашему проводнику, шел над одной из главных галерей, и оказались на природном

карнизе, под самым потолком гигантской пещеры. Собственно той самой, в которой озеро Отречения располагается.

Когда я осознала, на какой высоте нахожусь, – чуть не оконфузилась со страху. И даже упоительная красота этого места меня не тронула.

Мне было глубоко плевать на россыпь странных и удивительно красивых кристаллов, которые пещеру освещают. На мерцающую, будто бриллиантовой крошкой посыпанную, водную гладь. И даже на островок, в центре которого, если верить слухам, огромные розовые алмазы растут!

Но главный повод описаться ждал впереди. Он представился после того, как Натар подобрал крупный камень и бросил его вниз…

Недолгий полёт камня, тихий всплеск, и спустя полминуты мы увидели его. Да-да, то самое чудовище!

Вернее как…

Сперва из воды вынырнуло нечто небольшое, бурое, похожее на валик. За первым второй валик показался. И третий, и четвёртый! Это было странно и непонятно, но спустя ещё несколько бесконечно долгих мгновений картина сложилась – там, в подземном озере, извивался гигантский хищный червь.

Его тело было бурым, но точно не склизким – в какой-то момент даже показалось, что он закован в чешую. Но, несмотря на эту самую чешую, назвать чудовище змеем я всё равно не могла, только червём. И этот интуитивный вывод был правильным, потому что…

– В старинных хрониках написано, что он остался здесь от гномов, – громким шепотом сообщил Натар. – Это один из землекопов.

– Землекопы? А это как? – переспросила бледная до зелени Юдисса.

– Это магически выведенные звери, которые для гномов тоннели в земле выгрызали, – с готовностью пояснил мальчишка. – И не только тоннели – целые подземные города!

Как червь может выгрызть тоннель, я примерно представляла. Как червь может выгрызть город – нет. Это стало поводом усомниться…

– Откуда ты про хроники знаешь? – тем же шепотом спросила я. – С чего взял, что эта тварь досталась нам от гномов?

– Старейшина Ждан рассказывал, – пояснил Натар.

– А почему землекоп живёт в воде, а не в земле? – продолжила допрос я.

Мальчишка пожал плечами и сказал с присущей взрослым важностью:

– Потому что его хвост зажат где-то в расщелине. Он просто не может вылезти.

Я хотела поспорить, но передумала. Всё верно, Натар не врёт. Я не раз слышала, что хвоста чудища никто никогда не видел. Ну а про то, что выбраться из озера червь не в состоянии, всему Рестричу известно. Если б мог, у нас бы давно ни одного ловца не осталось!

Так что мне пришлось замолчать и, наплевав на сковывающий ужас, опять уставиться вниз. Я надеялась увидеть не только тело, но и морду чудища. Ведь когда ещё такая возможность представится?

Ну а чуть позже, когда уже возвращались в город, Натар ещё кое-что сказал:

– Зверь почти всегда голодный. Поэтому он так остро на любой, даже самый тихий звук реагирует. Говорят, он со ста шагов добычу чует. Но на земле не так проворен, поэтому утаскивает добычу в воду, особенно, если она живая.

Смысл последней реплики я тогда не поняла, зато позже…

…Мне двенадцать. В город приехали чужаки из числа тех, глядя на которых непроизвольно морщишься. Небритые, слегка оборванные, с неприятными манерами и при оружии. В общем, если не бандиты, то почти.

А через пару дней они, как это часто бывает, исчезли. И меня впервые заинтересовал вопрос – куда делись трупы? Ведь не на нашем же кладбище их похоронили, верно?

Вот тогда я пристала к Тору и с некоторым содроганием узнала, что с чужаками поступили «как обычно» – к озеру Отречения отнесли. И что скоро туда же отведут их лошадей, потому что умные люди улик не оставляют.

– А вообще они вовремя, – сказал тогда Тор. – А то ещё пара недель, и пришлось бы на Линскую ярмарку ехать.

– На ярмарку? – нахмурилась я. – А зачем?

– Как это зачем? За едой для этого чудовища, – отозвался Торизас. – Оно же, когда голодное, на весь Лабиринт воет. Разве не знала?

Я… может, и знала. Может, и слышала, но осознавать до этого момента даже не пыталась.

Тот факт, что мы закупаем быков и лошадей для прокорма обитателя озера, тоже как-то мимо сознания проходил.

Зато теперь я очень чётко уяснила: чужаки – это не только опасно, но и полезно! Правда, радости эта новость не принесла, а наоборот. Как-то очень гадко, очень неприятно стало.

Почему? В двенадцать я этого не знала. А позже думать не хотелось.

Здесь и сейчас вопросы «полезности» чужаков для общества метаморфов тоже не заботили. Здесь и сейчас я знала и понимала только одно – я бегу…

Бегу!

Несусь со всех лап!

Тороплюсь так, как никогда в жизни не торопилась!

Несмотря на острое драконье зрение и тусклое, но довольно сносное освещение, которое дают большие кристаллы, вмонтированные в потолок, тоннеля я не вижу. Для меня пространство сливается в нечто однородное. В некую единую, совершенно бессмысленную массу. В ночной кошмар!

Бегу!

В какой-то момент спотыкаюсь, и бег превращается в полёт. Да-да, кубарем и по каменному полу. Но я не замечаю падения. Как только, так сразу вновь вскакиваю на лапы и без всякой передышки опять срываюсь на бег.

Мчу. Мчу и искренне мечтаю успеть! И молюсь всё сильней и яростней!

Только бы ему хватило ума остановиться. Только бы он догадался помедлить. Только бы…

Но, увы. Ещё до того, как достигаю пещеры, до меня доносится слишком громкий всплеск. А за ним ещё один, и ещё. А через мгновение звуки сливаются в невероятную какофонию, и вот теперь становится ясно – зря я за Дантоса молилась.

И ещё кое-что – опоздала.

Опоздала!!!

Сердце больше не бьётся – оно в кусок льда превратилось. Дышать тоже не могу – этот процесс утратил всякий смысл. И бежать теперь не в состоянии, потому что лап не чувствую, но… я всё равно бегу. Знаю, что поздно и бесполезно, но…

Бегу.

Вижу широкую природную арку, которая открывает вход в пещеру, и, только преодолев невидимый порог, останавливаюсь. Глаза отказываются видеть то, что творится впереди, но я не могу не смотреть.

Ещё не всё. Герцог Кернский ещё жив и даже пытается сопротивляться. Не знаю как, но этот безумец сумел не только увернуться от пасти, но и оседлать древнее чудовище. Сейчас Дан держится за наросты на чешуе и пытается не слететь в воду, где в считаные минуты превратится в добычу. Он борется, несмотря на всю бесполезность этого занятия.

Громадное бурое тело извивается так, будто вокруг не вода, а раскалённые угли. Бесится и изо всех сил пытается сбросить наглого человека. И жутко злится из-за того, что Дан не где-

нибудь, а возле головы прицепился. То есть не добраться до него сейчас, как ни изворачивайся.

Впервые в жизни я вижу морду обитающей в озере Отречения твари и понимаю – в мире действительно есть вещи, о которых лучше не знать. Например, этот круглый, обрамлённый тысячей «сабель» рот! Ведь это целая бездна вдохновения для кошмаров!

Впрочем, зубы-сабли сейчас не главное. Куда больший ужас навевают попытки зверя уйти под воду. Хотя… почему «попытки»? Он не пробует, он уходит! И тащит герцога Кернского за собой.

Я хочу закричать. Хочу броситься на помощь, но не могу – я оцепенела и не понимаю, с какого края к этому делу подступиться. Единственное, что приходит на ум, – взлететь и попытаться отвлечь. Полетать перед мордой червя, даря блондину пусть призрачный, но всё-таки шанс на побег.

Учитывая скорость реакции «землекопа», идея равна самоубийству. Но сдерживает меня не опасность, а нечто иное. Что именно? Понятия не имею. Но оно сильнее всех моих желаний, сильнее меня самой.

В итоге просто стою и не понимаю, как быть. Всё так же не хочу, но наблюдаю за этой катастрофичной схваткой. Чувствую, как время превращается в расплавленную карамельную тянучку, опутывает меня, душит… а потом… потом случается невозможное.

Червь в который раз выныривает из озера, и та его часть, что оказалась над водой, резко выгибается. И пусть я нахожусь в ступоре, но отличить агрессивное движение от движения, продиктованного болью, вполне способна.

Вслед за этим пространство пронзает крик, да такой, что я инстинктивно отпрыгиваю. Подробности мне недоступны, но суть произошедшего я каким-то чудом понимаю.

Дан напал на зверя!

Всё говорило о том, что в пещеру блондин пришел налегке, и оружия в его руках я не видела. Но при этом точно знаю, в сапоге герцога Кернского с некоторых пор прячется кортик. И я готова спорить на деньги, что именно кортиком Дантос и ударил!

Вот только… крошечный ножик против гиганта? Зубочистка против буйвола? Да что она сделает?! Какой вред причинит?!

Несколько бесконечно долгих секунд я была убеждена, что никакого. Зато потом…

Крик повторился. И в этот раз он был куда громче и надрывней! А в следующий миг началось то, что иначе как бесовскими плясками не назовёшь.

Червь извивался. Падал в утратившую жемчужный блеск воду и опять выныривал. Бился то о дно, то о воздух и верещал так, что

хотелось просто взять и исчезнуть, но…

Я оставалась здесь, в гигантской залитой кристаллическим светом пещере. И вновь – не хотела, но смотрела. Видела, в какой мясорубке оказался Дан, с каким упрямством борется, но помочь не могла никак.

Я пребывала в прежнем нервном оцепенении, причём оцепенение это было настолько сильным, что когда в воздухе запахло магией, я даже не дёрнулась. И это при том, что магия была не обычной – обычная драконам не интересна, они её вообще не чувствуют, а та самая… древняя!

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, чем именно дышу, и удивиться отсутствию реакции. Ведь древняя магия для нас, драконов, сродни наркотику! Мы просто неспособны противостоять её власти! А тут…

Это было странно. Именно эта странность заставила сбросить незримые оковы и сделать два шажка вперёд. А спустя ещё секунду я ощутила… боль.

Вспышка! Она была настолько яркой и сильной, что я даже закричать не смогла. И не сразу осознала удивительный факт – боль принадлежит не мне, она чужая. Ну а вслед за болью пришло странное чувство облегчения. Словно с плеч груз столетий упал, словно здесь и сейчас закончилось нечто жуткое.

В тот же миг обитатель озера издал особенно пронзительный крик и замер, чтобы резко рухнуть вниз. Падение было ознаменовано взрывом брызг, который дотянулся и до меня. И вот когда вода обрушилась, окатив от кончика носа до самого хвоста, я поняла – всё. Закончилось. Закончилось!

Остатки оцепенения спали будто не бывало. Я же расправила крылья и взмыла вверх. Я видела, как смыкается вода в озере, как из этой воды выныривает белая макушка, и как эта самая макушка берёт курс на противоположный берег. К крошечному острову, расположенному в центре пещеры.

Мне не требовалось смотреть, чтобы видеть – Дан абсолютно вымотан. Я жутко боялась, что на последний рывок сил у герцога Кернского просто не хватит. Но отчаиваться уже не спешила – готовилась подстраховать! Вцепиться в несносного блондина хоть зубами, но вытащить.

Только их светлость и без драконов справился… Доплыл и буквально выбросил себя на пологие камни. Ну а я, глядя на это, заложила новый вираж и стремительно пошла на снижение. К нему. К Дантосу!

Глава 11

– Как ты мог? – верещала я. – Нет, как ты мог?! Ведь сказала человеческим языком: озеро смертельно опасное! А ты? Ты же обещал вести себя благоразумно! Ты же заверил, что всё понял и никуда не пойдёшь! А сам?

Я добежала до кромки воды, развернулась и побежала обратно…

– А сам?! Воспользовался моей доверчивостью! Поступил как последний обманщик! Как последняя сволочь! Как…

Снова кромка. И маленькому дракону вновь пришлось тормознуть, развернуться и помчаться обратно. По широкой такой дуге, вокруг лежащего на камнях Дана.

– Как только выберемся из Рестрича, я сама тебя убью! Ещё не знаю, что с тобой сделаю, но поверь – ты очень пожалеешь! Я… Ты… Да я тебе…

Всё. Силы кончились, и я была вынуждена остановиться и плюхнуться на попу. Слов тоже не осталось, и вместо истеричного «ву-у-у» по пещере начал разноситься громкий возмущённый сап.

Правда Дантос недовольство маленького дракона не воспринимал – он лежал на камнях, шумно дышал и улыбался самым бессовестным образом. Блондинчик выглядел настолько счастливым, что в какой-то момент подумалось – всё, сбрендил.

Это стало поводом подняться на лапки и подскочить к нему. Тыркнуться носом, лизнуть в лицо, и…

– Совести у тебя нет! – не выдержав, вновь возопила я. – Как ты посмел подвергнуть себя такой опасности?! Каким местом думал?! Ведь точно не головой!

Слова прозвучали как всё то же «ву-у!», но точно знаю – светлость и без переводчика понял. Понял и ответил:

– Я тоже тебя люблю. – И добавил после паузы: – Вредина.

Кто вредина? Я?!

Я отскочила и уставилась возмущённо, а этот гад недобитый довольно усмехнулся и даже не попытался извиниться за клевету.

И хотя мне подарили отличный повод обидеться, я такой возможностью не воспользовалась. Наоборот! Вместо обиды сердце наполнила самая светлая, самая искренняя радость.

Жив! Жив и даже не ранен! Единственное, что изменилось, – древней магией от светлости разит так, что хоть нос зажимай.

Или это не от него? Или мне вообще мерещится?

Я сделала два шажка вперёд и принюхалась, чтобы обнаружить – нет, не кажется. Аромат древней магии по-прежнему разлит в воздухе, но главным источником является

Дан. Это стало поводом мысленно нахмуриться и тряхнуть головой, но осознать ситуацию я не успела. Просто в следующий миг Дантос попросил:

– Астрёныш, превратись. – И добавил тихо, но очень проникновенно: – Пожалуйста.

Я слегка растерялась. Потом ткнулась носом в щёку распластанного на камнях мужчины, мол: ты уверен, что это необходимо? А поймав утвердительный кивок, шумно вздохнула и огляделась в поисках местечка для трансформации.

Огромный булыжник, который высился посередине острова, вполне для моих нужд подходил. Так что именно к нему я и направилась, чтобы через несколько минут вернуться к Дантосу в своём настоящем облике.

Нагота? Нет, она не смущала. И когда герцог Кернский тяжело поднялся на ноги и шагнул навстречу, желания покраснеть у меня не возникло. Вместо этого я тоже навстречу шагнула. Прижалась, ощутив всю «прелесть» промокшей одежды, и обвила шею блондинчика руками.

– Совести у тебя нет, – сказала уже вслух.

А в ответ услышала насмешливо-недоумённое:

– Правда?

Захотелось возмутиться, но Дантос отвлёк. Он провёл большим пальцем по моим губам, и слова как-то сами собой кончились. Мысли тоже разбежались, и в миг, когда его светлость наклонилась и впилась в мой рот поцелуем, я саму себя не помнила.

В моём мире не осталось ничего кроме горячих, немного напряженных губ и осознания: этот несносный мужчина выжил! Что ещё нужно для счастья? Лично мне – ничего.

Именно поэтому я запустила пальчики в спутанные мокрые волосы и прижалась к Дантосу крепче. Мне хотелось ещё и ещё. Хотелось, чтобы этот поцелуй никогда не заканчивался, а Дан никогда не отпускал. Но стоять на крошечном островке до скончания времён мы, конечно, не могли. Увы, но нам всё-таки пришлось прерваться и вернуться в реальный мир.

– Совести у тебя нет, – едва дыхание восстановилось, повторила я.

В ответ услышала тихий смех и была вынуждена выпустить герцога Кернского из плена рук.

Правда, ушел Дантос недалеко – просто отстранился, чтобы стянуть с себя мокрую рубашку и, выжав, предложить её мне. С учётом того, что рубашка была белой и шелковой, картина намечалась забавная, но отказываться от одежды я всё-таки не стала.

Ну а натянув на себя сырое и противное, сложила руки на груди и уставилась на герцога Кернского. И глядела не так, как минуту назад, а с характерным прищуром.

– Что? – спросил этот гад, улыбнувшись. – Что тебе не нравится, милая?

Пфф… Он издевается, да?

– Ты меня обманул, – сказала гневно. – Обещал, что откажешься от испытания, а сам…

Дан каяться не собирался. Более того, шагнул навстречу, и я вновь оказалась в кольце сильных рук. Точно знаю – этот манёвр был призван сбить с мысли, но я выдержала. И вместо того, чтобы растаять от счастья, которое пожаром вспыхнуло в груди, выпалила:

– Ты меня обманул!

Я ждала хоть толики смущения, но вместо этого услышала:

– Ты тоже обманула, малышка. Тоже обещала, а сама сделала наоборот. И тоже заставила меня очень сильно понервничать. – Блондинчик выдержал короткую паузу, потом хулигански улыбнулся и добавил: – Зато теперь мы квиты.

Меня накрыла новая волна возмущения. Он издевается, да? Как только язык повернулся! Это несопоставимо!

– Это несопоставимо! – сказала уже вслух. – Ты полез в пасть к древнему, смертельно опасному чудовищу, а я всего лишь…

– Хочешь сказать, что Дурут и Нил сильно от этого червя отличаются? – перебил Дантос посерьёзнев. – Нет, ты в самом деле веришь, что они менее опасны?

Я задумалась на миг и… надулась. Да, бес меня пожри, Дантос прав, но… Но он не прав! Он не может быть прав, потому что я чуть с ума не сошла от страха за его жизнь! И здесь и сейчас он должен очень чётко этот момент осознать. И поклясться, что больше никогда-никогда так не сделает!

– Я прекрасно понимала, куда еду. С чем придётся столкнуться, тоже знала. А ты даже не поинтересовался, даже не спросил, чем наше озеро так опасно.

Вот тут я всё-таки надеялась на опровержение. Мечтала услышать: «Я спросил, милая. Просто не у тебя», но…

– А зачем? – Губы герцога Кернского вновь тронула улыбка. – Зачем спрашивать, когда всё и так ясно?

Не выдержав, я перешла на рык:

– Что тебе ясно? Что тебе могло быть ясно?!

– Что меня ждёт нечто непосильное, – ответил Дан.

Всё. Нервы мои кончились. Ввиду чего я привстала на цыпочки, позволила своим ладошкам скользнуть по мощной мужской груди и замереть на плечах. А потом столь же лас-с-

сково впилась ногтями! Но Дантос моментом не проникся. Вместо того чтобы испугаться и одуматься, притянул меня ближе и наклонился в намерении поцеловать.

Вот тут я спасовала. Не хотела позволять и тем более отвечать, но сказать «нет» не смогла.

А через пару пьянящих минут услышала:

– Я был слишком зол, чтобы интересоваться такой мелочью, как подробности испытания. Впрочем, даже знай я про это чудовище, моё решение осталось бы прежним.

Дан не рисовался и не шутил, что стало поводом для нового прилива раздражения. Просто это безрассудство! А безрассудство никогда до добра не доводит!

Повинуясь эмоциям, я вывернулась из объятий и снова отступила. А окинув герцога Кернского взглядом, не постеснялась уточнить:

– Почему ты не взял с собой оружие?

Оружия при их светлости действительно не имелось, а в то, что Дан потерял его в схватке, почему-то не верилось. И, как вскоре выяснилось, не верилось не зря…

– Старейшины запретили, – просветил Дантос, ухмыльнувшись. – Сказали, что правилами только нож позволен.

Блондинчик ухмыльнулся снова, а я едва не зарычала. Ну старейшины, ну…

А вот додумать не смогла: просто ровно в этот момент до моего сознания дошла суть произошедшего. В смысле, я только теперь всю картину битвы осознала.

Ведь древний червь действительно был слишком огромен и силён, чтобы умереть от простого удара кинжалом. А раз так, то сдох он по какой-то иной причине. И, если рассуждать здраво, объяснение может быть лишь одно – дело в магии.

Наверняка знать не могу, но готова спорить: «землекопы» не многим «моложе» драконов. Ещё – они столь же огромны, и запах древней магии в воздухе мне точно не померещился. А если добавить сюда свойства кортика, то всё действительно становится ясно. И эта картина ошеломляет…

Кортик сломался и больше не может «обеспечить передачу энергии от объекта к субъекту»? Да, но ведь эксперты, которые осматривали его после заварушки с фанатиками из братства Терна, сказали: починить кортик можно, но для этого нужно восстановить рабочее тело. А рабочим телом артефакта является не что иное, как древняя магия, которую те же эксперты определили как некую никому не известную смесь…

То есть… для того, чтобы вернуть кортику прежние свойства, его нужно накачать древней магией – бросить в источник, или

воткнуть во что-то, что этой самой магией наполнено. Например, в тело древнего чудовища.

Что случается после того, как свойства артефакта восстановились? Да та самая передача магии от одного живого существа другому! И если «землекопы» хоть немного на драконов похожи, то жить без древней магии они попросту не способны. Заберёшь магию – заберёшь жизнь.

То есть «червь» не от раны умер, причина смерти была другой. Ну а Дантос теперь…

Догадка была подобна удару молотом по голове. И пусть ничего плохого не случилось, я поёжилась и инстинктивно отступила ещё на шаг. Потом окинула их светлость новым взглядом и спросила:

– Где кортик?

В ответ мне продемонстрировали правую ладонь, и я лишь сейчас сообразила, что всё это время Дантос старался не разжимать кулак.

На коже оказался пусть не страшный, но довольно обширный ожог. Ну а в том, что касается самого артефакта…

– Он там. – Блондин кивнул на озеро. – Расплавился.

Я не поверила. И пусть от одной только мысли о «черве» по телу побежали мурашки ужаса, спешно направилась к воде.

– Астрид! – окликнул герцог Кернский. – Астрид, ты не найдёшь.

– Мне нужно убедиться, – пробормотала я хмуро.

И тут же услышала тихий, но довольно отрезвляющий смех.

Вот… что я творю, а? В ком надумала усомниться? Уж от кого, а от Дантоса легкомысленного отношения к артефакту ждать не стоит, но…

– Точно расплавился? – остановившись, переспросила я.

– Точно, – отозвался блондин.

А до меня вдруг дошла удивительная истина – он не понял. Не осознал, что в момент убийства «землекопа» случилось нечто из ряда вон выходящее. А ещё – я сама понятия не имею, во что это обретение древней магии выльется. Особенно на фоне того, что у герцога Кернского очень специфичная кровь.

Но обсуждать это прямо сейчас желания не было. И вообще…

– Хочу вернуться на поверхность, – сказала я. И добавила: – Пора заканчивать это цирковое представление.

– Думаешь, старейшины согласятся закончить так быстро? – подал голос Дан.

Я фыркнула, потом рыкнула. Потом вспомнила угрозу Дурута – мол, если вмешаешься, то испытание не зачтём, – и рыкнула опять. Но светлости ничего не сказала. Вместо этого принялась

стягивать с себя рубашку – просто возвращаться к сородичам в мокром прозрачном шелке, который едва прикрывает попу, желания не имелось.

И вообще – в данной ситуации драконом быть выгодней. Дракон же, если что, и огнём плюнуть может!

Дан мои намерения понял, но вместо того, чтобы забрать рубаху и отправиться в заплыв до соседнего берега, огляделся и пошел к застывшему в центре островка булыжнику. Впрочем, булыжник – слово не совсем подходящее. Тут лежал скорее обломок скалы, только странноватой, почти круглой формы.

– Что ещё? – спросила я. – Зачем тебе этот камень?

Герцог Кернский обернулся и сказал… ну, в общем-то, логичное:

– По условиям испытания, я обязан принести доказательство того, что смог переплыть озеро. Старейшина Нил попросил розовый алмаз.

Пусть на миг, но дышать я всё-таки разучилась, чтобы почти сразу, прикрыв наготу снятой уже рубашкой, сделать торопливый шаг вперёд. Просто розовые алмазы – это легенда! Не знаю, как моим сородичам удалось разнюхать, что на этом острове есть месторождение, но розовыми алмазами грезили все.

– А тайник, как понимаю, тут, – сказал Дан, приблизившись к булыжнику. – В этом куске породы.

Иного места для «тайника» на острове действительно не имелось. Но Дантос даже не догадывался, что именно предстоит увидеть! Я, честно говоря, тоже не знала. В моём распоряжении были лишь слухи, легенды и откровенные выдумки.

А реальность… она оказалась невероятной. Лучше всех легенд и прекраснее всех связанных с этими алмазами фантазий. И когда я вслед за блондинчиком подошла к булыжнику и, встав на цыпочки, заглянула в глубокую, похожую на чашу полость, то едва не грохнулась в обморок.

Нет! Это были не алмазы, а самые настоящие бриллианты природной огранки! Причём большие – каждый размером с палец, и действительно розовые.

– Ну надо же, – выдохнул герцог Кернский. – Надо же, как бывает…

А я пригляделась повнимательней и в ещё больший шок впала. Просто узор, который составляли алмазы, был слишком симметричным и упорядоченным. И слишком сильно напоминал то, что называют магической сеткой – основой сложных заклинаний.

Несколько бесконечно долгих секунд вглядывания, и сомнения рассыпались в пыль. Перед нами действительно была

основа какой-то магии.

Какой именно? Ну если вспомнить, что озеро Отречения расположено фактически в центре Лабиринта, то…

– Астрид, подожди, – окликнул Дантос, когда моя рука сама к розовому великолепию потянулась.

Да-да, блондинчик тоже о природе кристаллической мозаики догадался! Хотя он, в отличие от меня, магией не интересовался в принципе.

– Подожди, – когда моя рука замерла, повторил он. А я…

Я повернула голову, чтобы взглянуть на герцога Кернского и прочитать в серых глазах логичный вопрос: а может, не нужно это трогать?

Вот только…

– Старейшина Нил сам такое условие поставил, – вслух сказала я, чтобы тут же дотянуться до ближайшего из кристаллов и выдернуть его из паза.

Вот после этого – когда выяснилось, что алмазы вставлены в пазы, – подозрения насчёт магии подтвердились окончательно, но… я была слишком зла, чтобы переживать на тему последствий. И вообще, в данный момент меня интересовало лишь одно – моё действие поправимо или как.

Я потратила около минуты, пытаясь вставить выдернутый алмаз обратно, ну а когда поняла, что всё без толку, что магическая сетка восстановлению не подлежит, отдала алмаз Дантосу и сказала:

– Забирай все. Один кристалл отдашь Нилу, а остальные – твои.

Их светлость, который всё это время притворялся простым наблюдателем, красиво заломил бровь. Недоумение Дана было совершенно понятно: камни тянут на целое состояние, и метаморфы точно воспримут такой поступок как грабёж. Вот только…

– Именно ты добрался до этого острова, и ты же обнаружил камни – это во-первых. А во-вторых, я тебе задолжала.

Герцог Кернский снова бровь заломил, а я не постеснялась напомнить:

– Тысяча золотых Шешу, и… – вот тут пришлось вздохнуть и мысленно призвать Леди Удачу, ибо воспоминание было опасным, – …и коллекция из глаэйского стекла, которую я случайно разбила.

Блондинчик не дрогнул, но серые глаза словно огнём полыхнули. Клянусь – если б не улыбка, озарявшая аристократическое лицо, я бы точно со страху померла.

– Случайно, – не без ехидства повторил Дан, а я…

Я пихнула ему в руки рубашку и, попросив, чтобы не подглядывал, отправилась за этот же камень менять форму. Хватит рассусоливать, пора выбираться на поверхность – уж слишком хочется увидеть физиономии Нила и Дурута, когда те узнают, что мой упрямый блондинчик не только выжил, но и победил!

И да, ещё одну потерю Дантоса – небольшой замшевый кошелёк – я решила не упоминать. Во-первых, тема моего побега вызывает у светлости слишком бурные эмоции; во-вторых, в сравнении с глаэйской коллекцией, тот кошелёк вообще не в счёт.

Идём. Светлость и я. Вместе. Бок о бок.

Он весь такой большой, сильный и полуголый, а я – маленькая, красивая и вообще сказочная.

По тускло освещённому тоннелю разносится гул шагов – это он, блондинчик, топает. Я же, как положено приличной девочке, ступаю бесшумно, но… не сопеть не могу.

Почему Дан полугол? Да просто алмазов было так много, что в карманы не влезли – пришлось в рубашку заворачивать. И теперь в руках герцога Кернского имеется приличных таких размеров узел.

Почему я соплю? Да просто предчувствую встречу с толпой сородичей и неизбежные разборки с парочкой потерявших всякую совесть старейшин. И пытаюсь сообразить: как бы мне сдержаться и никого не покусать? Ведь шутки шутками, но зубы у драконов ого какие.

Идём.

Минуем два поворота и оказываемся на финишной прямой. Там, в конце тоннеля, теперь виден свет, и это лишний повод расправить плечи и внутренне собраться. И слегка споткнуться, услышав внезапный вопрос:

– Двух дней на сборы тебе хватит?

Мм-м… Ну даже не знаю… У меня же тут такая прорва вещей. Видел – каждые полчаса платья и шляпки меняю.

– Нам желательно выехать как можно раньше, пока дороги не развезло, – поясняет Дантос. – Осень обещает быть дождливой.

Я размышляю с пару секунд, потом перестаю мотать мужчине нервы и киваю. И добавляю, чтобы непоняток не возникло:

– Ву! – Что в данном случае означает решительное и безапелляционное «да».

А герцог Кернский… он вдруг издаёт тихий смешок. Потом ещё один, и третий, и… В общем, да! Да, у их светлости небольшой приступ начинается! И когда до меня доходит весь смысл нашего диалога, я к этому веселью присоединяюсь. Ведь

действительно смешно! Особенно с учётом того, что эти мои «ву» Дантос понимает.

В итоге, из Лабиринта выходим в довольно приподнятом настроении. Светлость и я. Большой человек и маленький, но очень опасный дракон.

Выходим и останавливаемся. Замираем в полушаге от древней каменной арки, чтобы насладиться улыбкой Вернона, ошарашенными лицами моих сородичей и…

И вот тут я понимаю, что, примчавшись к Лабиринту и распугав всех и вся, распугала заодно папу с братом. Причём шуганула так, что сама не заметила! А теперь они прямо здесь, на передовой, рядом с Верноном. И уже не вдвоём, а в компании мамы, Юдиссы и господина Вейна.

Родные… они больше не боятся. Даже наоборот: драконья сущность подсказывает, что теперь мне самой стоит опасаться нагоняя! И это становится поводом шагнуть вбок и прижаться к ноге Дана. А потом вскинуть морду и, сделав честные глаза, спросить у блондинчика:

– Ты меня любишь?

И услышать тихое, но искреннее:

– Очень.

Всё. К битве готова.

Я ждала от сородичей дружного шока и не менее дружной попытки возмутиться этой победой. Но всё сложилось совсем не так. Реакция тех, кто собрался к этому моменту на площадке, была куда занимательней…

От старейшин Нила и Дурута действительно веяло раздражением, а вот остальные… они, в большинстве, испытывали любопытство. А уж когда Дантос вытащил из своего узла крупный розовый кристалл, пространство буквально взорвалось эмоциями.

Ахи и охи тоже были, равно как и ропот недовольных. Вот только высказываться вслух народ не спешил – ждали вердикта старейшин. А те говорить тоже не торопились. Вернее, это Нил с Дурутом слегка онемели, а вот Ждан наоборот! Бывший наставник закусил губу в явной попытке сдержать улыбку и не сказать лишнего.

Вот сейчас, глядя на Ждана, я сильно пожалела о том, что речевой аппарат драконов для человеческих звуков не приспособлен. Ибо жутко хотелось спросить:

– Почему ты это позволил? Почему не остановил белобрысого упрямца? И почему не предупредил его о «черве»?!

Но… спросить я не могла. Поэтому попробовала пронзить

старейшину взглядом. А он не оценил – уставился вопросительно. Потом устремил тот же вопросительный взгляд на Дантоса. Словно знал, что блондинчику мои мысли временами известны.

Как ни странно, но в этот раз телепатия герцога тоже сработала. Более того, он не постеснялся всё это дело озвучить.

– Астра не понимает, почему ты, будучи на нашей стороне, промолчал. И почему не предупредил меня о чудовище.

Всё. Вот теперь самообладание наставника дало трещину, и по губам растеклась улыбка.

– Ну, во-первых, ты не спрашивал. А во-вторых… – Ждан замолчал, и эта пауза заставила очень многих навострить ушки. – Во-вторых, это было очевидно. Мне сложно объяснить эту мою уверенность, но ты не мог проиграть, Дантос. Ты не мог не вернуться.

Я повернула голову и взглянула на родных и Юдиссу. И совсем не удивилась, когда драконья сущность уловила ощущение согласия. Все, кроме мамы, были твёрдо убеждены, что блондинчик в этой заварушке выживет. Вот как ему удалось вселить в незнакомых людей такую уверенность, а?

Подозреваю, что Дан мой безмолвный вопрос слышал, но ответить всё равно не потрудился. Вместо этого повернулся и учтиво кивнул мамулечке.

– Вы госпожа Дарая, верно? – спросил он.

Полминуты замешательства, и мама делает книксен. А потом дарит чужаку улыбку и говорит:

– Очень рада знакомству, ваша светлость.

– Можете называть меня Дантосом, – отвечает блондин. – Или Даном.

– Или сыном, – ехидно добавляет Тор.

Реплика сказана самым тихим шепотом, то есть никто услышать не должен. Но… я-то дракон! У меня же ого-го какой слух!

И я, конечно, подпрыгиваю, чтобы тут же замереть очень красивой, очень возмущённой статуэткой. А ещё через мгновение с ужасом осознать – это не возмущение. Я испытываю величайшую неловкость!

Волна жара накрывает с головой, и я дико радуюсь тому, что драконы не краснеют. Сама не понимаю, чем такая реакция вызвана, но что есть, то есть. С тем и живём.

Потом становится легче – на импровизированную сцену старейшина Ждан возвращается. Он подходит к Дантосу и протягивает руку, желая забрать доказательство победы.

Герцог Кернский розовый алмаз, разумеется, отдаёт, но тут же демонстративно приподнимает узел. Вот только теперь до

моих сородичей доходит, что этот алмаз не единственный.

– Ваша светлость, камни – достояние народа метаморфов, – вмиг оживает Дурут. – Поэтому будьте добры…

– Р-р-р! – злобно говорит кто-то. И я не сразу понимаю, что этот кто-то – золотая девочка с чешуйками. То бишь я.

Старейшина вздрагивает и, несмотря на то, что стоит довольно далеко, делает шаг назад. Я же хищно расправляю крылья и выпускаю две тонкие струи дыма.

Вы, дорогие мои, как хотите, но алмазы принадлежат Дану. И клянусь – порву любого, кто попробует этот факт оспорить!

Дурут способностью к телепатии уж точно не обладает, но до разжиженного гадким характером мозга всё-таки доходит, что связываться не надо. Нил, в свою очередь, тоже что-то там соображает, и в наступившей тишине слышится:

– Эй, вы! За мной!

Приказ адресован группе стражников, которых в момент моего появления на площадке перед входом не было. Нил предлагает им прогуляться по Лабиринту и, как понимаю, посмотреть, что именно случилось.

Это здравое, в общем-то, решение вызывает не менее здравую панику, но старик непреклонен. Прямой как палка и злой, словно тысяча диких ос, он разворачивается и стремительно скрывается в тёмном проёме.

Перепуганной страже не остаётся ничего иного, как последовать за Нилом, ну а мы…

– Госпожа Дарая, господин Трим, – говорит блондинчик, – понимаю, что вы не видели Астрид несколько лет, но осень обещает быть дождливой, а до Керна пять недель пути.

– Вы хотите выехать пораньше? – подхватывает мысль мама.

Герцог Кернский кивает и добавляет:

– Думаю, сейчас нам лучше вернуться в Рестрич и заняться багажом.

Слово «багаж» вызывает в родителях некоторое замешательство, но поспорить никто из них не берётся. Отец кивает, мама дарит блондинчику улыбку, а Тор хитро подмигивает мне.

Вот после этого мы, прихватив Вернона, дружно направляемся на выход. В смысле, через толпу зевак и к тропинке, которая ведёт к городским воротам. Остановить нас никто не пытается, даже вечно недовольный Дурут молчит.

Какое-то время я шагаю вместе со всеми, но потом не выдерживаю и прыгаю в небо. Закладываю красивый показательный вираж, а поднявшись повыше, издаю пронзительный победный визг.

Да! Дантос цел и невредим, а мне не придётся жить в мерзком Рестриче и делить постель с каким-нибудь скользким метаморфом! Я уеду в Керн! Я уеду с Даном! При этом за мной останется право посещать родной город и семью, путешествовать и выходить в свет. Ибо я больше не прячусь, я не преступница. А ещё…

Вот тут моя радость кончилась. Оборвалась, словно тонкая нитка. На смену ей пришло уже знакомое ощущение – драконья сущность заворочалась и зачесалась. В этот раз ощущение было настолько сильным, что я потеряла координацию и начала падать. И пусть длилось моё падение всего секунду, но это было жутко.

А когда драконья сущность выразительно зарычала, стало ещё жутче, особенно от того, что в этот раз я не понимала, чего драконице нужно. Правда, спустя пару минут, когда внутренний рык вкупе с «чесоткой» прекратился, возникла у меня одна догадка.

Какое нехорошее событие маячило на горизонте… ну вот как раз с сегодняшнего дня? И кого драконья сущность с некоторых пор мечтает порвать в клочья?

К счастью или к сожалению, но, закладывая новый красивый вираж, я уже не чуяла, а знала – да, в Рестрич прибыл не кто иной, как Гертон.

Едва Дан и компания очутились у ворот города, я пошла на снижение, чтобы приземлиться и вновь зашагать рядом с блондинчиком. Драконья сущность всё так же ловила эмоции любопытства – они исходили от тех, кто не стал дожидаться возвращения Нила из Лабиринта, а увязался за нами.

Ещё драконья сущность чуяла шок – он исходил от застывшей у ворот стражи. Думаю, именно эта растерянность стала главной причиной, по которой наши доблестные вояки проморгали приближение экипажа.

Он нарисовался действительно внезапно. Вернее, нарисовался как положено, но заметили его лишь тогда, когда стук копыт стал отчётливо слышен всем. А произошло это ровно в тот момент, как наша маленькая компания и большая компания зевак приблизились к распахнутым в кои-то веки воротам.

Пришлось остановиться. Остановиться, обернуться и дружно расступиться, чтобы не оказаться под колёсами – хотя до встречи с экипажем было ещё далеко. И лишь теперь впавшие в прострацию стражники опомнились, но закрывать ворота никто не стал. Мужчины просто выпрямились и изобразили живой щит.

Мы – в смысле простые смертные и гражданские – имели все

шансы уйти, но никто не шелохнулся. Понятия не имею, о чём думали остальные, а лично я осталась с единственной целью – узнать о судьбе своего багажа.

Предстоящей встречи с Гертоном, конечно, не боялась, но, поразмыслив, отступила в тень. В смысле, за Дантоса спряталась. А потом подумала ещё раз и переметнулась к Юдиссе – просто прятаться за юбкой гораздо удобнее, нежели за штанами и сапогами.

И вот так, аккуратно выглядывая из укрытия, я встретила приезд одного из тех, благодаря кому наш народ живёт и процветает. И даже тот факт, что одарённые чуют друг друга – то есть моё присутствие секретом для Гертона не станет, не смущал.

Экипаж остановился за десяток шагов до «живого щита», и пока побледневший возница пытался сообразить, что же здесь происходит, дверца распахнулась, и на дорогу спрыгнул он – липовый граф Бонор.

Одарённый сделал несколько стремительных шагов по направлению к воротам и только теперь смог увидеть делегацию встречающих.

Удивление? Да, оно было, но не настолько сильным, как хотелось бы. А вот мгновением позже, когда Гертон заметил Дана, ситуация чуть-чуть, но поменялась. Во-первых, одарённый споткнулся; во-вторых, исходящее от него раздражение усилилось раз в пятьсот. А потом драконий слух различил тихое шипение и несколько крепких нецензурных слов.

Правда, уже через мгновение внук старейшины Нила взял себя в руки и озарил мир улыбкой. Единственное – фальшивости этой улыбки не скрывал…

– Ну надо же! – воскликнул он приблизившись. – Надо же, какие люди!

Герцог Кернский, к которому Гертон и обращался, отвесил не очень учтивый, но всё-таки поклон. Потом сказал:

– Добрый день, Сартос. Очень рад, хотя, признаться, не ожидал, что вы метаморф.

Фальшивый граф фыркнул и окинул светлость демонстративно-пристальным взглядом. Потом столь же пристально посмотрел на Вернона, но опять к полуголому блондинчику вернулся.

Несколько секунд тишины, и Гертон заговорил. Озвучил, так сказать, возникшие в результате этой встречи мысли…

– Это вы, Дантос, охоту на зеленоглазую брюнетку устроили. Это по вашей милости вся столичная стража два дня на ушах стояла.

Видеть лицо Дана я не могла, но чуяла – улыбнулся. А Гертон

продолжил:

– И Астрид неспроста так упрямо вас выгораживала. Неспроста разнервничалась, когда узнала, что у нас есть некоторые планы на ваш счёт.

– Хм… – подал голос блондинчик. – Планы на мой счёт?

Гертон реплику проигнорировал.

– Ну и та шуточка насчёт женщины вам на откуп… – добавил одарённый совсем тихо и скорее для себя, нежели для остальных. – Теперь понимаю, как такая мысль ей в голову пришла. А тогда слегка опешил.

Вот теперь Гертон замолчал, и, высунувшись из укрытия, я смогла пронаблюдать, как он задирает подбородок и отступает на шаг. Потом в наставшей тишине прозвучало тихое:

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Не знаю, как остальные, а лично я хотела. Нет, в самом деле хотела выйти, улыбнуться во всю пасть и рассказать сородичу всё! До мелочей! Но нас прервали.

Возница, управлявший экипажем, справился с оторопью и сказал:

– Господин граф, ваши чемоданы… Куда их доставить?

Та-ак… то есть всё-таки привёз.

Гертон неопределённо махнул рукой – мол, плевать. Делай что хочешь, только не отсвечивай. А вот я была с таким подходом не согласна. И вообще! И вообще, он весь мой багаж привёз или как? Или что-то всё-таки забыл?

Озадаченная этим вопросом, я выскользнула из-за юбки Юдиссы, сделала два шага и красиво застыла на месте. Я замерла, чтобы дать Гертону возможность разглядеть и осознать, с кем именно дело имеет.

А минутой позже, когда несостоявшийся жених справился с шоком, опасно ударила хвостом, клацнула зубами и р-резко скакнула вперёд. И мысленно рассмеялась, увидав, как кое-кто побледнел и отшатнулся с самым негеройским видом.

Нет. Нет и ещё раз нет – Гертона я не простила! А уж драконья сущность не простила тем более. Но мы обе слишком хорошо понимали, что нападение на одарённого приведёт к новым проблемам, которых совсем не хотелось. Желание покинуть Рестрич и окунуться в нормальную жизнь было сильней.

К счастью, блондинчик думал так же. Точно знаю – Дан прекрасно понял, что перед ним некто, кто заслуживает пары переломов, но в драку всё же не полез.

– Р-р-р! – выдержав приличную моменту паузу, сказала я.

Потом обогнула бледного Гертона и отправилась к экипажу. Тот факт, что несчастный возница непрерывно чертит в воздухе

обережные знаки, ни меня, ни драконью сущность не волновал.

Ну а как только я закончила пересчёт чемоданов, на тропе, ведущей к Лабиринту, появились Нил с Дурутом и стражники. И пусть лиц я ещё не видела, но точно знала – старейшины ужасно злы.

А раз злы, значит, какую-нибудь подлость сделают. И готова об заклад биться, что начнётся эта подлость с общегородского сбора.

Впрочем, даже будь старейшины в отличном настроении, собрания всё равно не избежать. Уж слишком много событий. Уж слишком много новостей…

Интуиция не подвела – Нил с Дурутом действительно пожелали выступить перед народом. Едва эта парочка оказалась у ворот, начальник городской стражи получил приказ бить в колокол. Очень скоро тишина сменилась тяжелым распевным звуком набата. Он звал всех на главную площадь, к ратуше.

Но сородичи подчиняться зову не спешили. По крайней мере те из них, кто толпился у ворот.

Причиной такой нерасторопности стали опять-таки мы… Просто и я, и Дантос предпочли уделить внимание не собранию, а вознице. При этом меня интересовал вопрос, как забрать чемоданы, а блондинчик мыслил гораздо шире – думал, как убедить возницу остаться в Рестриче, дабы через день-другой увезти отсюда и чемоданы, и меня.

Возница, который, кстати, был нанят Гертоном ещё в Кенстриче, предложению Дантоса совсем не обрадовался. Он оказался достаточно сообразительным, чтобы понять – с нашим городом не всё так просто. Ну и о том, что стал свидетелем чего-то, что видеть не следует, догадался. Так что действительно мечтал удрать, но…

Но после того как светлость назвал цену, возница замер, нервно сглотнул и вытаращил глаза. А когда блондинчик цену повторил – быстро кивнул и спросил:

– Дорогу к постоялому двору покажете?

Ему показали. Показали несмотря на то, что стража попыталась взбрыкнуть и заартачиться. Хорошо, что старейшина Ждан поблизости был – он дело и уладил. А господину Вейну в результате пришлось проситься к «гостю» на козлы – ведь какой постоялый двор без хозяина?

Я было тоже за экипажем увязаться хотела – мне требовалось сменить облик, а единственный комплект одежды там, на кухне постоялого двора остался. Но всё оказалось чуточку проще…

– Астрид! – окликнула мама. – Твоя одежда должна быть уже

дома. Госпожа Эйрен обещала её отнести.

Вот только теперь я заметила отсутствие Юдиссиной свекрови. Мужа моей подруги также не наблюдалось, и с учётом того, что с момента прибытия в город мы ни разу не виделись, возникло ощущение, что он от меня прячется.

– Там окно в кухню открыто, – добавила мама. – Задняя дверь тоже не заперта.

Я фыркнула, послала мамулечке благодарный взгляд, потом повернулась и хитро взглянула на блондинчика. А ещё через миг оттолкнулась лапками и, расправив крылья, взлетела. Повинуясь желанию драконьей сущности, заложила долгий вираж и только после этого направилась к дому.

Нет, могла, конечно, явиться на собрание в облике золотой девочки, но отвечать на каждый выпад старейшин огненным плевком – всё-таки дикость. А мне хотелось побыть культурной. Хотелось расстаться с сородичами на позитивной волне.

И только одно напрягло – в последний момент, когда я уже пробралась домой и приготовилась призвать родовую магию, драконья сущность опять заворочалась. А за секунду до того, как я начала трансформацию, издала непонятный, какой-то особенный рык.

Вот только остановиться и задуматься над произошедшим возможности у меня не было. Я слишком спешила. Слишком хотела опять стать… ну почти человеком. Превратиться, чтобы снова увидеть его. Самого несносного, но самого замечательного мужчину в мире. Моего Дана!

Глава 12

Герцог Кернский поджидал у крыльца. Не знаю, как ему удалось добраться до нашего дома так быстро, но факт остаётся фактом – блондинчик был здесь. Причём, кроме прочего, он ещё на постоялый двор забежать успел. Об этом свидетельствовало отсутствие узла с алмазами, наличие новой рубашки, камзола и совершенно сухие штаны.

– Ну что, готова? – спросил Дан, когда я вышла.

Я замерла на миг, улыбнулась уголками губ и кивнула. Потом захлопнула дверь, сбежала по ступенькам и замерла опять.

Очень хотелось броситься к Дантосу на шею – прижаться, почувствовать его тепло, поцеловать губы, но… Нет. Нет, эту маленькую слабость я себе запретила. Просто над городом снова зазвучал гул набатного колокола, и нам действительно следовало поторопиться.

Дантос это мнение разделял. Что, впрочем, не помешало их светлости поймать и поцеловать мою ладошку. А потом водрузить руку на мою талию и повести меня… ну собственно к ратуше.

В этом жесте смешались забота и инстинкт собственника, что было очень даже приятно. Но выдавать свои эмоции я не спешила. И вообще… И вообще у меня ещё масса вопросов осталась! И кое-какие претензии, да-да!

Впрочем, заниматься выяснением отношений я пока не собиралась – очень неразумно ссориться друг с другом, когда впереди схватка с общим врагом! Именно поэтому я предпочла идти молча, а вот герцог Кернский…

– Ну что, теперь ты довольна? – в какой-то момент спросил он.

Я отвлеклась от любования городским пейзажем и, чуть нахмурив брови, уточнила:

– В каком смысле?

– Ну как… Ты стремилась домой, и вот ты здесь. Ты мечтала сбежать от меня, и у тебя получилось. Ты желала самостоятельности, и…

– Всё было не так, – по-прежнему не желая ссориться, перебила я.

– Да неужели?

Голос их светлости прозвучал предельно ровно, но всё равно. Всё равно за этим вопросом чувствовалась нервозность, которая… Вот честно? Она откровением стала!

В момент нашей встречи я видела – Дан взбешен. И я с самого начала понимала, что побегу моему блондинчик не

порадуется, но никак не думала, что он будет уязвлён. А ведь сейчас в тоне Дантоса именно она, уязвлённость звучала!

– Всё было не так, – желая смягчить ситуацию, повторила я. – Это не было мечтой или желанием. Я должна была уйти, чтобы…

– Защитить меня от своих сородичей?

Я, разумеется, кивнула. А Дан фыркнул и притянул чуточку ближе.

– Ну и как? Защитила? – вновь подал голос он.

Блондинчик не издевался, но это не помешало мне немного отстраниться и, не выдержав, мстительно пихнуть его локтем.

Да, бес меня пожри! Да, я давно поняла, как сглупила, и тысячу раз признала свою неправоту! И поднимать тему снова и снова попросту негуманно.

К тому же, если вдуматься, герцог Кернский тоже не идеал…

– Ты меня удерживал, – напомнила я. – Ты поставил купол над поместьем. Следил за каждым моим шагом и вообще тиранил. Ты превратил свой особняк в настоящую клетку и ещё претензии мне предъявляешь?

– А как я должен был поступить? – спросил Дан, упрямо притягивая обратно. – Что должен был сделать?

Ссориться по-прежнему не хотелось, обижать светлость не хотелось тем более. Но я всё-таки сказала:

– Тебе следовало отпустить меня, Дантос.

– Почему?

Вопрос… не то чтобы поставил в тупик, но удивил изрядно. Он что же, в самом деле не понимает? Или только прикидывается?

Впрочем, не важно. Хочет знать – отвечу. Мне не сложно.

– Ты должен был отпустить, – повторила я, – потому что удерживать женщину – глупо. Более того, это удел слабаков.

Дантос резко остановился, заставляя остановиться и меня. Тут же развернул лицом к себе и вперился очень недобрым взглядом.

То есть мои выводы, ожидаемо, не понравились. Но других у меня нет! И любой здравомыслящий человек со мной согласится: удерживать женщину – удел слабаков! Сильные так не поступают.

– Ещё версии есть? – спросил тем временем Дан.

Я нахмурилась в попытке понять, к чему он клонит. Потом вздрогнула от нового, особенно неприятного удара набатного колокола и на миг скосила глаза на мчащую мимо нас женщину. Тот факт, что улица давно опустела, намекал – мы с блондинчиком придём на городское собрание последними. Но этот момент не волновал нисколечко.

– Ну так что? – вырвал из раздумий герцог. – Другие версии

будут?

Он явно на что-то намекал, но я не понимала. Поэтому не ответила, а вопросительно заломила бровь. И тут же услышала тихое, не лишенное раздражения:

– Вдруг в моей жизни есть какое-то предсказание! Некое высшее слово, не прислушиваться к которому – верх глупости?

Я нахмурилась сильней, а через миг в памяти вспыхнуло воспоминание…

Герцогская спальня. Ещё бледный, но уже вполне бодрый блондинчик честно соблюдает постельный режим, маленькая красивая я кручусь вокруг коробки, принесённой императором, а сам Роналкор сидит в кресле, у постели раненого, и говорит:

– Мне обо всём доложили, Дан. И даже о том, что ты намерен девочку к драхам отправить.

– То есть ты ради этого пришел? – спрашивает блондинчик.

– Дан, ты сам уверял, что Астра – то самое счастье, которое тебе провидица из Рассветного предсказала. Ты не имеешь права её отпускать, потому что иначе…

– Я помню, что сказала старуха, – перебивает Дантос жестко. – И я знаю, что делаю.

А я… я начинаю ходить вокруг коробки и надеяться, что услышу подробности, но увы. Обсуждать пророчество мужчины не намерены. И смысл того загадочного «иначе» так и остаётся тайной.

Ну а дальше… Роналкор открывает коробку, и моему взору предстаёт стопка кукольных платьев и записка от малявки Мисси. Это уже шок. Уже повод забыть про всё на свете и забиться в нервных конвульсиях.

Дальше – больше. Заботы, проблемы, маленькие стычки с Дантосом и тысяча мелочей, из-за которых я напрочь про этот разговор забываю.

Нет, я действительно не помню про это «иначе»! Впрочем… а что оно меняет?

– Провидица сказала, что меня нельзя отпускать? – вынырнув из воспоминания, спросила я. А дождавшись кивка светлости, продолжила: – Хорошо, Дан, но ты мог объяснить. Мог поговорить со мной. Как человек с человеком.

– Правда? – В серых глазах герцога Кернского вспыхнули искорки то ли смеха, то ли гнева. – Правда, мог?

Я не хотела, но потупилась. Вот что, а своё нежелание разговаривать я помнила отлично. И да, сама, лично, от разговоров на тему будущего бегала. Причём очень шустро.

Но это всё равно не повод!

– И чем же грозила провидица? – пробормотала я.

– Катастрофой, – сказал Дантос.

Меня такой ответ, конечно, не удовлетворил, и я вскинула голову, чтобы снова в серые глаза вглядеться. Я хотела спросить о полном тексте пророчества. Узнать – что же там такого было, а заодно удостовериться, что Дантос не ошибся, что пророчество обо мне.

Но увы. Увы, не успела. Герцог Кернский сказал раньше.

– Впрочем, даже не будь никакого предсказания, я бы поступил так же.

– Почему? – вновь нахмурилась я.

– Потому что мне с самого начала было ясно, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Закрытые общества, не важно – секта это или целый народ – ошибок не прощают. А ты ошиблась. Ты вляпалась в неприятности и, следовательно, несёшь в себе проблему. Тебя нельзя было отпускать.

Очень хотелось взбрыкнуть, но правды в словах герцога Кернского было до отвратительного много. Более того, на месте Дана я бы поступила так же! Но признавать поражение не хотелось. Поэтому, когда блондинчик снова обвил мою талию рукой и повёл по направлению к ратуше, попыталась отыграться.

– Я всё понимаю, Дантос, но ты всё равно перегнул.

– В чем именно?

Хотелось выпалить: да во всём! Но я сдержалась. Сдержалась, чтобы глубоко вздохнуть и сказать:

– Купол я тебе прощаю. Поисковый маячок в кошельке – тоже. Но то представление с облавой…

– А это не я, – хмыкнула светлость. – Это Ронал постарался.

Я споткнулась, но не упала. Вот, значит, как? Ну ладно…

– А портрет мой с твоих слов составляли?

– Допустим, – отозвался Дан.

Всё. Кончики ушей вспыхнули и губы, вопреки всем обидам и недовольствам, растянулись в улыбке. Просто когда кто-то считает тебя умопомрачительно красивой – это очень приятно.

– Но почему вы искали брюнетку? Ведь ты знал, что я метаморф и, следовательно, могу запросто сменить внешность.

– Мы уповали на удачу. Понимали, что это глупо, но решили попробовать.

– А знаешь, ваш план почти сработал, – после некоторого молчания призналась я. – Меня даже попытались задержать, но я отвертелась.

– Хочешь сказать, что уезжала из столицы в истинном облике? – уточнил Дан. И добавил, понизив голос: – Но почему?

Мы почти дошли до главной площади Рестрича. Там, впереди, плескалось людское море, а на вершине ведущей к

ратуше лестницы можно было разглядеть фигуры старейшин. Безусловно, там ждали нас, но…

Я остановилась, заставив остановиться и Дана. А когда моя догадливая светлость повернулась и наклонилась ближе, открыла самый жуткий секрет:

– Я утратила способность к трансформации. Дракон – единственный образ, в который могу воплотиться.

Секунда тишины закончилась улыбкой и лёгким поцелуем в губы. Спустя ещё мгновение я услышала:

– Прости, малышка, но посочувствовать не могу. Способность менять внешность – это, безусловно, полезно, но я бы хотел всегда видеть тебя настоящей. Или, в крайнем случае, Астрой.

Я насмешливо фыркнула и отстранилась.

– Нас ждут старейшины, – напомнила скорее себе, нежели ему.

Герцог Кернский улыбнулся, взял за руку и повёл дальше. Сквозь толпу, к городской ратуше и поджидающим нас старикашкам.

Стою. Стою, слушаю выступление старейшины Нила и одновременно ловлю себя на мысли, что благодушный тон оратора мне совсем не нравится. Вернее, я этому тону не верю. Более того – жду подлянку.

Герцог Кернский стоит рядом со мной, на той же лестнице, которая сейчас выполняет роль то ли трибуны, то ли театрального помоста, и тоже не верит. И готова спорить на все добытые Даном алмазы, тоже подлости ждёт.

Вернон и моя родня, включая примкнувшую к ним Юдиссу, также здесь. Но они ниже, у основания этой широченной лестницы застыли. От всей их компании веет таким же недоверием, но… Но что они могут?

Нам всем не остаётся ничего иного, как стоять, слушать и… да-да, ждать! И надеяться, что старейшины в кои-то веки поступят по совести.

А Нил говорит! Нил распинается! Причём культурно и без передёргиваний.

Мол, дорогие сородичи, как вам уже известно, в город вернулась наша Астрид. И, как вам опять-таки известно, за ней приехал во-он тот мужчина, приближенный императора. Он высказал твёрдое намерение жениться на нашей «жемчужинке», и мы назначили испытание. Испытание это он прошел, причём…

А вот тут проскальзывает нервяк. У старейшины случается приступ кашля, Нил оттягивает воротник – словно тот душит. Но потом всё-таки признаётся. Рассказывает остальным о том, что

древнего чудовища, обитавшего в озере Отречения и охранявшего Лабиринт, больше нет.

Старейшина на миг соскальзывает с темы – упоминает о необходимости выставить у каменной арки охрану, и снова к главному возвращается. Подчёркивает – претендент испытание прошел, то есть старейшины, равно как и народ метаморфов, отказать в сватовстве не могут.

Вернее как… Теоретически можно взбрыкнуть, ибо Дантос был в Лабиринте не один, а в компании (вот тут Нил снова запинается) «второго чудовища», но! Но старейшины, так и быть, готовы зачесть испытание. Просто потому, что я явилась на помощь много позже.

И да, кстати! Кстати, дорогие сородичи, наша Астрид нарушила запрет на анимализм, но… пусть с этой проблемой её муж разбирается. Все согласны?

Тот факт, что избавиться от жениха «привычным методом» невозможно, остаётся невысказанным. И хотя про клятву народу не говорили, недоумения такая «нерешительность властей» не вызывает. Все знают – если бы могли прибить чужаков, то уже прибили бы, а так…

А так всем приходится стоять и слушать. И ждать высочайшего вердикта!

И в конечном итоге, несмотря на всю разлитую Нилом воду, этот момент наступает. Старейшина делает глубокий вдох, поворачивается к нам, дарит герцогу Кернскому сдержанную улыбку и говорит:

– Что ж, испытание вы прошли, и поводов для отказа больше не имеем. Женитесь, если жить без неё не можете. Единственное – герцогских дворцов у нас нет, но… – вот теперь Нил растягивает губы в подчёркнуто-доброжелательной улыбке, – …но обещаю, мы выделим вам лучший дом из числа свободных.

До меня доходит не сразу. Вернее, уже после того, как блондинчик дарит Нилу ответную подчёркнуто-доброжелательную улыбку и говорит:

– Насчёт дома не беспокойтесь. Мы будем жить в Керне.

– Простите, Дантос, но это невозможно, – отвечает Нил. – Согласно законам нашего народа, жить вне сообщества запре…

А договорить старейшина не смог. Его речь оборвал пронзительный свист!

Я повернула голову, уверенная, что это Торизас или Вернон в дело включились, и с удивлением узнала – нет, они ни при чём.

Свистел кто-то незнакомый, какой-то пожилой усатый мужчина. И его пример оказался очень заразительным… Ещё миг, и пространство буквально взорвалось. Свист, визг, яростный

топот – всё! Всё смешалось!

А когда эта волна схлынула, какая-то женщина крикнула грозно:

– Хватит! Оставьте девочку в покое! Пусть едет и живёт как захочется!

Нил ответил ошарашенным взглядом. Дурут и Гертон, которые стояли поблизости – тоже. И только мой бывший наставник улыбался. Причём радостно так, лучисто.

– Какая нам разница, где будет жить Астрид? – поддержал женщину усач. – Она всё равно за чужака выходит!

– Да даже если бы за своего! – включилась в разговор наша соседка, госпожа Мита. – Зачем неволить девочку? Зачем над ней издеваться?

Старейшина Дурут не выдержал – набрал полную грудь воздуха и явно хотел возразить, но… Нет, не успел. За него булочник Том ответил:

– Закон должен исполняться! Сказано в законе, что жить в Рестриче – так тому и быть. И муж, раз ему так неймётся…

– Но других-то, которые замуж выходили, отпускали! – встряла госпожа Ири.

– Ну так у других дара не было! – взвизгнул Дурут. – А у этой есть! Эта… жемчужина нашего на…

Всё. Взрыв! И главная площадь Рестрича наполняется таким криком, что хочется немедленно заткнуть уши. Но этого мало – в воздухе появляется невероятное напряжение. Несмотря на ясную, очень солнечную погоду, начинает казаться, что в сердце грозового урагана попала.

– Оставьте Астрид в покое! – вопит кто-то. – Пусть едет с чужаком!

– К бесам чужака! – кричит другой. – Она обязана быть здесь и приносить пользу!

– А сам-то ты много пользы принёс?

– Я? Да я всю жизнь…

Нет. В какой-то момент я действительно не выдерживаю и накрываю уши ладонями. Стою ошарашенная и понятия не имею, как реагировать на происходящее. А людское море, которое ещё пять минут назад было спокойным, штормит всё сильнее. И, клянусь, тут полслова до драки!

Впрочем, я этого не понимаю… Здесь и сейчас я глубоко шокирована тем, что кто-то смеет бунтовать. Вернее, тем, что кто-то взял и вступился. Причём за кого? За беглянку и преступницу. За меня!

А скандал нарастает. Я вижу, как госпожа Ири яростно трясёт кулачком. Как булочник Том багровеет. Как не пойми откуда

выскакивает лопоухий Энир и начинает тыкать в Тома пальцем. Как госпожа Мита срывает с головы чепчик, и упирает руки в бока, и что-то выговаривает незнакомому рыжеволосому парню.

Это удивительно. Нет, всё то, что творится на площади, определённо не укладывается в моей голове. И когда Дантос берёт за руку, заставляя тем самым разжать уши, я в ещё большем замешательстве оказываюсь.

А герцог Кернский, наоборот, чувствует себя в этой суматохе очень вольготно – улыбается и вообще веселье источает. Только стоять тут и ждать, когда народ успокоится, светлость не хочет. Он тянет меня вниз по лестнице – к месту, где поджидают родные.

Я, конечно, подчиняюсь. А оказавшись рядом со своими, впадаю в ещё больший шок.

– Госпожа Дарая, – перекрикивая шум толпы, зовёт Дан. – Торизас говорил, что вы приглашали на чай…

Мама хмурится, но спустя миг на её губах вспыхивает добрая улыбка.

– Конечно, приглашала! – кричит она.

Ещё мгновение, и вся наша компания, включая Юдиссу и добравшегося до жены Энира, разворачивается и начинает пробираться сквозь толпу. И нас, как ни странно, пропускают. Словно мы тут самые что ни на есть лишние. Словно вообще никакого отношения к происходящему не имеем.

И это удивляет особенно, но я предпочитаю помалкивать. Иду вслед за Дантосом, под конвоем Вернона, Тора и отца. А когда оказываемся на свободе, облегчённо вздыхаю.

– Ты как? – спрашивает Дантос. – В порядке?

Пожимаю плечами и молчу.

Не знаю. Я по-прежнему в шоке. Я… в самом деле не ожидала!

– С тех пор, как ты сбежала, в Рестриче кое-что изменилось, – глядя на мою реакцию, говорит папа. И добавляет: – Мнение старейшин разделяют далеко не все.

Угу. Это я уже поняла. Но всё равно удивительно.

Я делаю два шага по направлению к переулку, через который можно на нужную нам улицу выйти, и замираю. Потом поворачиваюсь к брату и задаю вопрос, которым следовало озадачиться ещё пару дней назад…

– Кстати, а где Натар? Куда запропастился и почему не показывается?

Если вдуматься, это в сотню раз удивительней, чем тот спор, что разгорелся на площади. Просто… Натар – это Натар. Он всегда, сколько себя помню, где-то поблизости ошивался. Во

времена, когда я жила в Рестриче, не случалось и дня, чтобы я соседского мальчишку не встретила. А тут…

– Натара нет, – отвечает Торизас. Потом делает глубокий вдох и поясняет: – Натар сбежал через несколько дней после тебя.

Ну вот опять шок. И брови где-то на середине лба замирают.

А брат продолжает:

– В тот год вообще много побегов было. И на следующий, и после него. Все утихомирились, когда старейшины согласились внести кое-какие поправки в законы. В том числе разрешили всем желающим посещать Линскую ярмарку. Ну и ещё кое-что, по мелочи.

В этот миг стало очень радостно, что рядом стоит Дантос и придерживает за талию. Клянусь – если бы не он, я бы точно грохнулась.

– Как… как это сбежал? – совладав с голосом, выдохнула я. – Куда?

– Понятия не имею, – ответил брат. – Про Натара знаем только то, что он записку на прощание оставил. В записке одно слово…

– Какое? – подтолкнула я.

Тор усмехнулся, но озвучил:

– Задолбали.

На пару секунд я превратилась в ледяную скульптуру – стояла и пыталась осознать эти невероятные новости. С самого начала понимала, что буду дурным примером, но я понятия не имела, что всё зайдёт так далеко!

– А почему вы не сказали сразу? – Я мазнула растерянным взглядом по лицам родителей. – Почему я узнаю обо всём этом только сейчас?

Мама шумно вздохнула, Тор усмехнулся, а отец пожал плечами и сказал:

– Тема опасная. Да и не знали, как ты на такие новости отреагируешь.

– А как я могу отреагировать? – уточнила осторожно.

– Да мало ли, – ответил папа. – Натар, как-никак, не посторонний…

Повисла пауза. Она, вопреки тому, что новости как бы и не плохие, была нервной. А когда мы двинулись в сторону того самого переулка, я поняла – мне ужасно грустно.

Ну зачем он сбежал? Куда? И что с ним теперь?

– Не хмурься, – сказал Тор. – Это его жизнь и его выбор.

– Но… – начала было я и замолчала, услышав:

– Ты сейчас совсем как старейшины рассуждаешь. Мол, если мир за стенами Рестрича, то обязательно зло. Но ведь это не так,

Астрид.

Захотелось надуться и спросить: ты-то откуда знаешь? Но я промолчала, потому что Торизас был прав. Перегибаю я сейчас. Совсем как некоторые.

С пару минут шли молча. Со стороны площади слышался гул множества голосов, и по-прежнему веяло вероятностью драки. Правда, меня заварушка уже не волновала. Да и соседский мальчишка, честно говоря, из головы вылетел.

Зато вспомнились розовые алмазы и их расположение, сильно похожее на то, что магической сеткой называют. Это воспоминание стало поводом выскользнуть из захвата Дантоса и прицепиться к брату.

– Что ещё? – увидав на моём лице странное выражение, спросил Тор.

Я лукавить не стала, сказала как есть, но, на всякий случай, шепотом:

– Знаешь, там в Лабиринте… В общем, я не уверена, но есть подозрение, что там что-то нарушилось.

– Что-то? – переспросил брат.

Я пожала плечами. Увы, но более точно сказать не могу. Я же не специалист, не маг! И вообще – возможно то, что я за магическую сетку приняла, в действительности нечто иное? Нечто совсем не волшебное и вообще безобидное? Может, я вообще в своих предчувствиях ошибаюсь. Так каких уточнений от меня ждать?

– Что-то, – повторила уже вслух. И добавила главное: – Когда в Лабиринт пойдёшь, будь осторожнее, ладно?

Торизас улыбнулся и кивнул, а в следующий миг послышался сдержанный мужской смех. Я повернула голову, чтобы увидеть рядом с Даном Вернона. И да, эти двое веселились!

– Над чем смеётесь? – полюбопытствовала я.

Вернон бросил взгляд на Дантоса, а тот задумался на миг и отрицательно качнул головой. Сказал с улыбкой:

– Нет, ничего.

Я заломила бровь, но вместо пояснений услышала туманное:

– Да так. Подумалось, что твоё возвращение обходится народу метаморфов слишком дорого. И для полного счастья не хватает только одного…

– Чего?

Герцог Кернский снова головой мотнул.

– Нет, малышка. Это уже перебор. Такого не случится. Хотя вероятность, что нас выследили…

– Сотня золотых на то, что будет! – перебил Вернон.

Дан фыркнул и рассмеялся снова, а я окончательно убедилась

в мысли, что ничегошеньки в их шуточках не понимаю. Ну кроме одного: я – проблема, и это как бы смешно.

Учитывая, что день выдался трудным, а живот уже ныл от голода, искать справедливости я не стала. И дополнительного допроса не устроила! И вообще решила подумать обо всём этом как-нибудь позже, по дороге в Керн, например.

Но Леди Судьба распорядилась иначе… Где-то через час, когда наша маленькая компания уже прикончила суп и второе, уют дружеского обеда нарушил нервный звон дверного колокольчика.

Ещё минута, и в кухню ввалилась бледная, словно смерть, госпожа Мита.

– Что стряслось? – глядя на перепуганную соседку, воскликнула мама.

– Чудовища, – выдохнула та. И, собравшись с силами, пояснила: – У стен города… драконы.

Шок? Ну да, было немного. А вот драматизма и какой-то эпичности не получилось. Просто едва Мита замолчала и бессильно упала на стоящий поблизости стул, Дантос и Вернон переглянулись и… прыснули.

Через несколько секунд их сдержанный смех превратился в самый бескультурный ржач. Да такой сильный, что даже посуда в шкафу задрожала! А мы сидели, смотрели на эту парочку и дружно пытались понять – что происходит?

Нет, лично у меня догадки-то возникли, но обдумать их не успела – блондин и брюнет успокоились раньше. А через миг после того, как они замолчали, вновь раздался звон дверного колокольчика. Но этот визитёр, в отличие от госпожи Миты, вламываться в дом не стал, он стоял на крыльце и ждал, когда кто-нибудь откроет.

Мама оказалась самой проворной – именно она первой выскочила из-за стола и поспешила в прихожую. Остальные тоже повскакивали, и только Дантос с Верноном не шевельнулись. Словно ничего особенного не происходит! Словно их это всё вообще не касается!

И лишь когда мама окликнула, призывая меня выйти, герцог Кернский соизволил вытереть губы салфеткой и, приняв самый серьёзный вид, подняться на ноги.

В итоге, в прихожей он очутился первым. А уже за ним из кухни вышли я, папа, Тор и прочие любопытные. Включая лопоухого Энира.

Вышли и ничуть не удивились, обнаружив на пороге известное трио, дополненное Гертоном.

Впрочем, нет. Удивительное тут тоже было! Нил и Дурут в кои-то веки растеряли спесь и выглядели довольно бледно. И разговор не они начали, а Ждан.

– Астрид, у нас проблемы, – сказал бывший наставник со вздохом. – Четверть часа назад у городских ворот приземлилось несколько… – Ждан запнулся, словно всё ещё не верил, но всё-таки договорил: —…несколько драконов. С драконами люди – как понимаю, это люди из племени драхов. Они требуют тебя.

Я подарила бывшему наставнику вопросительный взгляд, и Ждан пояснил:

– Среди драхов один говорит на нашем языке. Он кричит, что им известно, что маленький дракон здесь, и они требуют встречи.

– Чего-чего? – ошарашенно переспросила я.

– Они требуют встречи с тобой, – повторил Ждан. – Немедленно.

Я открыла рот в намерении ответить, но слов как-то не нашлось. Зато старейшина Нил, несмотря на явную близость сердечного приступа, не выдержал и выпалил:

– Ну что ты встала?! Тебе же сказали…

– Астрид, драконы очень опасные твари, – перебил Нила Дурут. Более спокойный, как ни странно. – Они могут разрушить город в считаные минуты. И раз ты перешла им дорогу, раз они требуют именно тебя… Ты должна выйти и поговорить с ними. Убедить, чтобы убрались отсюда. Сейчас же.

Дурут был строг, и его тон предполагал мгновенное подчинение. Но я с места не сдвинулась – и даже не из вредности, а просто потому что растерялась.

Зато герцог Кернский теряться не собирался. Он шагнул вперёд, сложил руки на груди и спросил:

– То есть вы готовы выдать Астрид драхам по первому требованию?

– Я иду с ней, – попытался смягчить ситуацию Ждан, а Нил, Дурут и Гертон даже не шелохнулись.

Реплика Ждана блондинчика не впечатлила. Он мазнул взглядом по лицу самого молодого из старейшин и демонстративно повернулся к «главарям» – к Нилу с Дурутом.

– Вы понимаете, насколько это опасно? Вы понимаете, что Астрид может не вернуться? Что её могут попросту убить?

Тишина, возникшая после этого вопроса, длилась недолго…

– Драконы прилетели из-за неё, – сказал Гертон раздраженно. – Никто из нас не может вести с ними переговоров, потому что мы даже не в курсе ситуации. Более того – они требуют встречи именно с Астрид. Не со мной, не с ними, – он кивнул на старейшин, – а с ней!

– Но ведь Астрид – сокровище вашего народа, – припомнил недавний разговор Дантос. – Жемчужина! И вы так просто от неё откажетесь?

– А что мы можем сделать? – не выдержав, рыкнул Дурут.

– Не пустить, – сказал Дантос безапелляционно.

Бледный доселе Нил откровенно побагровел. Но напоминания о последствиях – о том, что драконы де могут разрушить город, хотя драхи вроде и не угрожали – остались невысказанными.

Впрочем, в этот миг все слова кончились – на смену спору пришла война взглядов! Хотя нет, «война» слово неподходящее. Скорее блиц-криг в исполнении их светлости герцога Кернского. Блестящая атака, результатом которой стало спокойное и уверенное:

– Астрид никуда не пойдёт. Говорить с драхами буду я.

Пару дней назад мне бы захотелось завыть и назвать Дантоса самоуверенным идиотом, но сейчас… я только вцепилась в его ладонь в безмолвной мольбе: «Возьми меня с собой. Ну пожалуйста»!

– Зачем? – не глядя, тем же спокойным тоном спросил Дан.

В этот миг я окончательно убедилась в давно посетившей меня догадке: герцог Кернский действительно тиран. Ну и ещё кое-что поняла – с самостоятельностью пора завязывать. В том смысле, что рядом с этим мужчиной моё стремление решать все проблемы своими силами только во вред.

Но беспокойство за его жизнь никуда не делось! И толика любопытства, которая вспыхнула ещё в момент появления госпожи Миты, тоже!

Ну и ещё одна немаловажная деталь – теперь я очень чётко слышала ворчание драконьей сущности. Она была недовольна происходящим, но трагедии тут не видела. И всё активнее предлагала сходить и пообщаться с… как это ни смешно, сородичами.

– Зачем, Астрид? – повторил блондинчик.

Я не придумала ничего лучше, чем шагнуть к Дану, тесно прижаться к его боку и шепнуть:

– Просто хочется.

Герцог перевёл на меня удивлённый взгляд, но через мгновение его губы дрогнули в улыбке.

– Маленькая упрямая девчонка, – невпопад ответил он.

Я кивнула.

Да, признаю – мне ещё взрослеть и взрослеть. Ну а упрямство… знаешь, есть подозрение, что это уже не исправить. Но ты сам не лучше. Следовательно, должен относиться к этому

моему недостатку с пониманием.

– Хорошо, Астрид, – сказал его светлость после паузы. – Хорошо, пойдём. Но от меня ни на шаг. И постарайся молчать. Ладно?

– Ладно, – ответила я.

Потом окинула взглядом собравшихся и первой шагнула к двери.

Улицы Рестрича встретили непривычной тишиной. Прохожих не было, а сам город как будто притих и затаился. При том, что до вечера было ещё довольно далеко, а на небе сверкало по-летнему яркое солнце, картина получалась особенно странной. И даже зловещей.

Звук наших шагов, который оказался каким-то слишком громким, мог заставить сердце испуганно сжаться, но этого всё-таки не случилось. Просто рядом шел человек, который, и я точно это знала, прикончит любого, кто обидеть вздумает.

При том, что последние семь лет жизни я провела в цирке и добра от людей вообще не видела, ощущение было непривычным. Ещё непривычней было осознание – будь на месте герцога Кернского кто-то другой, я бы взбрыкнула. А от него, от Дантоса, я эту заботу принять готова. Я доверяю блондинчику едва ли не больше, чем себе.

Это было удивительно. Да, удивительно, потому что после предательства Ласта мой мир рухнул, и я зареклась страдать такой глупостью, как доверие. А тут…

Совести у Дантоса нет – так в душу залезть! И самое мерзкое – выгонять его оттуда совершенно не хочется. Вот совсем. Ни капли!

– О чём ты так усиленно фырчишь? – нарушил возникшее молчание Дан. И добавил не без напряжения: – Что ты опять задумала?

Фырчу? Правда? А я и не знала…

А почему сразу «задумала»? Почему меня как что, так сразу в дурных намерениях подозревают?

Повинуясь этим мыслям, я подарила герцогу Кернскому фальшиво-обиженный взгляд, но спорить всё-таки не стала. Вместо этого спросила о важном:

– Откуда ты знал, что к Рестричу летят драконы? И почему вы с Верноном смеялись?

Блондинчик ответил не сразу. Сперва остановился, притянул меня ближе и, наклонившись, поцеловал в щёку. А через миг отпустил и, когда мы продолжили путь, признался:

– Не знал, но вероятность, что драхи появятся, имелась.

Я удивлённо вытаращилась, но промолчала. А в памяти запоздало всплыли слова наследника Руала, при нашей последней встрече сказанные… «Сегодня утром отцу доставили послание от одного из вождей драхов, – сказал тогда мальчишка. – Не знаю про что там, но отец не обрадовался. Полагаю, эти дикари всё-таки решили раздуть скандал из той драки».

Ну и хмурая озадаченность Роналкора, которая мигом передалась светлости, вспомнилась. И ещё одно – «Астра» и «неприятности» сказал тогда монарх, и как-то… слишком близко эти слова прозвучали.

– Драхи, – возвращая меня в настоящее, произнёс Дантос. – Некоторое время назад в императорскую канцелярию пришло послание от одного из вождей.

Я тут же встрепенулась, но продолжение с моими ожиданиями не совпало…

– Вождь писал о том, что по возвращении в племена они рассказали о встреченном в столице драконе, и народ воспринял эту историю неоднозначно. А главный жрец и вовсе на брань изошел – он посчитал поступок вождей в корне неверным. По мнению жреца, им не следовало оставлять маленького дракона с людьми, особенно учитывая то, в каком этот дракон состоянии.

Тут же вспомнилась волна пламени, которую послала в меня Верха, бешеная боль и последующее беспамятство. Да, в тот момент состояние моё было не из лучших – Верха уничтожила магический ошейник, но внутренние шипы расплавились, едва не убив. Но… со мной тогда Дантос был и, объективно говоря, уж кого, а драхов рядом не хотелось.

– Какое-то время жрец просто ворчал, а потом уведомил вождей, что намерен лететь в империю. При том, что он, как и положено людям его… хм… рода деятельности, немного не в себе, старейшины заволновались и поспешили отправить к Роналкору гонца. – Дан замолчал, но тут же продолжил: – Они опасались, что жрец наломает дров. Переживали, что он поставит под удар начавшие налаживаться отношения.

Подробностей про нынешние отношения имперцев с драхами я не знала, но в данный момент они и не интересовали. А вот появление на горизонте жреца заставило поёжиться.

Просто в культуре дархов жрецам отведена особая роль. В частности – жрецы никак светской власти не подчиняются и в особых случаях могут эту самую власть заменить. И главный жрец… ну он, собственно, главный и есть. И вожди, как понимаю, даже в свиту сопровождения напроситься не могли, чтобы хоть как-то новый визит проконтролировать.

То есть повод для волнения действительно был, причём не только у вождей, но и у Роналкора. Потому что сумасшедший дикарь на драконе – это страшно. Даже если он один! В смысле, без свиты.

– И что было дальше? – спросила я осторожно. Хотя кое-какие догадки, конечно, имелись. Ждали где-то там, у запертых ворот Рестрича!

– Дальше была короткая попытка дипломатической переписки и, собственно, визит жреца и сопровождающей его свиты.

А вот теперь я удивилась всерьёз. Визит? А как? Когда? И… и почему я не знаю?

– Когда? – выпалила уже вслух.

Блондинчик подарил смурной взгляд, но всё-таки ответил:

– В ночь твоего побега.

Он сказал, а я споткнулась. И в этот миг головоломка, состоящая из множества фрагментов, вдруг сложилась.

Ну конечно! Конечно!..

Сообщение от вождя драхов, о котором Роналкор сказал в момент визита в особняк, несколько недель нервного состояния Дантоса, и внезапный вызов среди ночи. Герцог Кернский срывается и мчится во дворец, и он настолько погружен в проблему, что даже увязавшегося за каретой дракона не чует. Теперь понятно, кто именно приехал. К кому Дан так спешил. И да, там действительно было о чём волноваться – вдруг гости в ожидании аудиенции полстолицы спалят?

Дальше – мой полёт над городом, трансформация, ещё одна трансформация и странное поведение драконьей сущности. А потом…

Нет. Нет, я всё-таки не выдержала и остановилась. И во все глаза уставилась на светлость. Просто до меня дошло! Я поняла, что эта мучительная «чесотка» означала!

– Зов, – сказала тихо. – Драконы умеют переговариваться друг с другом, и после того, как ты сказал жрецу, что встреча с маленьким драконом исключена, они начали искать меня сами. Они начали звать. И я это чувствовала.

Герцог Кернский недоумённо заломил бровь, но я пояснять не стала. И вообще говорила, скорее для себя.

– Будучи в истинном обличье, я этого зова не чувствовала, а вот когда становилась драконом… Дан, они звали! И именно так, через эти драконьи штучки наше местоположение вычислили!

Блондинчик, судя по взгляду, понял не всё, но уточнять не стал. А драконья сущность вновь заворчала, и вот теперь я уловила её согласие. И даже поняла, почему она прежде

объяснять не желала!

Просто если бы мне в момент путешествия стало известно о том, что за мной драконы гонятся – не знаю, что бы и было. Я бы от разрыва сердца умерла! А если бы и выжила, то ни за что в Рестрич не поехала – я бы сменила маршрут, чтобы не привести опасных хищников к родному дому.

– С чего ты взяла, что я отказал жрецу во встрече с маленьким драконом? – щуря серые очи, спросил Дантос. – С чего решила?

– Ну как это… – Я слегка растерялась. – Как это «с чего»? Это же очевидно. Ты точно не мог согласиться на моё знакомство с каким-то не слишком вменяемым драхом.

И добавила мысленно: ты же не старейшина народа метаморфов. И не Гертон.

– Ладно, малышка. Угадала, – видя мою растерянность, сжалился Дан. А через миг привычно притянул к себе и продолжил: – Я действительно отказал жрецу во встрече, но он с решением не согласился. Продолжил настаивать, причём в жесткой форме. В результате, слово за слово, и мы…

– Только не говори, что вы подрались, – припомнив всё ту же многострадальную встречу с вождями, прошептала я.

И в самом деле рассчитывала услышать «нет», но…

– Он первым начал, – пожал плечами Дан.

Я застонала. Потом уткнулась лбом в герцогское плечо и застонала опять.

– Всё хорошо, – отозвался блондинчик. Судя по тону, так оно и было. – Драхи – люди диковатые, и они очень уважают силу. Для них хорошая стычка значит куда больше, чем разговоры.

– То есть скандала и в этот раз не случилось? – ещё не веря в счастливый исход, спросила я.

– Не случилось. – Герцог Кернский фыркнул. – Но я всё-таки обещал Фарубу знакомство с одной золотой девочкой. После того, как он поклялся всеми богами, что не причинит ей вреда.

Я закусила губу и подняла голову, чтобы вглядеться в лицо светлости.

– Фаруб – это имя жреца, верно? И… и что же было дальше?

– Мы договорились, я послал в особняк экипаж и записку – хотел, чтобы Жакар привёз тебя к нам. Но вместо этого Жакар связался с канцелярией Ронала по амулету и сообщил о побеге.

Стыдно? Нет, всё-таки не стало. А Дантос продолжил:

– Такое поведение дракона вызвало новую волну подозрений со стороны жреца. Пришлось отодвинуть переводчика, отвезти Фаруба в уголок и объяснить на пальцах, что ты не просто дракон, а девушка. Со всеми вытекающими.

С какими такими вытекающими? – хотела возмутиться я, но всё-таки промолчала. Да-да, знаю! Знаю, им, мужчинам, с нами, девчонками, порой сложно.

Тот факт, что Дан выдал дикарю мой секрет, совсем не взволновал. Драхи племя очень неразговорчивое. Особенно когда дело касается драконов.

– И что жрец?

– Сначала не поверил. А позже, когда шок прошел, я предложил ему отложить встречу. Сказал, что как только всё уладится, и ты найдёшься, то сам пришлю гонца в Западные горы. Фаруб в принципе согласился, но сказал, что они всё-таки попробуют поискать. Запретить я не мог и с учётом данной жрецом клятвы проблемы в этом не видел.

С этими словами Дантос выпустил меня из объятий. Тут же отступил на шаг и предложил даме локоть. Угу, блондинчик напоминал, что нас ждут, что нам следует продолжить путь. Я, конечно, согласилась.

– Ну а потом не до Фаруба стало. Потом я охотился за магическим маячком, а Роналкор поднимал по тревоге гарнизон стражи. Ну а после… совсем завертелись.

– Ты сказал императору, кто я…

Дантос мотнул головой.

– Хотел, но не успел. Для императора существование метаморфов секретом не является, так что Ронал и без меня всё понял. Причём задолго до твоего побега.

– Понял, но делиться информацией не стал? – уточнила я.

Собеседник пожал плечами.

– Его право. Главное, когда понадобилось, Роналкор рассказал о клятве, выдал название города и охранный приказ. Этого было более чем достаточно.

Уф… Да!

Но ведь о планах метаморфов на Дантоса наш владыка точно не догадывался. А он вообще в курсе, что одарённые способны на убийство его приближенных? Или считает, что подобное слишком большая наглость, на которую никто не пойдёт?

Чуйка шептала, что всё-таки второе, и я пришла к выводу, что обязательно Роналкора на этот счёт просвещу! И плевать, что это гигантский шаг против сородичей – я перед императором в долгу, и я отплачу.

Да и вообще… кое-кто действительно очень сильно обнаглел, и дополнительные ограничения лишними точно не будут!

Воспоминание об одарённых и, в частности, о Гертоне заставило… как выражается Дантос, зафырчать. Но в следующий миг я фырчать перестала и вообще чуть-чуть онемела.

Просто мы как раз к воротам подошли, и стало ясно, что не все жители Рестрича сейчас по домам прячутся… На двух смотровых площадках, расположенных на городской стене, народ стоял очень плотно. Сородичи мои, безусловно, на драконов таращились. Да с такой увлечённостью, что даже не заметили нашего с Даном появления.

Зато стражники засекли сразу же! Едва мы с блондинчиком приблизились к воротам, памятный седеющий вояка, имени которого я так и не вспомнила, отпер калитку, и… ему явно стоило больших усилий сдержаться и не выпихнуть нас, как каких-нибудь грязных бродяг.

Такое отношение задело… Но едва переступили границу города, хамоватый страж вылетел из мыслей, словно не бывало. А я застыла, вцепившись в локоть Дантоса и приоткрыв рот. Из рассказов светлости я сделала вывод – всё будет хорошо, нас не тронут. Но не испугаться было невозможно.

Пять! Пять огромных крылатых созданий разной окраски! И у каждого жуткие когти, острые зубы, хищные боевые шипы и прочие смертоносные атрибуты!

Ну а рядом с драконами – они, дикари. Четверо одеты в обычные для драхов кожаные штаны, жилетки и сапоги на мягкой подошве, а вот пятый…

Жрец Фаруб напоминал экзотическую птицу. Этакого доранского попугая или хохлатую цаплю. Лицо в ярком гриме, за плечами разноцветные метёлки, имитирующие крылья, по подолу длинной кожаной рубахи крашеные же хвосты каких-то зверьков. Да и на штанах с сапогами что-то прилеплено!

Но смеяться, глядя на этот близкий к шутовскому наряд, не хотелось. Наоборот! При всей внешней несерьёзности, от главного жреца веяло какой-то особенной силой. Какой-то невероятной, нечеловеческой мощью.

В первый момент я очень пожалела, что напросилась на эту встречу. Более того: если бы седеющий стражник не закрыл калитку, я бы развернулась и сбежала прямо сейчас! Но пути к отступлению не имелось, а Дантос на пару с драконьей сущностью были предельно спокойны. В итоге я позволила блондинчику увлечь себя дальше. Собственно туда, к драхам.

Дикари ждали примерно в полусотне шагов, и эта дорога показалась самой долгой в жизни. Зато, когда мы подошли и я взглянула в лицо Фаруба, страхи растаяли, словно дым на ветру. Просто этот во всех смыслах яркий мужчина улыбался, да настолько радостно, что бояться банально расхотелось. Более того – возникло желание улыбнуться в ответ, что я и сделала.

– Архенташ… – выдохнул Фаруб.

А подскочивший к нам драх из числа «обыкновенных», в смысле не ряженых, перевёл:

– Главный жрец Фаруб говорит, что это невероятно.

– Да, она такая, – с улыбкой отозвался блондинчик. – Невероятная.

А после того, как переводчик передал эти слова жрецу, добавил:

– Я не хотел вашей встречи. Думал познакомить вас в более комфортной и спокойной обстановке. Но Астрид настояла…

– Аст-рэд, – выслушав перевод, повторил Фаруб и улыбнулся ещё шире.

Он шагнул навстречу и замер чётко напротив меня.

Глаза у духовного лидера драхов оказались тёмными, почти чёрными. Но, несмотря на эту черноту, я очень чётко видела – зрачки у Фаруба нечеловеческие, вытянутые.

Когда он начал вглядываться, драконья сущность заворочалась и заворчала. Потом зафырчала и… как будто засмущалась. А ещё через миг мы услышали…

– Архенташ. Эртен-шин. Тарис тон. Ританата мита дратан! Лэдэ драхан.

– Невероятно, – поспешил вмешаться переводчик. – Они вместе. Они переплетены. Это же настоящий человек-дракон! Точнее – леди-дракон.

Драх сказал и только потом понял, что именно. И сам от собственного перевода офигел. Но не больше, чем Дантос…

– Переплетены? – переспросил он после паузы.

– Лэдэ драхан! – радостно повторил Фаруб.

В следующий миг налетел порыв ветра. Он ударил нам в спины, а Фаруб демонстративно вдохнул запах, но… В общем, не знаю, чего хотел добиться жрец, а в итоге застыл каменным изваянием и с огромным, просто нечеловеческим трудом повернул голову, чтобы вытаращиться на герцога Кернского.

В глазах с вертикальными зрачками читался шок.

Мне тут же вспомнился остров посреди озера и разлитый в воздухе аромат древней магии, главным источником которого являлся Дантос. Ещё миг, и сердце замерло, а сознание охватил ужас. Ведь для драконов древняя магия сродни наркотику, и если крылатые рептилии её учуют… Небо, я даже предположить боюсь, что тогда случится!

Новый порыв ветра, и драконы забеспокоились. Я видела, как раздуваются огромные ноздри, как гигантские когти скребут по земле. Сама не своя от ужаса сделала шаг вперёд, в попытке загородить герцога Кернского, но нападения не случилось – драконы «подышали» и успокоились, а собственная драконья

сущность насмешливо фыркнула.

«Что?!» – мысленно воскликнула я.

И тихонечко застонала, припомнив ещё одну деталь…

Да, с какого-то момента главным источником запаха был именно Дантос, но мне самой наброситься на светлость совсем не хотелось. То есть я всё чуяла, но реагировала не так, как на кортик или источник, найденный в своё время на Плато Жизни.

Значит ли это, что когда древняя магия наполняет не предмет, а живое существо, то всё совсем иначе? Значит ли это, что, несмотря на наркотический запах, герцог Кернский в безопасности?

Разум подсказывал лишь один ответ – чёткое, безапелляционное «да». Это стало поводом облегчённо выдохнуть и осознать внезапно, что мой шок длился всего пару секунд и замешательства моего никто не заметил…

– Что не так? – уловив реакцию Фаруба, поинтересовался Дантос. И, обвив мою талию рукой, крепко прижал к себе – чтобы не дёргалась и лишних шагов не совершала.

Фаруб моргнул, сбрасывая оцепенение, и активно замотал головой. На его губах снова расцвела невероятная улыбка, но… нет. Нет, пояснять жрец не стал!

Он отступил и вновь застыл, словно любуясь нашей парой. А потом заговорил, и, благодаря всё тому же переводчику, мы услышали:

– Если он тебе надоест, приходи к нам. В Западных горах будут очень рады маленькому дракону, Аст-рэд.

И после паузы:

– Как всё-таки жаль, что я дал клятву этому человеку. Иначе я бы тебя выкрал.

Последняя фраза заставила герцога Кернского метнуть в жреца убийственный взгляд. А тот… рассмеялся самым бессовестным образом.

Зато когда драх успокоился, блондинчик покосился на городскую стену и сказал:

– Фаруб, можешь оказать нам с Астрид одну услугу?

– Что нужно? – выслушав перевод, доброжелательно осведомился дикарь.

– Люди в этом городе… Мы хотим уехать, а они не пускают. Пожалуйста, покажи им, что бывает с теми, кто пытается угрожать драконам…

Переводчик передал слова Дана жрецу, и от добродушия Фаруба даже следа не осталось. Но насладиться суровым выражением лица и каркающим ответом, в котором точно содержалась брань в адрес метаморфов, я не сумела.

Просто в этот миг драконья сущность снова заворочалась, и… слов, как в случае с Верхой, не звучало, но тот факт, что моя внутренняя драконица о чём-то переговаривается с остальными, был очевиден. И пусть ни тени угрозы со стороны этих огромных крылатых ящериц не исходило, это было жутковато.

А потом духовный лидер драхов и его переводчик отступили, и тут совсем жутко стало! Ибо Фаруб сказал что-то на своём языке, сделал какой-то жест, и пятёрка огромных, самых настоящих драконов ударила передними лапами по земле и, вскинув морды… взревела.

Рёв! Невероятный, мощный и до того громкий, что зажимать уши совершенно бесполезно. А за рёвом новый удар лапами, да такой, что земля не просто дрогнула – загудела!

За ударом опять рёв, и один из драконов – тот, что ближе всех к городской стене, выдыхает струю пламени! И пусть голова его вскинута, то есть огонь уходит в небо, но я всё равно на грани обморока оказываюсь. Как и застывшие на смотровых площадках метаморфы.

Тот факт, что стою в кольце сильных рук, что Дантос рядом и в обиду точно не даст, облегчения не приносит. Мне страшно до визга! Однако завизжать почему-то не получается. Закрыть глаза и не видеть тоже не могу, поэтому с замиранием сердца наблюдаю, как примеру первого дракона поддаются и остальные.

Зрелище превращается в нечто поистине убийственное, и только теперь, когда страх доходит до крайней точки, оцепенение с меня спадает. Я делаю глубокий вдох и, поймав улыбку на губах Дантоса, прихожу к старому выводу – совести у этого мужчины всё-таки нет. Такую заварушку устроить!

Пока я пытаюсь унять сердцебиение и принимаю тысячу лёгких поцелуев в щёки, подбородок, лоб, глаза… наши дикие друзья взбираются на спины к своим монстрам и командуют взлёт.

Драконы отталкиваются лапами, и земля снова дрожит, грозя обрушить городские стены, и нам с Даном едва удаётся устоять на ногах. А вот порывы ветра, вызванные огромными крыльями, нас каким-то чудом минуют. Через несколько бесконечно долгих секунд мы уже наблюдаем кружащую в небе пятёрку.

В этот момент становится как никогда ясно – уж с кем, а с драхами ссориться не стоит. Ни за что! Ни при каких обстоятельствах!

Как ни смешно, но эта простая истина открывается не только нам. И едва драконы поднимаются выше, ворота города распахиваются, являя взору трио старейшин. Медленно, словно в

ботинках у них гвозди, Нил, Дурут и Ждан приближаются к нам, и…

– Астрид, ты свободна, – говорит старейшина Дурут. Голос звучит тихо, но очень нервно.

– Можешь ехать хоть в столицу, хоть в Керн, хоть куда… – добавляет не менее тихий и не менее нервный Нил. – Мы не против.

А бывший наставник дарит тёплую улыбку и чертит в воздухе благословляющий символ. Причём хитрый – из числа брачных!

Это повод смутиться, но…

– Астрид, ты свободна! – не дождавшись реакции, повторяет Дурут.

– Совершенно! – подчёркивает Нил, и…

И мне приходится закусить губу, чтобы не рассмеяться! Старики точно не признаются, но я-то вижу – они ужасно боятся, что я останусь. И это их разрешение… оно сродни молитве!

– Благодарю, – справившись с эмоциями, отвечаю я.

Тут же выворачиваюсь из объятий светлости и, как приличная девочка, делаю книксен. А через миг всё-таки не выдерживаю…

– Но если родителям, Тору и Юдиссе будет запрещено посещать меня в Керне, то я вернусь!

Нил и Дурут дружно бледнеют, а Ждан и Дантос честно пытаются подавить улыбки.

Ещё миг, и герцог Кернский отступает в сторону, чтобы взмахнуть рукой, и только теперь пятёрка драконов, заложив долгий коллективный вираж, растворяется в небесной выси. Я улыбаюсь им вслед, но уже через минуту возвращаюсь в реальность, чтобы резко посерьёзнеть.

Просто всё это очень хорошо, но есть один момент, который ужасно меня беспокоит… Как там наш возница? Ведь мало того, что в очень странный город приехал, так тут ещё и это. В смысле, демонстрация драконьей мощи с огнём и землетрясениями. Не хватил ли несчастного человека удар? Может, ему помощь нужна? Моральная и эмоциональная поддержка?

Озадаченная этими мыслями, я подарила старейшинам лучистую улыбку и, взяв Дантоса за руку, повела его к воротам города. Я была очень счастлива и знала – вот теперь всё точно будет хорошо!

Эпилог

Мы покинули Рестрич следующим утром. Дантос и Вернон ехали верхом, а я в упомянутом экипаже.

Несмотря на то, что прощание с родными получилось очень тёплым, а погода снова радовала по-летнему ярким солнцем, настроение моё оставляло желать лучшего. Более того, оно портилось с каждой секундой!

Кто виноват? Увы, но на сей раз отличились вовсе не старейшины, а герцог Кернский, собственной сероглазой персоной. В частности, блондинчик так и не спросил моего согласия на эту поездку. Не говоря уже о свадьбе.

Но! Но теперь я решила поступить по-умному. Не фырчать в ожидании, когда вспомнит и одумается, а… да-да, я напомнила сама! Причём сделала это в очень корректной форме.

В момент, когда Дантос помогал мне сесть в экипаж, поинтересовалась:

– Дорогой, а ты ни о чём не хочешь меня спросить?

Герцог Кернский красиво заломил бровь, а я…

Я села на диванчик, расправила оборки на юбке, поманила его пальчиком. А когда вставшая на ступеньку кареты светлость подалась вперёд, шепнула:

– А вдруг я не согласна ехать с тобою? Вдруг совсем-совсем замуж за тебя не хочу?

Слова были произнесены самым кокетливым тоном, и было совершенно ясно – я не собираюсь раздувать из этого скандал. И вообще – достаточно формального вопроса, и я тут же успокоюсь.

И вот как, спрашивается, следовало поступить в такой ситуации взрослому, взвешенному мужчине?

Правильно! Ему следовало этот вопрос задать, выслушать столь же кокетливое «да», и… и идти к своей лошади, раз ехать в экипаже не хочется!

А как поступил Дантос?

– Извини, малышка, но нет, – сказал он. И пояснил: – Не забыл. В данном случае твоё мнение не учитывается.

И, собственно, всё.

Всё! Сказав ошеломляющую гадость, блондинчик ретировался!

Он спрыгнул со ступеньки, захлопнул дверцу экипажа и поспешил к осёдланной лошади!

А я осталась. На обитом бархатом диванчике, у расшторенного окошка, под прицелами взглядов родителей, Юдиссы и других провожающих.

Показать, что что-то не в порядке, я, разумеется, не могла. Мне пришлось улыбнуться шире и сделать вид, будто всё прекрасно. Ну а когда экипаж тронулся, когда выехал за ворота негостеприимного города и покатил по узкой дороге, улыбка моя растаяла, а душу затопило смятение. И настроение начало плавное скольжение к пропасти.

Как это «не забыл»? Как это «не учитывается»? Как…

Весь день я сидела и надеялась, что их светлость одумается и извинится. Но этого не случилось.

А когда настало время ночёвки, когда заселились в гостиницу и поужинали, Дантос явился в мою комнату, и я таки услышала…

– Астрид, ты можешь дуться сколько хочешь, но я не шучу. Ты свободна во всём, но твоё мнение по поводу свадьбы меня действительно не интересует. Мы вместе, и это не обсуждается.

И добавил, после очень долгой и очень хмурой паузы:

– Увы, но как показывает практика, лишняя свобода тебе противопоказана.

Я вспыхнула вся! До самых кончиков ушей! Но всё-таки выслушала и даже спорить не стала. Зато когда блондинчик приблизился и попытался поцеловать – не далась. Отскочила от него и уверенно указала на дверь!

Как ни странно, но герцог Кернский этому моему желанию повиновался. Правда, уйти молча не смог.

– Астрид, тебе прекрасно известно, что я прав, – обернувшись на пороге, сказал он. – Пожалуйста, прекрати драматизировать.

Гадость ситуации заключалась в том, что какая-то часть меня была полностью с Дантосом согласна! Другая, если совсем честно, тоже соглашалась, но ей было настолько обидно, что хоть вой.

Тем не менее я снова поступила рассудительно – я заняла выжидательную позицию, давая их светлости возможность одуматься и как-то нашу размолвку смягчить, но он этой возможностью не воспользовался!

На протяжении пяти недель, которые длилась поездка, блондинчик вёл себя так, словно проблемы не существует и всё действительно решено. Даже моя подчёркнутая холодность и запрет на поцелуи упрямца не волновали. Он, безусловно, считал, что я вот-вот перебешусь, и всё наладится, вот только…

Нет. Нет, я успокоиться не могла! Более того – с каждым днём мне становилось всё обиднее! И когда до замка осталось всего ничего, когда экипаж уже свернул на нужную дорогу, я решилась.

Я закрыла шторки и расстегнула плащ. Сняла шляпку, сдёрнула с рук перчатки и размотала шарфик. Потом стянула

сапоги с чулками и занялась пуговицами платья. Затем, когда с платьем было покончено, избавилась от белья и, превратив комплект одежды в аккуратный свёрток, с ногами забралась на узкий диванчик.

Дальше – совсем просто.

Не обращая внимания на осенний холод, я закрыла глаза и позволила родовой магии потечь по венам. Пережила ставшую уже обыденной вспышку боли и мысленно ухмыльнулась. Потом села поровнее, поиграла крыльями, обвила лапки хвостиком и, не выдержав, засопела.

Ну что, пупсик? Допрыгался?

Угу. Вот и мне кажется, что да.